

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.М. ШУКШИНА»

Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований

**Материалы II Всероссийской с международным участием
научной онлайн-конференции, посвященной памяти
кинорежиссёра, актёра, сценариста и писателя Василия
Макаровича Шукшина**

SHUKSHIN-2020

**Бийск – Сростки, 24-25 августа 2020 г.
АГПУ им. В.М. Шукшина**

Об издании

ББК 81.0+71

С 34

УДК: 009

Издается по решению оргкомитета II Всероссийской с международным участием научной онлайн-конференции «Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований»

Редакционная коллегия:

кандидат филологических наук, доцент М.С. Власов (отв. ред.);

кандидат философских наук, доцент А.М. Беспалов;

доктор педагогических наук, профессор О.В. Попова

С34 Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований
[Электронный ресурс]: Материалы II Всероссийской с международным участием научной онлайн-конференции, посвященной памяти кинорежиссёра, актёра, сценариста и писателя Василия Макаровича Шукшина (SHUKSHIN-2020), Бийск – Сростки, 24-25 августа 2020 г. / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2020. 133 с. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). ISBN 978-5-85127-956-0

В издании опубликованы материалы участников II Всероссийской с международным участием научной онлайн-конференции «Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований», проходившей в г. Бийске в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. В. М. Шукшина 24-25 августа 2020г.

Текстовое электронное издание.

Минимальные системные требования: ПК 500 и выше; 256 Мб ОЗУ; Windows XP и выше; SVGA с разрешением 1024x768; CD-ROM, мышь; Adobe Acrobat Reader.

ISBN 978-5-85127-956-0

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за нарушение авторских прав, а также соблюдение научных и этических норм в ходе исследований несут авторы публикуемых материалов.

© АГГПУ им. В.М. Шукшина, 2020

© Авторы, 2020

Содержание

Об издании.....	2
Belfarhi Khadija.....	
The Pragmatic Functions of Combinatory Constructions in Computer-mediated Communication	5
Peredera O. S.	
Artistic languages (artlangs) as a special way of expressing fictional culture: specificity and features	5
Vlasov Mikhail.....	
A psycholinguistic database of Russian youth slang and destructive jargon: assessing emotive characteristics and subjective word frequency	9
Аксенова Г.В.	
История духовно-просветительской миссии Русской Православной Церкви в Сибири в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина): по материалам Отдела рукописей РГБ.....	10
Бабичева Ю.Г.	
Мифологема воды в рассказах В.М. Шукшина.....	18
Баранова О.В., Текучева И.В.	
Обучение разным видам аудирования в основной школе: историко-методический аспект проблемы	21
Бачимова М.С.	
«Обращение» как средство выражение вежливости в китайском и алтайском языках	25
Беспалов А.М., Прудникова М.М., Бояринов С.Ю.	
Анализ исследований этно-социальной идентичности	28
Гузъ Н.А.	
Заглавия в рассказах В.М. Шукшина	36
Дегальцева Е.А.	
Провинциальные маскарады предреволюционной эпохи как исторический перформанс	38
Долгих У.О.	
Коренные народы Сибири и политика государственного управления: опыт эвенков	43
Еремеев Е.А., Беликова Р.М.	
Оценка экономико-географического положения города Бийска в постиндустриальную эпоху	47
Еремеев Е.А., Коровина С.А., Сантагина Л.С.	
Парки и скверы посёлка Нагорный (г. Бийск)	51
Жукова М.А.	
Особенности овладения младшими школьниками с задержкой психического развития навыками продуцирования пейзажных описаний	55
Захарова А.В.	
Анализ пространственного образа Барнаульской агломерации путем интерпретации геоментальных карт	59
Калинин С. С.	
Эволюция контактных идиомов с русскоязычной основой в сопоставительном аспекте	63
Курмачева Е.О.	
Лексико-семантическое поле «Быт» в языке Амурской области и Крайнего Северо-Востока России67	
Мокрецова Л.А., Попова О.В.	
Сибирская ментальность и ментальное профессиональное обучение: проблемы и перспективы ..	72
Назарова Ю.В.	
Экзистенциальные смыслы прозы В. Шукшина в аспекте мотива смерти	76
Нечаев В.А., Быкова А.А.	
Подходы к реализации органической парадигмы образования в школьном обучении иностранному языку.....	79
Островая Ю.С.	
Концепт «гендер»	82
Панчук Т.А.	

Музейная образовательная среда как средство воспитания у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям народов России	85
Семенова А.В.	
Столкновение русского и азиатского менталитетов в повести Г.Д. Гребенщикова «Любава»	89
Сироткина Т.А.	
Региональная идентичность жителей Югры в зеркале югорского текста	93
Токарева М.А.	
Приобщение детей дошкольного возраста к природе в условиях семейного воспитания	96
Тропникова В.В.	
Agile методологии в образовании: возможности для обучения химии	99
Трофимова У.М., Олшиякова К.	
К вопросу о пространственной и временной вариативности жаргонных единиц (на материале наименования денег)	103
Трофимова У.М., Трофимова Е.Б.	
К проблеме осмысления феномена «несвязных» текстов	109
Федорова В.Г.	
Тема Великой Отечественной войны в стихотворениях поэтов-фронтовиков Алтайского края	112
Холунова Д.С., Кривошеева Е.И.	
Особенности перевода топонимических единиц Хабаровского края с русского на китайский язык	119
Чернышов С.А.	
Формирование территориальной идентичности в процессе присоединения Западной Сибири к Русскому государству: реальность и отражение в коммуникативных практиках	123
Об издателе	133

Belfarhi Khadija

Department of English, University of Annaba-LIPED, Algeria

The Pragmatic Functions of Combinatory Constructions in Computer-mediated Communication

Abstract. Electronic discourse is a language used in a different context characterized by multiple facets among which is the fact of being both spoken and written (Foertsch 1995). It provides the learner with more tolerance in spelling and grammar mistakes and linguistic relaxation and economy of writing. It has unique situational features, and embodies a distinctive set of linguistic features (Herring, 1996). Besides, it de-emphasizes accuracy as it is not possible to fix the grammar of the electronic genre.

Electronic discourse brings new pragmatic features to content words. Combinatory forms become a new form of English in CMC. They are the result of combining language with mediated forms such as punctuation, emoticons and others. The mediation through the computer and electronic messaging make adjectives bearing different features not only at the syntactic level but also the pragmatic.

Emoticonomy is one of the main features of in the grammar of the language used in ICT. It is defined as by Bodomo & Lee (2002) as “*a subfield of CMC which involves the analysis ad practices of employing smileys and related icons for conveying emotions and other linguistic and kinesic features intended by the author*” (as cited in Adams, 2009: 117). Emotions often accompany adjectives and adverbs and mediate pragmatically between different word classes. In electronic messages of English speakers in Algeria, emoticons play a central role in the way that they take pragmatic functions seen mainly in their capacity to substitute the principles of politeness, quantity and quality.

The analysis of a corpus collected from a group of CMC revealed that non-native English users developing through time a kind of language combining the syntactic structure of words with a pragmatic function. Linguistically this type of structures cannot be generated by the grammar of English but users through the pragmatic mediation establish a kind of cooperation wherein users exchange texts throughout.

Keywords: teaching English as a second language

References

- Adams B. B. (2009) Computer-Mediated Communication for Linguistics and Literacy: Technology and Natural Language Education: Technology and Natural Language Education. IGI Global.
- Foertsch, J 1995. „The impact of electronic networks on scholarly communication: Avenues to research”. Discourse Processes 19: 301– 28
- Herring, S.C. (1996). Computer-mediated Communication: Linguistic, Social, and Cross-cultural Perspectives. John Benjamins Publishing.
- Williamson, W. (2013). Digital media Literacy and Intercultural Competence, IN Intercultural Horizons: Best Practices in Intercultural Competence Development, Eliza J. Nash, Nevin C. Brown, Lavinia Bracci (eds.). Cambridge Scholars Publishing.

Peredera O. S.

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Artistic languages (artlangs) as a special way of expressing fictional culture: specificity and features

Abstract. The article reveals the features and specifics of fictional (artistic) languages. The functions of artlangs and their importance in a work of art are revealed. Four languages from famous works of art were taken as examples: the first is Dothraki language that was used in the film “Song of Ice and Fire” by George R. R. Martin; the second is Na’vi that also was invented by P. Frommer and presented in the film Avatar created by James Cameron, the third is Sindarin shown in the film “Lord of the Rings” produced

by Peter Jackson according to the plot by J. R. R. Tolkien and the forth is Newspeak from George Orwell's dystopian 1949 novel '1984'.

Keywords: artlangs, fictional languages, fictional culture, Sindarin, linguoconstruction, Dothraki language, Newspeak.

It is generally accepted that language is one of the most important components of culture, its vivid reflection that characterizes historical features, traditions, and the mentality of a native speaker. Language is a complex structure, a living organism, which has a constant development. It is studied not only by linguists, but also by psychologists, philologists, historians, sociologists and neurobiologists and many other specialists who are involved in this research.

Our research is devoted to study of fictional languages (artlangs), invented for special purposes, and representing an important sphere of research. Artlangs are languages created to perform specific functions. We concluded that such languages have functions that are represent the fiction created to deepen the view of the readers to give additional impact.

We researched some facts concerning the existence of such fictional languages and came to the following: They are usually followed by some creators whose works serve for study the structure and fundamentally different way of culture. These languages serve different strategies: they allow better understanding the structure of functioning of natural languages and the relationship between culture and language. Artlangs also help authors to create their fictional world.

We investigate the following artlangs: the first is Dothraki language that was used in the film 'Song of Ice and Fire' by George R. R. Martin; the second is Na'vi that also was invented by P. Frommer and presented in the film 'Avatar' created by James Cameron and the third is Sindarin shown in the film 'Lord of the Rings' and produced by Peter Jackson according to the plot by J. R. R. Tolkien.

Our research shows that these languages perform the functions of entertainment, for example, in the series "Game of Thrones" the language that is presented by David J. Peterson fulfilled three main principles:

- conformity to the world of R. R. Martin;
- artistic harmony;
- theoretical meaningfulness [1].

These principles are very important for our investigation as they show that these languages are of no usage because of lack traditional and customary heritage.

The main analytical basis for Dothraki in the version of Peterson was his own work based on natural languages: Russian, Turkish, Estonian, Inuktitut (the far north of Canada) and Swahili.

Dothraki is the most important tool for creating the image of the Dothraki - a warlike, nomadic, severe people. A horse is a central concept in language, since the image of a horse in a fictional culture is closely connected with the concepts of fidelity, honesty, courage and resoluteness. In the Dothraki language, there are 8 different words denoting a horse, and the words "thank you" and "please" do not exist at all, as this is considered a manifestation of weakness or cowardice [2].

We can see that the language developed by David Peterson reflects the cultural realities of the people of the Dothraki.

2. Na'vi is a fictional language developed by professional linguist Paul Frommer for James Cameron's Avatar movie. According to the scenario, the native speakers of Na'vi are the blue-skinned three-meter humanoids of the planet Pandora, whose atmosphere is poisonous to people. The language began to be developed by P. Frommer in 2005. As of the end of 2009, the language totaled about 1000 words.

Work on the Na'vi language continued even after the release of the film. Frommer hopes that the language will "live its own life," and thinks it will be wonderful if the language is developed further.

The Na'vi language is one of the most developed fictional languages used in a work of art. The creator of the language managed to make a significant contribution to creating an atmosphere of a unique extraterrestrial world, whose people have their own culture, meanings, and beliefs that are different from the human ones. Even the phrase "I see you" in Na'vi's language doesn't mean at all what we people understand. This is their greeting, with respect for the creature you are facing. The language turned out to be peculiar, complex, but at the same time beautiful and atmospheric.

3. For the characters of his works, the writer John Tolkien invented fifteen varieties of elven languages. Sindarin is the modern language of the elves, the most common among representatives of this race. For its basis, Tolkien took Welsh, Icelandic and Scandinavian languages. “The invention of languages is the foundation. The ‘stories’ were made rather to provide a world for the languages than the reverse. To me a name comes first and the story follows”, the author of the work wrote in one of his letters [3].

Tolkien is one of the most famous and prolific conlangers. He designed - with varying degrees of detail - more than twenty languages, each of which has a grammar and a lexical corpus. Tolkien's great achievement is that he was able to reproduce in his fictional world the genetic relationship of languages as it is embodied in the real world. Picture 1 shows an example of writing in Sindarin (writing in tengwar and transliterating in Latin)

A Elbereth Gilthoniel,	ī ēlbereth gilthoniel.
silivren penna míriel	silivren penna míriel
o menel aglar elenath!	o menel aglar elenath!
Na-chaered palan-díriel	na-chaered palan-díriel
o galadhrimmin ennorath,	o galadhrimmin ennorath,
Fanuilos, le linnathon	Fanuilos, le linnathon
nef aear, sí nef aearon!	nef aear, sí nef aearon!

Pic. 1. An example of a text in Sindarin (written in Tengwar and transliterated in Latin)

It is generally accepted that the Elven language is the most harmonious language among fictional languages. Such a language serves as a kind of standard even because the creatures themselves cause a pleasant association. They are sophisticated, aesthetic, possess wisdom and beauty.

4. Newspeak is a fictional language created by the dystopian writer George Orwell for his ‘1984’ book. Orwell, in the process of creating a language for dystopia, focused attention on vocabulary and the elimination of the meanings of words. The purpose of Newspeak was to narrow the possible boundaries of human thinking, for which the vocabulary of the language was minimized: if one could do without a word, it had to be excluded from Newspeak dictionary. To create an ugly, dystopian social order, Orwell created a language that complements and enriches fiction. Newspeak is one of the most important additions to the work. Orwell's Newspeak can be characterized by the following features.

- The division of the vocabulary of the language into three dictionaries by area of use. Dictionary A included only those words that are suitable for everyday use. It is extremely meager and unsuitable for philosophical conversations and free thinking, can be used exclusively in everyday life. Vocabulary B primarily consisted of words specially constructed to express political or ethical concepts. Dictionary C was auxiliary, it included only scientific and technical terms that were in circulation among specialists. The meaning of these terms was also cleared of undesirable meanings; they practically did not intersect with the lexemes of two other dictionaries [4].

- Elimination of semantic nuances and reduction of the vocabulary. Orwell's totalitarian system tried to get rid of unwanted thoughts and unwanted meanings that could make a person think or reflect at least a little.

- The imposition of words of a certain political position. Newspeak dictionary contained words that are characteristic of totalitarian society. Orwell writes that all words associated with the concepts of "freedom" and "equality" were replaced by one word "thought crime." Any free thought is harmful.

- Abundance of abbreviations and abbreviated words. Newspeak widely uses compound abbreviated words that are not typical for English, but are common in German or Russian, and often only 1-2 syllables

remained from each of the abbreviated words. Such a transformation of words simplifies the language, limits thinking. Abbreviated words become faceless, lose their emotional connotation.

The fictional nature of the language is also emphasized by the fact that its theoretical foundations and postulates are illuminated and explained by the author in a special appendix called 'On Newspeak'. The term itself is an approximate rough translation of the English Newspeak, a word used by George Orwell. Newspeak, the Appendix states, "was designed to serve the ideology of Ingsoc, that is, English socialism, the state structure of Oceania.

An analysis of Newspeak in Orwell's work allows us to conclude that Newspeak is not only a fictional language by the author himself, but also an artificially created language in the context of the work itself. It was created by a totalitarian system that suppresses any dissent and tries to take over the minds of millions of people. According to the plot, it is extremely difficult for a totalitarian system to use language as a tool to suppress dissent. Language forms naturally and changes and evolves naturally. Language reflects the mental and cultural characteristics of the individual and society. Language is a tool for expressing free thoughts and ideas. It is impossible to narrow down thinking with the help of language because language, one might say, is mind.

Speaking about the specifics and features of fictional languages, we can conclude that they mainly carry the function of forming the artistic system of a work. Among the features of artlangs can also be noted:

1. Fictional languages are not a direct object of communication, that is they are "dead alive", and not "living dead", as, for example, Latin [5]
2. As a rule, it reflects the mentality and culture of a fictional people, reveal characters, enrich the plot
3. Act as an aesthetic object
4. Can serve as a tool for forming a cohesive fan community [6]
5. They are the subject of study in the field of linguistics, sociology, and cultural studies, help to better understand the processes of language formation and linguo-construction.

A significant difference between artlangs and natural languages is their origin. If natural languages have evolved over the centuries, have a large historical and cultural basis, then fictional languages have one or more authors who have to use their own imagination and create a new product. In real life, no one uses elven or na'vi because these languages reflect another, non-existent reality. The language is made alive by tradition and everyday use. Therefore, in this case, artlangs are models that can be well developed or not, popular, or little known, but occupying a special niche in linguistics.

References

1. Монгилева Н. В., Ткаля А. Вымышленный язык как новый способ мировидения (на примере дотракийского языка в романе Дж. Мартина «Игра престолов») // *Lingua mobilis*. 2015. №2 (53)
2. Пиперски А. Конструирование языков: от эсперанто до дотракийского. – Альпина Паблишер, 2016.
3. Белова А. А. Вымышленные языки в языковой системе // *Россия в мире: проблемы и перспективы развития международного сотрудничества в гуманитарной и социальной сфере*. – 2019. – С. 406-418.
4. Оруэлл Дж. 1984. М.: АСТ, 2016

A psycholinguistic database of Russian youth slang and destructive jargon: assessing emotive characteristics and subjective word frequency¹

Abstract. How to recognize a social group affiliation of a person from one's specific lexicon? One possible way that is widely used by police and other power structures is to detect slang and special jargon words in a person's lexicon. Using certain words and meanings about drugs, violent video games, anime or other addictions young people can reveal their affiliation with some closed groups, including groups of destructive behavior. The aim of the project is to create a psycholinguistic database of Russian youth slang and jargon words with normative characteristics of words for using in psycholinguistic and cognitive research.

Key words: psycholinguistic database, youth slang, jargon, destructive behavior, affective words.

Introduction

The forms of destructive behavior are well studied in the psychological literature [1; 2]. For the purposes of our research, we adhered to the classification of forms of such behavior based on the works of K.V. Zlokazov [2; 3]. The author highlights the intrapersonal, interpersonal and meta-personal contexts of manifestation of destructive behavior. So, in addition to aggressive behavior, for example, in the intrapersonal aspect, destructive forms of a person's relationship to his own body through self-harm and self-change are considered [2]. In other words, destructive behavior can be directed both "at others" and "at oneself". It entails many socially significant problems (crime, addiction, depression and suicide). Without expanding the discussion about the etiology and various forms of manifestation of destructive behavior, this study is focused on a psycholinguistic aspect of slang and jargon perception and assessment. There are well-studied several normative characteristics of words and statistical effects that predict word mental representations. For example, high-frequent words are processed faster than low-frequent words, affective words are processed faster than neutral ones [4] etc. If a set of specific words is familiar and evokes strong emotions in a person, we can assume that this specific mental lexicon comes from one's everyday communication in some social group. Word frequency and affective characteristics of words are the main parameters for our current and further studies of slang and jargon perception.

Materials and methods

From special websites *teenslang.su* and *slovonovo.ru*, 68 most frequent Russian slang and jargon words (used from 2008 to the present time) were retrieved for assessment by Russian native speakers (98% of them are from Siberia). This word list includes jargon words associated with destructive behavior, for example, drug addiction, criminal behavior, video game addiction, etc. ($n = 45$), and everyday youth slang words related to oral and web-communication ($n = 23$). This word list ($n=68$) was prepared for online-assessment by Russian monolingual native speakers ($n=113$, aged 18 to 28 years ($M = 21$, $SD = 3.24$)). According to self-reports, none of participants belongs to a group of destructive behavior. For each word we used 4 scales of significant quantitative word characteristics reliable for experimental studies: subjective word frequency (on 0-5 points Likert scale), 3 scales of affective word characteristics (valence, arousal-excitation, arousal-tension) on a 9-point Likert scale.

Results and Conclusion

Overall, 7797 observations were analyzed that comprised responses to 68 words (+1 repeating word to check the reliability) in 113 participants. A significant moderate positive correlation was observed between objective word frequency (ipm in *General Internet-Corpus of Russian* [5]) and subjective word

¹ The study was funded by RFBR and Altai Territory Government according to the research project No. 19-412-220004 "Linguistic, cognitive and emotional factors of youth slang perception by subjects of destructive behavior: an experimental study".

frequency ($r_s = 0.322$, $p < 0.001$), as well as a moderate negative correlation between word ratings on the valence and arousal-excitation scales ($r_s = -0.340$, $p < 0.001$). There is a weak, but statistically significant positive correlation between subjective word frequency and number of word meanings ($r_s = 0.27$, $p < 0.001$).

Subsequently, a database will be extended and balanced according to the affective characteristics of words. Also, the words will be assessed by persons from groups of destructive behavior. In future, a database can be used as a resource for Russian slang words selection in psycholinguistic and neurocognitive paradigms, such as lexical decision task, Stroop task, processing of neologisms, word meaning recognition (lexical assess), emotional processing of special jargon.

References

1. Korolenko, Ts.P., Dmitrieva, N.V. (2000) *Sotsiodinamicheskaya psikhatriya* [Sociodynamic psychiatry]. Moscow-Yekaterinburg.
2. Zlokazov, K.V. (2016) Destruktivnoye povedeniye v razlichnykh kontekstakh ego proyavleniya [Destructive behavior in various contexts of its manifestation]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»* [Bulletin of Udmurt University. Series "Philosophy. Psychology. Pedagogy"]. 26(4). P. 67-73.
3. Zlokazov, K.V. (2015) Kontent-analiz tekstov destruktivnoy napravlenosti [Content analysis of destructive texts]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. 1(51). P. 244-251.
4. Vlasov M.S., Sychev O.A. (2018) Interaction of emotional and linguistic factors in lexical processing: evidence from Russian nouns. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*, 52, 18–52. DOI: 10.17223/19986645/52/2
5. GIKRYA - Generalny internet-korpus russkogo yazyka [General Internet-Corpus of the Russian]. URL: <https://int.webcorpora.ru/drake/>

УДК: 271.22-76(470-25:571.1/.5) (091)

Аксенова Г.В.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

История духовно-просветительской миссии Русской Православной Церкви в Сибири в трудах архимандрита Иннокентия (Просвирнина): по материалам Отдела рукописей РГБ

Аннотация. В статье раскрывается значение трудов историка-богослова, сотрудника Издательского отдела Московского Патриархата, преподавателя Московской Духовной академии архимандрита Иннокентия (Просвирнина) по истории различных аспектов миссионерского служения Русской Православной Церкви. Показано значение его трудов, посвященных «всем святым в Земли Сибирстей просиявшим». Представлены его исследования по истории Сибирского книгопечатания, церковного краеведения, о влиянии и взаимодействии культур в сохранении Севера России.

Ключевые слова: регионоведение, церковное краеведение, история Русской Православной Церкви, Алтайская миссия, сибирское книгопечатание, архимандрит Иннокентий, архивы, охрана исторического наследия.

«Делами проповеди и светильником любви
согревайте мир человеческий,
ибо только от любви любовь воспламеняется
и собою всякую ревность по Бозе приводит».
Святитель Софроний (Криспалевский)

«Люди, не знающие своего края,
далеки от реальности».

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин)

Архимандрит Иннокентий (Анатолий Иванович Просвирнин) (1940-1994 гг.) принадлежит к числу исследователей последней трети XX в., занимавшихся изучением региональной истории Сибири, истории духовного просвещения народов Сибири и православного миссионерства на территории Сибири и Дальнего Востока [1-4; 6; 24-25; 27; 31; 35-36; 39]. Ученый-богослов, историк Церкви, источниковед, «выдающийся русский археограф XX столетия» [30], педагог А.И. Просвирнин родился 5 мая 1940 г. в г. Омске. В 1958-1964 гг. учился в Московской Духовной Семинарии. В 1968 г. он окончил Московскую Духовную Академию со степенью кандидата богословия и был оставлен в Московских Духовных школах преподавателем истории Русской Православной Церкви. В 1963 г. епископ Волоколамский Питирим (Нечаев, впоследствии митрополит Волоколамский и Юрьевский, †2003) пригласил его на работу в редакцию «Журнала Московской Патриархии», где он заведовал отделами проповеди и богословия. В конце 1975 г. его ввели в состав редколлегии ежегодного сборника «Богословские труды», а в начале 1977 г. он получил назначение на должность заместителя главного редактора по научной работе. Участвовал в работе над многими изданиями Московского Патриархата: Библия (1969), Новый Завет (1976), Псалтирь, Напрестольное Евангелие, Триодь цветная, Триодь Постная, Октоих, Ирмологий, Служебник, Настольная книга священнослужителя, Минеи богослужебные, «Троице-Сергиева Лавра» (Альбом), Русская Библия (тт. 4, 7, 8, 9, 10), «История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России» (1995 г.), Деяния Поместного Собора по избранию патриарха Тихона (12 тт.), «Русские писатели-богословы. Историки церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания», Остромирово Евангелие. Он составил библиографию «Афон и Русская Церковь», «Труды архимандрита Леонида Кавелина». Архимандрит Иннокентий, был членом Археографической комиссии Академии наук СССР (ныне Российская Академия наук), Международного фонда славянской письменности и культуры, Славянского фонда России. Он участвовал в работе Международных съездов славистов, XVIII Международного конгресса византинистов в Москве. В Успенском ставропигиальном монастыре преподобного Иосифа Волоцкого основал научный центр «Музей Библии» и Международное Волоколамское краеведческое общество. Скончался 12 июля 1994 г. Его похоронили в Ново-Спасском монастыре напротив Спасо-Преображенского собора.

Как уроженец Сибири, возвращенный в традиции духовного служения на земле омской и иркутской, в своих трудах и заботах архимандрит Иннокентий часто обращался к безграничной духовной истории этого великого края Земли Русской.

В «Журнале Московской Патриархии» и «Богословских трудах» архимандрит Иннокентий опубликовал статьи, посвященные «тихому, скромному, благорассудливому, милостивому» [15, с. 57] митрополиту Тобольскому и всея России чудотворцу святителю Иоанну (с публикацией в сокращении текста «Илиотропиона») и «деятельному» строителю и «деятельному проповеднику» [16, с. 72, 73] епископу Иркутскому, всея Сибири чудотворцу святителю Софронию [14-16]. Особое внимание в своих исследованиях и публикациях он уделил служению митрополита Московского и Коломенского Иннокентия (Вениаминова), составив службу святителю и опубликовав впервые за весь период советской власти его труд «Указание пути Царство Небесное» [5; 12-13], а также дореволюционные и находившиеся в архивах исследования о жизни и служении архипастыря [37-38].

Архимандрит Иннокентий не раз выступал с докладами по истории духовно-просветительской миссии Русской Православной Церкви в Сибири на международных и всероссийских конференциях. К сожалению, большая часть текстов этих выступлений и подготовительные

материалы не были опубликованы при его жизни или их опубликовали частично. Но они, наряду с другими его творческими рукописями, статьями, докладами, тезисами, заметками, авторскими издательскими проектами и подготовительными материалами находятся на хранении в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в фонде 862 (Иннокентий (Просвирнин А.И.), архимандрит) [26; 31].

Часть этих материалов представляет один из многотомных авторских проектов Издательского отдела Московского Патриархата «Русская Православная Церковь», который осуществлялся и был частично реализован под общим руководством митрополита Волоколамского и Юрьевского Питирима. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин), возглавив собранную им творческую рабочую группу, стал автором целого ряда статей. В архиве представлены такие главы этого издания как «Очерк истории Русской Православной Церкви», «Русская Православная Церковь в новых исторических условиях», «Краткий очерк истории проповедничества в России», «Из истории православных миссий в Сибири», «Литургическая жизнь Церкви», «Из истории русского Богослужения до Петра Великого», «Русская Богословская наука», «Русская церковная книга», «Русское церковное пение», «Русское церковное искусство» и др.

В сокращенном варианте запланированную книгу «Русская Православная Церковь» издали на немецком языке в серии «Церкви мира». К 1000-летию Крещения Руси увидела свет «Русская Православная Церковь. Очерки истории. Выпуск первый. 988-1917» (М., 1988. 112 с.). Частью главы «Русская Православная Церковь. Синодальный период» стал раздел «Апостольская миссия Русской Православной Церкви» [32], в которой охарактеризована «миссионерская деятельность Русской Православной Церкви <...> от Урала до берегов Тихого океана» [32, с. 77-78].

Сохранившаяся среди архивных материалов статья «Из истории православных миссий в Сибири» представляет собой 37 машинописных листов белого (итогового) текста, сопровождаемого научным аппаратом. Дата написания работы не указана, а установлена по воспоминаниям сотрудников Издательского отдела [9].

Статья начинается с краткой истории русской Православной миссионерской традиции, восходящей к равноапостольскому служению Константина Философа и Мефодия в славянских землях. В статье раскрыты особенности православного миссионерства в Сибири, на Дальнем Востоке, Камчатке и Аляске. Особое внимание уделено миссионерскому служению русских пастырей и архипастырей на Алтае и в Забайкалье. Ярко охарактеризована пастырская деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова), как с честью «исполнившего свое благовестническое служение» на обширнейших пространствах Российской империи.

Обратившись к истории русских православных миссий в Сибири, архимандрит Иннокентий предложил периодизацию деятельности русского священства на этих обширных территориях, исходя не только из хронологического принципа, но и из специфики миссионерского служения, связанного с продвижением христианской веры к дальним народам Восточной Сибири, Камчатки и крайнего Севера.

Главными отличительными чертами первого этапа, от похода Ермака (1581 г.) до 1620 г., по мнению ученого-богослова, были «организация мест общественного богослужения» [9, л. 2] и церковное строительство, начавшееся с возведения часовни во имя святителя Николая Чудотворца.

«Дело улучшения христианской проповеди», т.е. второй период в просвещении народов Сибири связан с «учреждением в конце 1620 года архиерейской кафедры в Тобольске» [9, л. 3]. Как ученый архимандрит Иннокентий высоко оценил труды первых тобольских архипастырей: Киприана, составившего первую сибирскую летопись, Макария, Нектария, Герасима и Симеона, «заботившихся о христианском просвещении сибирских народов», а во второй половине XVII в. боровшихся с раскольниками [9, л. 4]. Он также указал на значение деятельности основанных в XVII в. монастырей: Кондского «как рассадника христианства среди остяков», Иркутского

Вознесенского, «обращавшего в христианство тунгусов», «просвещавших дауров», Троицко-Селенгинского и Спасо-Преображенского, миссионерствовавших в Забайкалье [9, л. 4-5].

Третий этап христианского просвещения народов Сибири, по мнению архимандрита Иннокентия, «открылся со вступлением на Тобольскую кафедру митрополита Филофея Лещинского», основавшего первую в Сибири школу для обучения детей священнослужителей, положившего начало сибирскому книгопечатанию, учредившего викариатство в Иркутске, просвещавшего аборигенов севера Сибири, «заложившего в сатыгинских чумах храм в честь Сретения Господня» [9, л. 6-16].

Миссионерскому служению содействовал митрополит Иоанн (Максимович). Архимандрит Иннокентий среди прочих заслуг назвал его «ревностное попечение об умножении в Сибири образованного духовенства» и организацию первой православной миссии в Пекин [9, л. 8].

К числу «великих светильников Сибирской церкви» отнесены епископ Иркутский Иннокентий (Кульчицкий), епископ Иннокентий II (Нерунович) и епископ Софроний (Кристалевский). Все они, «совершая миссионерские путешествия», крестили язычников. В крещении тунгусов, якутов и чукчей им активно помогали священники Григорий Ноговицын, Гавриил Ноговицын, Кирилл Суханов и Григорий Слепцов, а также иеромонах Иоасаф (Хотунцевский) [9, л. 16-19].

Итогами хронологически совпавшего с XVIII столетием, третьего периода духовно-просветительской деятельности православных миссионеров, «прошедших почти всю сибирскую землю», стало «привидение ко святому крещению десятков тысяч язычников, ламаитов и магометан» [9, л. 20]. Активная просветительская работа заставила новые поколения священнослужителей и церковных иерархов на следующем этапе решать более сложные задачи: «взрастить посеянные семена учения Христова», «искоренить двоеверие» и «сделать новопросвещенных людей верными чадами церкви» [9, л. 20].

«Благовестниками и подвижниками» православного миссионерства в Сибири в XIX в. ученый-богослов назвал архимандрита Макария (Глухарева), митрополита Иннокентия (Вениаминова), митрополита Макария (Невского) и «многих других продолжателей дела апостолов Христовых» [9, л. 20]. Главной отличительной чертой их деятельности, стало согласно его точке зрения, устройство постоянно действующих миссий (в отличие от передвижных миссионерских групп в XVIII веке), миссионерских школ, перевод Священного Писания и богослужебных книг на языки народов Сибири, углубление культурных и экономических связей этих народов с русским населением» [9, л. 20].

Огромную роль в духовном просвещении народов, населявших обширнейшие зауральские территории Российской империи, сыграло учреждение в 1828 г. Алтайской миссии и назначение на должность начальника этой миссии «незабвенного архимандрита» Макария (Глухарева), который называл миссионерское дело «поприщем, требующим благодушия и радостного терпения» [9, л. 21-22]. Продолжателями дела «возрождения Благодатию Божиею душ для вечной жизни» стали ученик Макария протоиерей Стефан Ландышев и архимандрит Владимир (Петров). Последний смог окончательно ввести богослужение на алтайском языке, настоял на открытии при алтайской миссии собственной типографии, открыл несколько начальных школ и миссионерское училище, содействовал строительству церквей и молитвенных домов [9, л. 23].

«Неутомимым тружеником, обогревавшим ниву православного просвещения на Алтае», был епископ Макарий (Невский). В своей работе архимандрит Иннокентий отметил, что своим служением архипастырь «снискал такую любовь» и стал для алтайцев «не только пастырем и учителем, но и судьей совести» [9, л. 24].

Миссионерское служение Русской Православной Церкви на Алтае было успешным. Об этом говорят цифры, приведенные в статье архимандрита Иннокентия (Просвирнина), взятые из «Справочной книги по Томской епархии». Вот они: «По данным на 1914 год в Алтайскую миссию входили: Бийское катехизаторское училище, один мужской и два женских монастыря, три миссионерских благочиния, состоящие из 52 округов; 28 основных и 12 приписных церквей, 35

молитвенных домов, 14 часовен и 37 миссионерских школ. Трудились на миссионерской ниве в это время около 35 священников и 50 их помощников - диаконов и псаломщиков» [9, л. 24-25].

Алтайская миссия, по мнению архимандрита Иннокентия, стала образцом при организации многих миссий в Восточной и Западной Сибири. Это Киргизская, Обдорская, Кондинская, Туруханская, Сургутская, Минусинская и Семиреченская духовные миссии [9, л. 25-26].

В середине XIX в. возродились миссионерское служение и «проповедь Евангелия в Забайкалье». Среди прочих имен миссионеров в статье особо отмечены имена епископа Михаила (Бурундукова), священника Александра Бобровникова, крещеного бурята Михаила Сперанского и архиепископа Иркутского Нила (Исааковича), а также имя «монгола, ранее ревностного ламаиста», Николая Нилов-Доржеева, осуществившего перевод Священного Писания на бурятский язык [9, л. 26-29].

Важнейшим событием в истории утверждения христианства на восточной оконечности Сибири в статье названо «открытие новой Камчатской епархии» в 1840 г. Ее возглавил «прославленный алеутский миссионер» епископ Иннокентий (Вениаминов) (1797-1879). Указав на величайшие заслуги архипастыря в деле «крещения туземцев», ученый особо отметил роль архипастыря в переводе на якутский язык текстов Священного Писания, составление на их основе кратких поучений и «составление грамматики тунгусского языка для инородческих школ». Высокой оценки заслужила и государственная позиция святителя Иннокентия, «показавшего себя верным патриотом своей Родины» в годы Крымской войны. Написанное в бытность алеутским миссионером сочинение «Указание пути в Царствие небесное», «проникнутое горячей христианской любовью к принимающим крещение», получило «большое распространение и выдержало 47 изданий» [9, л. 27-31].

Дело святителя Московского Иннокентия продолжил архиепископ Парфений (Попов) (1811-1873), крестивший бурят и вводивший богослужение на бурятском языке [9, л. 31-32].

Итоги 300-летней духовно-просветительской миссии Русской Православной Церкви на территории Сибири подвел Миссионерский съезд, который состоялся в Иркутске в 1910 г. Главным в его работе, по мнению автора обзорной аналитической статьи, стало принятое съездом положение, опубликованное в «Енисейских епархиальных ведомостях». В нем, в частности, говорилось: «Проповедь, обучение, богослужение, одним словом, все виды миссионерского делания должны совершаться на языке, понятном для инородцев, причем миссия, как таковая, не должно задаваться посторонними целями, но должна стремиться к достижению своей собственной единой и высокой цели - приобрести инородцев для Церкви Христовой» [9, л. 32]. Этот призыв съезда был услышан студентами многих духовных школ и пастырями Русской Православной Церкви, отправившихся с высокой миссией просвещения в Сибирь и на Дальний Восток.

Обратившись к вопросам истории русских православных миссий в Сибирь, архимандрит Иннокентий переработал огромный пласт неопубликованных источников, находящихся в Тобольском архиве, материалы Сибирских летописей, материалы епархиальной периодической печати, привлек к исследованию наработки как дореволюционных, так и советских ученых: Г.Ф. Миллера, Е. Голубинского, П.А. Словцова, А.И. Сулоцкого, С.Г. Рункевича, Т.А. Догуревича, П. Бучинского, Н.Н. Глубоковского, П.В. Остроухова, Гр. Новицкого, А.Н. Копылова, Н.А. Миненко, Е.С. Шишигина и др.

Помимо серьезного, достаточно обширного аналитического материала по истории русских православных миссий в Сибири с яркими характеристиками деятельности основных архипастырей и миссионеров, в личном фонде архимандрита Иннокентия (А.И. Просвирнина) имеется рукопись «К 200-летию Сибирского книгопечатания» [11]. Она также является частью большого комплекса исследований, посвященных Сибири: ее истории, ее святым подвижникам, миссионерству, книжности, ее ученым и краоведам.

В короткой статье, свидетельствующей о блестящем знании историографии вопроса и исторических источников, ученый-богослов смог проследить и дать яркую характеристику

основным этапам становления сибирского церковного книгопечатания и церковной печати на протяжении XVIII-XIX вв. Начало сибирского книгопечатания связано с именем митрополита Филофея (Лещинского), восшедшего на Сибирскую кафедру в 1702 г. и обратившегося в 1703 г. к государю Петру I с челобитной «о заведении друкарни в Тобольске» и строительстве «училища поповских, диаконовских и церковных детей». Немалую роль в издании церковных книг для духовно-просветительской деятельности и для ведения богослужения в строящихся и действующих храмах и монастырях сыграл святитель Иоанн (Максимович), «воспользовавшийся Черниговской типографией, посредством которой напечатал для Сибири немало трудов» [11, л. 4]. Изученные материалы позволили архимандриту Иннокентию назвать точную дату открытия первой типографии в Тобольске в 1784 г. и в Иркутске в 1785 г. В трудах А.И. Дмитриева-Мамонова были опубликованы документы, позволившие утверждать, что первый печатный указ Тобольского наместнического управления увидел свет 5 апреля 1789 г. Именно к концу XVIII столетия относится начало сибирского книгопечатания. Начало же периодических изданий в Сибири архимандрит Иннокентий относит к 1857 г., когда начали «издаваться официальные органы – Тобольские, Томские, Енисейские, Иркутские губернские ведомости. <...> с 1860 г., начала издаваться в Иркутске первая частная газета в Сибири – "Амур"». В итоге, «к XX веку в Сибири насчитывалось 55 повременных местных изданий» [11, л. 7].

В фонде архимандрита Иннокентия (Просвирнина) также хранятся следующие материалы, связанные с сибирской духовно-просветительской миссией Русской Православной Церкви: «Пастырей путевождь» (к 100-летию со дня преставления святителя Иннокентия, митрополита Московского), составленная им «Служба всем святым в Земли Сибирстей просиявших» [17; 12], тексты житий русским святым, включенных в издания «Настольная книга священнослужителя» и «Минеи».

О неослабевающем интересе к истории духовно-просветительской миссии Русской Православной Церкви в Сибири свидетельствуют проекты изданий «Сибирский Церковный вестник» и план-проспект издания «Миссионерское служение Русской Православной Церкви», разработанные совместно со своим учеником протоиереем Борисом Пивоваровым архимандрит Иннокентий (в архиве сохранилась копия кандидатской диссертации протоиерея Бориса Пивоварова «Описание архива Алтайской Духовной Миссии», 1987) [21-22; 28-29].

Важное значение в изучении православного миссионерства в Сибири имеют общетеоретические статьи, посвященные вопросам церковного краеведения вообще и историографии церковного краеведения, в частности, а также влиянию и взаимодействию культур в сохранении Севера России [19; 10; 7; 20; 18; 8].

В докладе «Историография церковного краеведения» [10] архимандрит Иннокентий, дав характеристику лишь некоторым представителям русской церковной науки, предложил составить справочник историков – деятелей Русской Православной Церкви, в которой были бы включены и просветители сибирских земель. Работа над этим справочником была им начата, но не доведена до конца из-за ранней кончины. Над составлением библиографического аннотированного указателя в память об отце Иннокентии работали сотрудники Российской государственной библиотеки и Новоспасского монастыря. Первое издание увидело свет в 1997 г., второе, расширенное и дополненное – в 2001 [33-34].

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) в своих как опубликованных, так и неопубликованных работах постарался четко обозначить роль церквей и монастырей, а значит, священников и монахов, в формировании национальной духовности. Эту идею он развивал в целом ряде своих статей, в том числе и в Предисловии к справочному изданию «История Русской Православной Церкви в документах архивов России (аннотированный справочник-указатель)»: «Душа города, деревни – храм, центр края – монастырь, и это определило принцип построения Справочника-указателя. В нем наглядно воплотилась мысль о том, что устройство Русской Церкви шло рука об руку с устройством государства. Россия была сильна верой и сознанием важности обоюдных

интересов Церкви и государства. Как писал И.В. Киреевский, "при помощи русских монастырей выковывалась государственность русского народа, при помощи их сложилось Русское Царство, и выработались разные стороны нашего быта"» [23, с. 1].

Также архимандрит Иннокентий поставил важный вопрос о необходимости объединения усилий церковной и светской науки в раскрытии книжных и архивных фондов, чтобы более плодотворно продвигаться в деле изучения истории Отечества. Изучение церковной истории и миссионерской деятельности Русской Православной Церкви является, как показал в своих трудах архимандрит Иннокентий, неотъемлемой частью краеведения как важнейшей современной научной дисциплины.

Литература

1. Аксенова Г.В. О значении жизни и деятельности архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // XII Пасхальные чтения. Материалы Двенадцатой научно-методической конференции: «Гуманитарные науки и православная культура». - М.: Учебно-научный филологический центр МПГУ, 2015. - С. 19-31.
2. Аксенова Г.В. Издательская политика Московского патриархата: 1960-1980 гг. // У истоков российской государственности. Исследования, материалы. - Калуга, 2017. С. 158-169.
3. Аксенова Г.В. «Труженик русской богословской науки»: о научно-просветительском подвиге архимандрита Иннокентия (Просвирнина). К 80-летию со дня рождения // Православный Палестинский сборник Вып. 117. Памяти Николая Николаевича Лисового посвящается. / Отв. ред. С.Ю. Житенёв. - М.: «ИНДРИК», 2019. - С. 237- 284.
4. Алексей (Фролов А.С.), архиеп. «Все для Бога»: [Архимандрит Иннокентий - краевед и археограф] // Новая книга России. - 2006. - № 1. - С. 39-41.
5. Иннокентий (Вениамнов), митрополит. Указание пути в Царство Небесное // Журнал Московской Патриархии. - 1975. - № 3. - С. 66-79.
6. Иннокентий (Просвирнин) // Православная энциклопедия. - М., 2010. - Т. XXIII. - С. 19-21.
7. Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим. Взаимодействие культур: Постановка вопроса. Автограф // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 14. - Е.хр. 7.
8. Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим. Выступление на конференции «Архитектурный ансамбль Иосифо-Волоцкого монастыря. Проблемы изучения, реставрации и музеефикации». 1989, октябрь 30 // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 14. - Е.хр. 9.
9. Иннокентий (Просвирнин Анатолий Иванович), архим. Из истории русских православных миссий в Сибирь. [1970-е гг., до 1976 г.], 37 лл. Машинопись // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 32. - Ед.хр. 6.
10. Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим. Историография церковного краеведения // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 14. - Ед.хр. 14.
11. Иннокентий (А.И. Просвирнин), архимандрит. К 200-летию Сибирского книгопечатания: Тезисы. [1980-е гг.] // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 14. - Ед.хр. 16.
12. Иннокентий (Просвирнин Анатолий Иванович), игумен. «Пастырей путевождь»: доклад к 100-летию со дня преставления Святителя Иннокентия, митрополита Московского. 1979, декабря 14. Автограф. // ОР РГБ. Ф. 862 (архим. Иннокентий (Просвирнин)). - К. 15. - Ед. хр. 4. - 18 лл.
13. Иннокентий (Просвирнин), архим. Подворье московских митрополитов в Черкизове // Архитектура и строительство Москвы. - 1988. - № 6.
14. Иннокентий (Просвирнин), архим. Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и вся Сибири. К 250-летию со дня кончины // Журнал Московской Патриархии. - 1965. - № 6.
15. Иннокентий (Просвирнин), архим. Святитель Иоанн, митрополит Тобольский и вся Сибири, чудотворец // Журнал Московской Патриархии. - 1976. - № 5. - С. 57-69; № 6. - С. 65-75.
16. Иннокентий (Просвирнин), архим. Святитель Софроний, епископ Иркутский, вся Сибири чудотворец // Журнал Московской Патриархии. - 1971. - № 9. - С. 67-78.
17. Иннокентий (Просвирнин), архим. Служба всем святым, в Земли Сибирстей просиявшим [1970-1980-е гг.]. Машинопис. копия с пометами, 33 лл. // Ф. 862. (Иннокентий (Просвирнин, Анатолий Иванович), архимандрит). - К. 3. - Ед.хр. 30.
18. Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим. «Спешите делать добро». 198, сентябрь 13 // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 15. - Ед.хр. 19.

- 19.Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим. Церковное краеведение в нравственном воспитании человека // Краеведение Москвы. Научно-методические материалы в помощь краоведам. / Под ред. Л.В. Ивановой и С.О. Шмидта. - М., 1990. - С. 49-51.
- 20.Иннокентий (А.И. Просвирнин), архим. Что назвать памятником? 1988, январь 21 // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 15. - Ед.хр. 28.
- 21.Иннокентий (Просвирнин, Анатолий Иванович), архим., Пивоваров Борис, протоиер. Миссионерское служение Русской Православной Церкви. План-проспект издания. 1987. 16 лл. // Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 42. - Ед.хр. 5.
- 22.Иннокентий (Просвирнин, Анатолий Иванович), архимандрит, Борис Пивоваров, протоиерей. Проект издания «Сибирский Церковный вестник». // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 42. - Ед.хр. 4.
- 23.История Русской Православной Церкви в документах архивов России: Аннотированный справочник-указатель / Научный руководитель архимандрит Иннокентий Просвирнин. - М.: «Наука», 1993.
- 24.Куручкина О.В. Воин Христов: Последний год жизни архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Новая книга России. - 2007. - № 10. - С. 42-47.
- 25.Куручкина О.В. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): Педагогическая и издательская деятельность по документам личного архива // Отечественные архивы. - 2009. - № 4. - С. 21-28.
- 26.Куручкина О.В., Соломина О.Л. Обзор архива архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (ОР РГБ. Ф. 862) // Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет. XVI ежегодная богословская конференция ПСТГУ. - М., 2006. - Т. 1.
- 27.Лисовой Н.Н. «Ибо время близко». Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) (5.5.1940 – 12.7.1994) // «Энтелехия». - Кострома, 2003. - № 6. - С. 145-148.
- 28.Пивоваров Борис, протоиер. К разработке материалов по истории духовных миссий Русской Православной Церкви. 1980-е гг. 46 лл. Машинопись, маш. копия с пометами рукой архим. Иннокентия // Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 49. - Ед.хр. 12.
- 29.Пивоваров Б., протоиер. Научное описание фондов Алтайской Духовной Миссии. 1987. 7 тт. // ОР РГБ. Ф. 862 (архимандрит Иннокентий (А.И. Просвирнин)). - К. 73-74.
- 30.Пивоваров Б., протоиер. Православная культура России // [электронный ресурс] <http://www.pravkarasuk.ru/?p=4824>
- 31.Ревнитель православного просвещения: Обзор архива архимандрита Иннокентия / Сост.: О.В. Куручкина. - М., 2005. - 56 с.
- 32.Русская Православная Церковь: 988-1988. Выпуск 1. Очерки истории I-XIX вв. - М., 1988. - С. 77-83.
- 33.Русские писатели-богословы: Биобиблиогр. указ. / Рос. гос. б-ка, Новоспасский мон. - М., 1997.
- 34.Русские писатели-богословы: биобиблиографический указатель / Российская гос. б-ка, Новоспасский монастырь; [сост. А. С. Чистякова и др.]. - М.: Пашков дом, 2001.
- 35.Сергий (Данков С.В.), иером. Архим. Иннокентий (Просвирнин) // Журнал Московской Патриархии. - 1995. - № 5. - С. 58-60.
- 36.Турилов А.А. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин, 1940-1994) // Археографический ежегодник за 1994 г. - М., 1996. - С. 372-373.
- 37.Фиалкин Вл. Московский период миссионерской деятельности Высокопреосвященного Иннокентия (Вениаминова) // Странник. Духовный журнал. - 1891. - Т. I. - Апрель. - С. 659-675; 1891. - Т. II. - Май. - С. 84-100.
- 38.Фиалкин Вл. Святитель Иннокентий, Митрополит Московский, и его миссионерская деятельность / Подготовка к печ. и коммент. арх. Иннокентия (Просвирнина) // Журнал Московской Патриархии. - 1979. - № 3. - С. 70-75; № 4. - С. 73-77; № 5. - С. 73-77; № 6. - С. 68-77.
- 39.Шмидт С.О. Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // Отечественные архивы. - 1994. - № 6. - С. 117-120.

Бабичева Ю.Г.

АГППУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Мифологема воды в рассказах В.М. Шукшина

Аннотация. В статье рассмотрено функционально-эстетическое значение мифологемы воды в рассказах В.М. Шукшина. Выявлена ее полисемантичность и амбивалентность. Показано, что мифологема воды в творчестве писателя реализуется преимущественно в образах реки и дождя и воплощает в себе идею духовного перерождения человека, репрезентирует мотив красоты бытия и межвременной связи, мотив быстротечности времени и мотив буйной стихии, отступающей под напором человеческой воли.

Ключевые слова: мифологема, бинарная модель, амбивалентность, онтологичность, «деревенская проза», Шукшин.

В XX-XXI вв. в мировом и отечественном литературоведении актуализируется понятие мифа и проблема его рецепции. В этой связи важным становится более детальное и разноаспектное изучение художественных текстов в свете их соотнесенности с мифом [1, с. 200]. Е.М. Мелетинский в фундаментальной работе «Поэтика мифа» отмечал «сознательное обращение к мифологии писателей XX века обычно как к инструменту художественной организации материала и средству выражения неких «вечных» психологических начал или хотя бы стойких национальных культурных моделей» [2, с. 405].

Мифологема содержательно амбивалентна, а ее реализация в художественном тексте – всегда результат сближения универсального культурного опыта и индивидуальных авторских интенций. В этом плане насыщенность художественных произведений мифообразами позволяет манифестировать идею многогранности бытия, неоднозначность представлений о мире и человеке. В отечественной литературе XX века особенно ярко и самобытно, на наш взгляд, обращение к мифологическим основаниям представлено в творчестве писателей-деревенщиков. Деревенская проза онтологична: художники обращаются ко всему массиву «вечных» вопросов, пытаются разгадать тайну человеческого существа. Звучит в ней и ностальгическая тоска, и грустная, и одновременно освежающая мелодия прикосновения к «истокам».

Особое место в ряду представителей деревенской прозы занимает Василий Макарович Шукшин. Его самобытное творчество привлекает огромное количество читателей не только в нашей стране, но и за рубежом.

В эстетике шукшинской прозы ярко представлены так называемые «ориентиры жизненного пути героя», которые связаны, прежде всего, с архетипом Деревни и его составляющими. Одним из важнейших, на наш взгляд, элементов художественного мира писателя выступает мифологема воды – фундаментальная стихия мироздания, элемент сакральной топографии.

Мифологему воды можно рассматривать как наиболее гомологическую, постоянную стихию, символизирующую «скрытую, простую и укрощающую силу человека» [3]. При рассмотрении данной мифологемы Г. Башляр определяет воду как «принцип неразрозненного и возможного, основу любого космического явления, вместилище всех зародышей» [3].

В космогонии многих народов вода знаменует собой начало и конец всего сущего, соединяя в себе мотив зарождения жизни и мотив потопа. Как указывает Е.М. Букаты, «амбивалентность стихии воды позволяет метафорически изображать жизнь как омут, кружение на поверхности воды, а смерть – опускание на дно или достижение берега, то есть обретение покоя в другой жизни» [4]. По мнению С.С. Аверинцева, именно «с мотивом воды как первоначала соотносится значение воды для акта омовения, возвращающего человека к исходной чистоте» [5]. Отсюда символика ритуального омовения как второго рождения, нового выхода из материнской утробы. Стоит отметить, что во многих культурах мира мифологема воды воплощает в себе также идею амбивалентности: вода может выступать как эмблема разрушения – перерождения: эсхатологический мотив потопа известен многим культурам [6].

В произведениях В.М. Шукшина реализация мифологемы воды достаточно традиционна: она может выступать и как символ живительной влаги, плодотворной силы, и как буйная стихия. Подобная амбивалентная репрезентация сущности воды отвечает мифологическим контрастным представлениям. Кроме того, в рассказах явно прослеживается установка на традиционную бинарную модель воплощения мифологемы воды преимущественно в двух образах – реки и дождя: река символизирует горизонталь мира, а дождь – вертикаль.

Так, описанием дождя открывается рассказ «Двое на телеге»: *«Дождь, дождь, дождь... Мелкий, назойливый, с лёгким шумом сеял день и ночь. Избы, дома, деревья – всё намокло. Сквозь ровный шорох дождя слышалось, только, как всплескивала, журчала и булькала вода. Порой проглядывало солнышко, освещало падающую сетку дождя и опять закутывалось в лохматые тучи»* [7]. На этом фоне разворачивается, казалось бы, бытовая ситуация – в непогоду молодая робкая девушка фельдшер едет за лекарством в соседнюю деревню, сталкиваясь с отстраненностью и незаинтересованностью в решении проблемы сторонних людей. Но по ходу сюжета это событие разрастается до масштабов философского вопроса «быть – или не быть». В дождливый вечер совершается внутреннее обновление всех героев, в т.ч. Захарыча и пасечника, благодаря настойчивому желанию Наташи во что бы то ни стало доехать до Берёзовки за необходимым лекарством. Дождь «смывает» нерешительность комсомолки, её страх перед непогодой. Девушка настолько убедительна и красноречива, что мужчины соглашаются с необходимостью продолжить путь дальше: *«Нам лучше разъяснить лишний раз... А это ты хорошо делаешь, что о людях заботишься так. Молодец»* [7]. Мифологема воды, воплотившаяся в образе непрекращающегося дождя, предполагает возрождение (или, как в данном случае – перерождение) в героях лучших качеств человеческой природы.

Подобная реализация мифологемы воды представлена в рассказах «Алёша Бесконвойный», «Дебил» и «Демагоги». Главный герой первого произведения ходит на реку за водой для бани. Однако ведущий мотив и главная функция водного образа – физическое омовение и последующее духовное очищение. Главный герой после бани мыслит «чистыми» категориями: вспоминает детство своих детей, признаётся самому себе в том, что любит их, хотя внешне этот факт почти не находит выражения в рассказе.

В «Демагогах» переломным моментом в сюжете становится ситуация спасения тонущего в Катунь деда внуком и характер последовавших после этого бесед: если до «очищения водой» их диалоги затрагивали исключительно бытовые темы, то после – они уже рассуждают об искусстве, ценности жизни и т.д. Важно отметить, что в начале рассказа герои вспоминают одну девушку утопленницу, рассуждая довольно физиологично о смерти человека. Но оказывается, что объяснение деда в своей основе глубоко метафорично: *«...когда человек утонет, он лежит на дне, а когда пройдет время, он выплывает наверх...»* [7]. Так и разговор деда и внука поменял свой содержательный вектор от бытового (низкого) к вечному (высокому).

В рассказе «Дебил» созерцание реки наталкивает героя на размышления, заставляет глубоко задуматься о своем глуповатом поведении. Анатолий Яковлев отказывается от абсурдного поступка – прогулки босиком по селу, который еще больше бы утвердил в глазах сельчан его «статус»: *«Все понятно, дорогой товарищ, все понятно.. Продолжайте думать... в таком же направлении... Отошел метров пять, снял шляпу, зачерпнул ею воды, напился... Отряхнул шляпу, надел опять на голову и пошагал дальше»*. Как и в рассказе «Демагоги», река выступает и здесь катализатором прозрения.

Схожую функцию выполняет река и в рассказе «Игнаха приехал». Вернувшийся из города герой, казалось, потерявший свою малую родину, все так же, по-особенному, обращается к реке: *«Катунь-матушка»*. Такое уважительное отношение к реке-кормилице, реке-поилице прямо указывает на межвременную связь героя современности с теми знаниями и отношением к окружающему миру, когда человек мыслил себя лишь мелкой частичкой, а камень, трава, и уж тем более река обладали неоспоримо большим могуществом и властью: *«Игнатий вылез из воды и задумчиво стал смотреть на далекие синие горы, на многочисленные острова...Игнатий присмирел. Перестал хохотать, не басил...Опять шли по огородам друг за другом, молчали. Игнатий шел за отцом, смотрел на его сутулую спину и думал почему-то о том, что правое*

плечо у отца ниже левого, – раньше он не замечал этого» [7]. Таким образом, образ реки связывается с мотивом обретения истины.

В текстах Шукшина река часто иллюстрирует буйную стихию. В «Демагогах» Катунь описывается так: «...Подошли к месту, где река делает крутой поворот. Вода здесь несется с бешеной скоростью, кипит в камнях, пенится» [7]. В рассказе «Солнце, старик и девушка» река названа «стремительной», в рассказе «Игнаха приехал» «кипящей». Рассказ «Лёля Селезнёва с факультета журналистики» показывает реку как неодолимую преграду – на время ремонта паром машины стоят возле переправы: «На реке Катунь, у деревни Талица, порывом ветра сорвало паром. Паром, к счастью, был пустой. Его отнесло до ближайшей отмели и шваркнуло о камни. Он накрепко сел... Шоферы не толпились на берегу и не смотрели с грустью на паром. Они собрались небольшими кучками у машин и разговаривали». Однако описываемая стихия поддаётся натиску человека, способного на доброе дело ради общего блага, что особенно подчёркивается автором.

В рассказе «Два письма» образ воды выступает катализатором мотива времени: «Человеку во сне приснилась родная деревня. Идет будто он по берегу реки, бросает камешки в воду. В том месте реки – затон. Тихо-тихо. Никого – ни одной живой души вокруг. Деревня рядом, и в деревне как повымерло всё... Что же это такое – никого нет-то?» – удивился человек. И ещё бросил камень в воду. Он беззвучно пошёл ко дну. Человек ещё бросил – большой. Камень без звука утонул. Человека охватил страх: «Что-то случилось», – подумал он. И проснулся. И стал вспоминать. Деревня... Лет десять не был он там, а то и больше... Вспомнились серые избы, пыльная улица, крапива у плетней, куры на завалинке, покосившиеся прясла... А за деревней – степь да колки. Да полыхает заря в полнеба. Попадают еще небольшие озёрки; вечерами вода в них гладкая-гладкая, и вся заря – как в зеркале. Любилося сидеть на берегу этих маленьких озёр, ни о чём не думалось... Только в душу с тишиной вместе вкрадывается беспокойно-нежное чувство ко всему на свете. Грустно немного, но кто-то будто шепчет на ухо, чуть слышно: подожди, подожди, дружок» [7]. В данном сюжете воспоминания – это камни, которые беззвучно пропадают в воде-времени. Данный образ ассоциируется с подземной рекой забвения – Стикс (или Ахеронт).

Показателен в данном аспекте и рассказ «Осенью» [7]. Сюжет разворачивается осенним днём, когда паромщик Филипп Тюрин перевозит в село траурную процессию. Он понимает, что умершая – любовь всей его жизни, с которой, увы, так и не получилось быть вместе. Здесь более чем узнаваем мотив переправы и образ Харона, который согласно мифологическим представлениям перевозил на своем челне души умерших к вратам подземного царства через протекающую подземную реку Стикс за плату в один обол. Образ реки выступает границей между миром живых и мёртвых.

Немаловажна у Шукшина и описательная, «пейзажная» роль реки, раскрывающая, прежде всего, на глубинном уровне характер героя, его мироощущение, настроение и внутреннее преображение через созерцание красоты. Так, в рассказе «Кукушкины слёзки» река выступает как эмблема прекрасного, рождающая в человеке соответствующие эмоции: «А вот у нас виды шибко хорошие есть. На реке. Иной раз придеешь по воду утром и глаз не отведешь – до того красиво! Сама думала: вот бы нарисовать» [7].

Подводя итоги, можно сказать, что мифологема воды в творчестве В.М. Шукшина реализуется преимущественно в образах реки и дождя – традиционных мифологических доминантах – и воплощает в себе идею духовного перерождения через философские размышления о бытии, реализует мотив красоты мира и межвременной связи, мотив быстротечности времени и мотив буйной стихии, отступающей под напором человеческой воли.

Литература

1. Руднев, В.П. Словарь культуры 20 века / В.П. Руднев – Москва, 1997. – 450 с. – Библиогр.: с.230.
2. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. 3-е изд. доп. - М.: Вост. литература, 2000. -407 с.- Библиогр.: с. 200-408.

3. Бобкова, Ю.Г. Символика воды в текстах ранних произведений В.П. Астафьева / Ю.Г. Бобкова // Астафьевские чтения. – Вып. 2 (17–18 мая 2003 г.). – Пермь: Мемориал. центр истории полит. репрессий «Пермь-36», 2004.
4. Букаты, Е.М. Мотив гибели в воде в «Последнем поклоне» В.П. Астафьева / Е.М. Букаты // Феномен В.П. Астафьева в общественно-культурной и литературной жизни конца XX века: сб. материалов I Междунар. науч. конф., посвященной творчеству В.П. Астафьева. Красноярск, 7–9 сентября 2004 г. / отв. ред. Г.М. Шленская; Краснояр. гос. ун-т. – Красноярск, 2005.
5. Аверинцев, С.С. Вода / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира: энциклопедия. В 2 т. Т. 1. / гл. ред. С.А. Токарев. – М.: Сов. Энциклопедия, 1980. – Библиогр.: с. 65-71.
6. Алексеев-Апраксин, А.М. Культурная реальность в свете исследования межкультурных взаимодействий // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т. 2. № 4. С. 121-128.
7. Шукшин, В.М. Сельские жители: Игнаха приехал, Змеиный яд, Степка Русская проза . - Электрон. Текстовые, граф., зв. дан. и прикладная прогр. - М. : ГПНТБ РФ, 2000. - URL: <http://www.litmir.net> (дата обращения: 03.08.2020).

УДК: 372.881.161.1

Баранова О.В., Текучева И.В.

Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Обучение разным видам аудирования в основной школе: историко-методический аспект проблемы

Аннотация. В статье представлены некоторые виды аудирования и методы обучения восприятию и пониманию речи на слух. Обращено внимание на актуальность использования в современной школьной практике предложенных видов аудирования, рассмотрены особенности каждого из них.

Ключевые слова: история методики преподавания русского языка, метод обучения, аудирование, понимание.

Обучение аудированию – одна из важнейших проблем методики обучения языкам. Устная речь играет важную роль в формировании языковой картины мира человека. Духовность, как отличительная черта русских людей, и осознание этнической принадлежности воспитываются через устные и письменные тексты на занятиях при изучении родного языка и родной культуры. Целью методики обучения аудированию в школе становится духовно-нравственное воспитание учащихся и активизация познавательной и интеллектуальной деятельности учеников. Аудирование является средством и предметом обучения, следовательно, овладение техникой аудирования способствует повышению качества знаний. Сложно представить образовательный процесс без умения школьников осознанно слушать, однако на практике часто значительная часть информации не успевает перерабатываться и остается непонятой слушателями. Для того чтобы добиться понимания звучащего текста, необходимо избрать самый оптимальный путь, который приведет к желаемому результату, учитывать менталитет и культуру носителей языка.

Прежде всего, в методической науке преобладает мнение, что обучать следует разным видам аудирования, рациональные приемы и тактики понимания текста и информационной переработки дети усваивают на уроках русского языка. Проблема обучения слушанию в школе решалась методистами XX в. и продолжается в текущий момент, об этом свидетельствуют работы: «Культура слова» К.Б. Бархин (1930); «Методика русского языка в средней школе» К.Б. Бархин, Е.С. Истрина (1935); «Слушание и чтение в процессе обучения» А.П. Болтунов (1945); «Аудирование как процесс восприятия и понимания звучащей речи» З.А. Кочкина (1964); «Психология слушания и говорения» И.А. Зимняя (1973); «Пособие для обучения аудированию» И.П. Гапочка (1974); «Виды аудирования» Л.Ю. Кулиш (1991); «Учим слушать» Л.Н. Вьюшкова (1995); «Обучение слушанию» Т.А. Ладыженская (2000); «Обучение аудированию» А.Н. Щукин (2020) и др. Одной из главных целей обучения в школе авторы считают умение работать с

информацией и умение работать в коллективе и общаться.

К.Б. Бархин в вопросах работы с текстом обращается к полифонии методического опыта за пределами России и анализирует опыт зарубежной школы в преподавании родного языка. Что касается методики осознания текста, он обращает внимание отечественного читателя на некоторые особенности развития речи детей в Германии: а) методы обучения слушанию опираются на теорию в области психологии; б) проводится серьезная работа над словом и пониманием текста (словарная, тематическая, композиционная, литературный анализ, даже психоаналитическая работа над текстом) [Бархин, 1930, с.275]. К методам развития речи в Бельгии он относит наблюдение, самонаблюдение, анализ образца; к американским приёмам – упражнения в аргументации и деловую речь [7; с.63]. К.Б. Бархин большое внимание уделяет пониманию структуры текста: а) работе над логической последовательностью; б) умению собирать и систематизировать материал; в) выделять абзацы, составлять план; г) записывать тезисы и конспект выступления, делать рабочие записи; а также предметной обработке речи: деление на родовидовые понятия, однородные / разнородные понятия, необходимые / случайные признаки и т.д. [Бархин, Истрина, 1937].

В «Методическом пособии для преподавателей II ступени» (1930) К.Б. Бархин для развития речи выделяет: а) работу по плану; б) работу без плана; г) выработку умений составлять «смешанный план», конспектирование и выделение тезисов в прослушанном или прочитанном тексте. Он считает, что конспект есть извлечение самой «основы», самой «сути», сильное сокращение статьи, в то время как «тезирование» – это «сгущение» текста. Данные виды работ удобнее всего, по мнению К.Б. Бархина, для конспектирования или тезирования текста научного и публицистического характера [Бархин, 1930, с.23]. К трудностям и «неудачному слушанию» в его понимании приводят следующие причины: а) слишком тихая и невнятная речь; б) неправильное произношение; в) чрезмерная быстрота речи; г) отсутствие плана логического изложения, что обычно сбивает с толку слушателей [Бархин, 1930, с.46-47]. Ещё одним методом обучения слушанию К.Б. Бархин считал беседу, ведь слушая, дети учатся правильно употреблять слова; такие приемы как работа на деление текста на части, придумывание заголовка, прослушивание ответов одноклассников, записывание в тетрадь – активизируют слуховую и моторную память учащихся [1, с.75].

Много вопросов вызывало то, как соотносятся слушание и говорение, слушание и чтение в процессе обучения (И.А. Зимняя, А.П. Болтунов и др.). По мнению А.П. Болтунова, проблема обучения слушанию в 40-е гг. была не только не решена, она правильно даже не была поставлена, об этом свидетельствует распространенное мнение, что достаточно внимательно слушать, чтобы понять текст; однако для понимания от учащихся требуется а) внутренняя активность слушателя; б) наличие мотива; в) сосредоточенность; г) осознание задачи; д) владение рациональной методикой слушания; е) умение правильно конспектировать. К сожалению, на тот момент с разными текстами работали одинаково, не было достаточной теоретической базы. Слушание считалось самым сложным видом речевой деятельности, ведь в процессе слушания одно и то же содержание ученику приходится фиксировать сознанием неоднократно: 1) при слушании; 2) при выделении; 3) при мысленном формулировании; 4) при записывании [Болтунов, 1945, с.62]. А.П. Болтунов в процессе организации восприятия устной речи выделяет несколько этапов: 1) точное понимание слов; 2) понимание контекста; 3) понимание основного смысла всего текста [2].

Эффективно слушать и рационально расходовать своё время следует приучать детей с первого класса. Так, ученик сначала усваивает новый материал, слушая учителя на уроке, а затем читая и повторяя дома [5]. По мнению И.Р. Палей, эффективным методом развития устной и письменной речи на уроке считалось использование «аудио записей и проигрывание пластинок, на которых в исполнении лучших чтецов записан текст, предназначенный для наблюдений над произношением и интонацией [Палей, 1965, с. 26].

Л.П. Прессман предлагает вид работы, предназначенный для развития навыков слушания, а также для закрепления орфографических навыков – «живой диктант» по диафильму, когда сжатое содержание фильма диктуется учащимся [6]. Особенность этой работы состоит в том, что детям

диктуется уже знакомый текст, орфографические упражнения здесь тесно связаны с развитием навыков слушания [Прессман, 1976].

Таким образом, мы делаем вывод, что различные учебные тексты необходимо слушать по-разному. Для обучения пониманию звучащего текста подходят только предназначенные для этого вида речевой деятельности методы, необходимо учитывать психологические особенности аудирования. Так, с увеличением количества исследований, посвящённых вопросам обучения школьному и домашнему слушанию, возникает вопрос о реформировании методической системы развития культуры речи школьника, а также формирования культуры речи учителя; в программу по русскому языку для средней школы был введен раздел «Развитие связной речи», курс «Школьная риторика» [Ладыженская, 2005]. Уделялось пристальное внимание формированию аудитивных умений и навыков, восприятию звучащего текста и озвученного текста. Принималось во внимание, что от вида слушания зависят методы работы с текстом.

Рассмотрим их более подробно.

В словаре-справочнике под ред. М.И. Панова, выделяются следующие виды слушания: «а) от типа установки на смысловое восприятие текста; б) от источника (радио, Интернет, личная беседа и др.); в) от того, видим мы говорящего или нет; г) слушаем ли мы одного или несколько говорящих» [Панов, 2005, с. 544].

Особое место в истории методики развития речи занимают труды Т.А. Ладыженской. В зависимости от типа установки смыслового восприятия текста она выделяет *глобальное, детальное и критическое слушание*. Хороший слушатель всегда проявит «гибкость и автономность» и самостоятельно изберёт подходящий стиль слушания. *Глобальное слушание* заключается в нахождении в тексте общей информации. *Детальное слушание* применимо для глубокого понимания звучащего текста. Работа построена на выявлении однозначных формулировок, дат, статистических данных, в виде неких «аксиом», не требующих доказательства, включает заполнение таблиц, построение схем с достаточной точностью наблюдателя, что соответствует *аксиоматическому* типу мышления. *Критическое слушание* требует серьёзного осмысления воспринятого на слух сообщения. От слушателя ожидается выражение своей точки зрения, согласия / несогласия, приведения доказательств, уточнений, сопоставлений, примеров из текста, оценки содержания, формулирования выводов.

Отсюда логически следует, что от вида аудирования зависит глубина понимания учебного текста. Д. Дьюи описывает критический тип мышления в тесной взаимосвязи с поступками человека и общественной деятельностью. Учащимися используются когнитивные стратегии, которые увеличивают вероятность достижения желаемого результата. Так, Л.В. Хохлова рассматривала критическое мышление как совокупность продуктивного, рационального, социально-личностного и оценочного компонентов. Данный подход помогает ребёнку стать *субъектом* учебной деятельности [9].

Бесспорно, обучение аудированию предполагает обратную связь, что учит школьников не только воспринимать звуковую информацию, но и создавать собственные тексты, переспрашивать, высказывать свою точку зрения на предмет обсуждения, вести диалог. Правильно подобранные методы обучения аудированию способствуют развитию речевого слуха, речевой памяти, повышают общую культуру речи учащихся.

Л.Н. Вьюшкова по степени активности и эмоциональной вовлечённости слушателя отмечает: *критическое / некритическое, информативное / эмоциональное слушание*, а также «барьеры слушания» (отсутствие внимания, неумение воспринимать звучащий текст, неспособность осмыслить, неправильное понимание). В.В. Сафонова определяет общение индивида в языковой поликультурной среде как *культуроведчески-ориентированное аудирование*. В учебно-научной литературе Ю.В. Щербининой употребляется термин *рефлексивное слушание*, которое подразумевает использование речевых сигналов и наличие обратной связи [10, с.163]. Термин *рациональное слушание* использует Л.В. Черепанова [8]. Рациональное слушание необходимо старшеклассникам для расширения и систематизации знаний о речеведческих понятиях, для ведения конспектов и сжатого изложения текста – данные умения необходимы в старшей школе и вузе [Черепанова, 1997, с.99].

А.Н. Щукин в зависимости от условий слушания различает *контактное и дистантное слушание*. *Контактное слушание* рассматривается в рамках устного общения, монологической, диалогической, полилогической речи. На понимание сказанного в этом случае влияют: а) реальное

присутствие адресата; б) невербальные «опоры», которыми он пользуется (поза, жесты, мимика, взгляд). *Дистантное слушание* или опосредованное информационно-коммуникационными технологиями слушание осуществляется на расстоянии; данный «процесс протекает в менее благоприятных условиях для понимания звучащей речи» [11]. При дистантном слушании желательно использовать зрительную наглядность, опорные конспекты; данному виду речевой деятельности необходимо обучать специально, поскольку именно дистантное слушание является незаменимым при самостоятельном изучении материала, для подготовки школьника к аттестации и самоконтроля. Л.Ю. Кулиш пишет, что «по характеру восприятия информации выделяют глобальное или *синтетическое аудирование* и глобально-детальное или *аналитическое аудирование*» [Кулиш, 1991, с.224]. Названные виды аудирования свидетельствуют об активной аналитико-синтетической работе реципиента во время восприятия и осмысления звучащего текста [4].

В общей методике обучения языкам в зависимости от цели выделяют следующие виды аудирования: а) *выяснительное аудирование*; б) *ознакомительное аудирование*; в) *деятельностное аудирование* [2; 3]. *Выяснительное аудирование* нацелено на выяснение и получение самой важной информации, данный вид аудирования используется в учёбе, на рабочем месте, в повседневной жизни при работе с информационными звучащими текстами. Чаще всего предъявление однократное, но не исключается ограниченная этикой возможность переспроса. Следует отметить, что одним из эффективных средств как запоминания, так и углубления понимания текста считается приём постановки вопроса. Данный приём часто используется при выяснительном аудировании, он позволяет выяснить причинно-следственные связи в тексте, спорные моменты, планировать на перспективу. *Ознакомительное аудирование* не предполагает специальной установки на воспроизведение, оно заключается в выяснении информации «для себя». [Кулиш, 1991, с.225]. *Деятельностное аудирование* основано на внимательном улавливании и запоминании информации с последующим дословным воспроизведением; над текстом совершаются необходимые преобразования аналитико-синтетического характера, в этом случае информация воспроизводится не дословно, а осмысленно. Данный вид аудирования используется при синхронном переводе, на уроке в учебных целях, когда проверяется умение школьников рассуждать и делать выводы. Воспроизведение может быть немедленным или отсроченным, что сопряжено с письменной речью и зрительной наглядностью [4].

В настоящее время проблема **смыслового чтения и аудирования** достаточно актуальна; преобладает убеждение в том, что необходимо осмысленно слушать, обучать определенным видам аудирования; уточняется теория и практический инструментарий обучения видам речевой и учебной деятельности школьников. В ситуации, когда работа с текстом отвечает интересам и потребностям слушателя, характеризуется «глубиной понимания деталей», вдумчивым, глубоким пониманием содержания текста и извлечением ценной информации из первоисточника мы считаем целесообразным использовать термин *изучающее аудирование*. Аналогично с изучающим аудированием по своей сути *познавательное аудирование*, поскольку оно направлено на поиск значимой информации в предъявленном сообщении [Щукин, 2011, с.163; 2020, с.194].

Изучающее аудирование в различных научных источниках называют также аналитическое, детальное, углублённое, аудирование с полным усвоением изучаемого материала, которое обеспечивает вдумчивое и глубокое понимание содержания текста. Данный вид аудирования предполагает многоуровневое изучение текста, полный его охват и детальный анализ, уяснение авторских идей, аргументов, примеров, а также адекватное и осмысленное восприятие информации в учебных целях. Следует отметить, что во многом характеристики рецептивных видов речевой деятельности, данные как аудированию, так и чтению – совпадают, что выражается в понятийном аппарате. На наш взгляд, это представляется естественным и логичным, поскольку и чтение, и аудирование направлены на восприятие и понимание информации извне посредством рецепторов (А.Н. Щукин, С.К. Фоломкина, Н.А. Ипполитова, И.В. Усачева, Л.Ю. Кулиш и др.).

Для точной характеристики когнитивной активности учащихся понятие *изучающее аудирование*, на наш взгляд, подходит лучше всех других видов аудирования, официально перечисленных в научной литературе, поскольку данный вид восприятия звучащего текста предполагает познавательную деятельность, учёт индивидуальных интересов ученика.

Таким образом, мы видим, что проблема обучения аудированию остаётся важной методической проблемой: умение слушать развивает мышление и речь, помогает воспитать самоконтроль, волю, внимательность; сформировать необходимые навыки письма для создания вторичных текстов (изложения, схем, таблиц, конспектов, презентаций). В проанализированных нами работах часто встречается мысль, что текст можно слушать по-разному, поэтому дифференциальное обучение разным видам аудирования считается наиболее перспективным методическим путём. Решающую роль в аудировании играет постановка цели, которая определяет весь ход аудирования и его результат. К методам обучения аудированию относят работу над структурой текста, работу над словом, беседу, изучение образца и наблюдение над языковыми явлениями, записывание основного содержания в сжатой форме, создание вторичных текстов.

Итак, возросший интерес к устным формам коммуникации, необходимость в комплексном подходе к работе с различными текстами приводит к переосмыслению существующих методов обучения. Интеграция методического наследия и современных тенденций позволяет учителям и методистам аккумулировать всё лучшее из достигнутого в методике обучения аудированию и реализовать на практике в основной школе.

Литература

1. Бархин К.Б. Культура слова. Методическое пособие для преподавателей II ступени. 2-е изд., дополн. М., 1930. 288 с.
2. Гапочка И.П. Пособие для обучения аудированию (для преподавателей). РУДН, М. 1974. 171 с.
3. Кочкина З.А. Аудирование как процесс восприятия и понимания звучащей речи // Иностранные языки в высшей школе, 1964. Вып. 3.
4. Кулиш Л.Ю. Виды аудирования // Общая методика обучения ин. языкам: Хрестоматия. Сост. А.А. Леонтьев, 1991, С. 224–236.
5. Палей И.Р. Очерки по методике русского языка. Пособия для студентов педагогических институтов и учителей. М.: Просвещение. 1965. 312 с.
6. Прессман Л.П. Технические средства на уроках русского языка. Пособие для учителей. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., «Просвещение», 1976. 221 с.
7. Текучева И.В., Чиркина Ю.В. Методическая система развития речи учащихся в трудах К.Б. Бархина / И.В. Текучева, Ю.В. Чиркина // Среднее профессиональное образование. 2012. № 9. С. 62–64.
8. Черепанова Л.В. Инновационные технологии обучения русскому языку: рефлексивное обучение: учеб. пособие / Л.В. Черепанова; Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. Чита, 2012. 127 с.
9. Щедровицкий Г.П. Процессы и структуры в мышлении. Курс лекций. Из архива Г.П. Щедровицкого. Т.6. М.: "Путь", 2003. 153 с.
10. Щербинина Ю.В. Учимся слушать. Тренируем внимание и память // Педагогический дискурс. М. Флинта : Наука, 2010. С.157–167.
11. Щукин А.Н. Обучение аудированию // Практическая методика обучения русскому языку как иностранному : учебное пособие / А.Н. Щукин. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2020. С. 190–229.

УДК: 81

Бачимова М.С.

ГАГУ, г. Горно-Алтайск, Россия

«Обращение» как средство выражение вежливости в китайском и алтайском языках

Аннотация. В данной статье рассматривается обращения в китайском и алтайском языках. Вступая в диалог с представителем другого этноса необходимо не только правильно подобрать обращение к собеседнику, но и учитывать его культуру.

Ключевые слова: категория вежливости, коммуникация, обращение, культура, китайский, алтайский языки.

В коммуникации одним из ключевых и важнейших моментов является обращение. Успешный диалог между коммуникантами гарантируют именно правильно подобранные обращения. В каждой стране культура вежливости индивидуальна, поэтому необходимо знать культуру общения того или иного народа. В данной статье подробно рассмотрим и сопоставим основные вежливые обращения к знакомым, близким и незнакомым людям в китайском и алтайском языках.

В китайской культуре в официальной обстановке к мужчинам принято обращаться следующим способом:

- В ситуации, когда фамилия собеседника не известно, можно обратиться к нему «先生» (xiānsheng) *господин*;

- Если известна фамилия коммуниканта или делового партнера называем его фамилию и к нему добавляем слово господин. Например: «王先生» (wáng xiānsheng) *господин Ван*;

В обыденной ситуации к малознакомому мужчине, которому больше 40 лет, можно обратиться «叔叔» (shùshu) *дядя*. К молодому парню можно обратиться «小伙子» (xiǎohuǒzi) *парень*.

В китайской культуре к женщинам в официальной обстановке принято обращаться, используя следующие формулы:

- «小姐» (xiǎojiě) *мисс*;

- «夫人» (fūrén) *госпожа*;

- «女士» (nǚshì) *мадам*;

- «太太» (tàitai) *госпожа, тетушка*;

Данные лексические единицы подходят как молодым, так и замужним представителям прекрасного пола. Когда известна фамилия собеседницы, фамилию ставят перед словом мисс, мадам и. т. д.

В неформальной обстановке китайцы обращаются девушкам 美女 (měinǚ) *красавица*, к более пожилым и малознакомым женщинам можно обратиться 阿姨 (āyí) *тетя*.

У китайцев существует четкая иерархия разделения старших и младших. Вне зависимости от пола и обстановки к старшим по возрасту или по званию всегда употребляют обращение 您 (nín) *вы*; к друзьям, младшим по возрасту же 你 (nǐ) *ты*.

У носителей китайского языка в зависимости от профессии собеседника может быть употреблены другие виды обращений:

- в коллективе при обращении нужно определять статус, к высшему начальству при обращении добавляют слово «总» (zǒng) *главный, генеральный*, «副» (fù) *заместитель*, «经理» (jīnglǐ) *директор*. Допустимо следующие виды обращений: использование должности 副 (fù) *заместитель*; фамилия + должность, «王 经理» (Wáng jīnglǐ) *директор Ван*.

- к преподавателям, докторам, судьям, тренерам обычно обращаются по его фамилии вместе со словом, связанным с его работой «老师» (lǎoshī), «教练» (jiàoliàn) *доктор*, «法官» (fǎguān) *судья*. Например 刘老师 (liú lǎoshī) *учитель Лию*; 宋教练 (sòng jiàoliàn) *тренер Сун*. Допустимо также обращаться только по профессии собеседника и слов госпожа или господин или же только должности слушателя. Например: «法官 先生» (fǎguān xiānsheng) *господин судья*, «老师» (lǎoshī) *учитель*;

- водителям, поварам, сантехникам принято обращаться «师傅» (shīfu) *мастер*;

К членам своей семьи у китайцев особое отношение, из-за чего и обращение к ним отличается от других культур. К отцу обращаются «爸爸» (bàba), «老爸» (lǎoba), к матерям «妈妈» (māma) «老妈» (lǎoma). Добавление префикса «老» (lǎo) *старый* имеет уважительный оттенок. Как мы

говорили выше, китайцы выражают почтительное отношение к старшим по званию, по возрасту. Братьев и сестер в китайской культуре принято делить на старших и младших:

- «哥哥» (gege) -старший брат;
- «弟弟» (didi)-младший брат; старшую сестру
- «姐姐» (jiejie)-старшая сестра;
- «妹妹» (meimei)- младшая сестра.

Особо хотелось бы отметить названия бабушек и дедушек в китайском языке разделяют по матери и отцу.

- «爷爷» (yeye) дедушка по отцу;
- «奶奶» (nainai) бабушка по отцу;
- «老爷» (laoye) дедушка по матери;
- «姥姥» (laolao) бабушка по матери.

Как и в других языках, в китайском языке существуют «ласковые» обращения, которые адресуются к ребенку или любимому человеку:

- «宝宝» (baobao) золотце, малыш, крошка;
- «宝贝» (baobei) дорогой, любимый, сокровище.

Выделим также обращение представителей китайского этноса к свои друзьям:

- слово «朋友» (pengyou) друг, может быть использовано не только к близкому другу, но и знакомому человеку;
- к другу, который младше можно обратиться по формуле «小» (xiao)маленький + фамилия , здесь префикс «小» (xiao)передает уменьшительно-ласкательный оттенок слову [2].

У представителей алтайского народа к уважаемым личностям принято обращаться по формуле «Кундулу, имя + отчество слушателя», (кундулу) уважаемый. По закону психологии обращение по имени к собеседнику эмоционально радует, что его не только узнают, но и уважают. Такая форма всегда используется в официальной речи. Самым используемым обращением является обращение по имени и отчеству.

К самым родным людям (к членам своей семьи) алтайцы обращаются следующим образом:

- «Эне» мамочка;
- «Ада» отец, папа;
- «Ака» старший брат;
- «Эје» старшая сестра;
- «Карындажым» младший брат;
- «Сыйным» младшая сестра;
- «Тайнак» бабушка по матери;
- «Тайдак» дедушка по матери;
- «Јаанак» бабушка по отцу;
- «Уулдак» дедушка по отцу.

К своему ребенку алтайцы обращаются «балам» дитя мое, «уулым» сыночек, «кызым» доча, «кызычагым» доченька[4].

Алтайцы всегда почитают людей старшего возраста, поэтому у нас принято обращаться к старшим на «Слер» вы. К сверстникам, друзьям или собеседникам младшего возраста обращаются на «Сен» ты.

Обучающиеся, чтобы часто не повторять имя и отчество учителя прибегают к обращению «Уредучи» учитель.

К малознакомому, пожилому человеку употребляют следующие обращения: «орокон», «былар», «апшыйак», «карганак» уважаемый;

В отношении супруга используются формулы: «эжим», «эш-нокорим» *супруга, супруг*; «суугеним» *любимая, любимый*. Данные лексические единицы употребляются в отношении как мужского, так и женского пола.

К другу, алтайцы обращаются «нокорим», «нокор» *друг, мой друг*, к друзьям «нокорлорим» *друзья*.

В письменном или устном обращении в официальной обстановке часто можно встретить следующую формулу «Кару+ имя», «кундулу+ имя отчество». «Кару+ имя» обращение к близкому или родному человеку. «Кундулу+ имя отчество» обращение к уважаемым, старшим по возрасту людям.

Таким образом можно сделать вывод, что в китайском и алтайском языках есть как схожие, так и различные формы обращения. В рассматриваемых нами языках, обращения к родственникам отличаются строгим разделением старших и младших. В данной социальной иерархии нашли свое отражение культура и традиции алтайского и китайского народов.

Литература

1. Вежбицкая Анна. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики [Текст] / Анна Вежбицкая // М.: Аспект-пресс, 2001. - 60 с.
2. Глушкова С.Ю. Некоторые лингвокультурологические аспекты категории вежливости на примере английского и китайского языков [Текст]
3. Ларина, Т.В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах [Текст] / Т.В. Ларина. М.: Академия, 2003. - С. 23-29.
4. Байина Лариса. В помощь изучающим алтайский язык словарь –справочник А-У [Текст] / Л. Байина. РА «Литературно-издательский дом «Алтын –Туу». - Горно-Алтайск, 2018.

УДК: 316.344.8

Беспалов А.М.¹, Прудникова М.М.¹, Бояринов С.Ю.²

¹ АГППУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

² Государственный университет имени Шакарима города Семей, Казахстан

Анализ исследований этно-социальной идентичности

Аннотация. Вопросы этно-социальной идентичности в XXI столетии стали одними из центральных. В статье рассматривается становление понятия «идентичность», отдельные аспекты ее проявления в различных социальных сферах и с позиций философии и некоторых научных дисциплин. Основное внимание авторы уделили понятию этнической идентичности. Рассмотрены различные подходы к ее рассмотрению.

Ключевые слова: идентичность, этнос, этническая идентичность, этническое самосознание, гражданская идентичность.

К проблеме идентичности обращаются представители самых разных областей гуманитарного знания – философии, социологии, психологии, антропологии, стремящихся проанализировать ее содержание, механизмы формирования, основные функции и т.д. Античные философы (Сократ, Платон, Аристотель) впервые рассматривали идентичность как совпадение человека со своей природой, определенностью, сущностными характеристиками. Так, Платон в «Государстве» выделяет три рода людей, которые идентичны трём началам человеческой души: «одни – философы (φιλόσοφοι), другие – честолюбцы (φιλότιμοι), третьи – сребролюбцы (φιλοκεδές)» [1. С. 373].

Представители средневековой философии (Августин Аврелий, Бозций) идентифицируют человека с Богом как Творцом, по образу и подобию которого он создан. Но подобие, согласно Августину, не означает полного тождества, он пишет: «Как изображение твоего тела не может иметь той силы, какую имеет само твое тело, так не следует удивляться, если и душа не имеет

столько могущества, сколько имеет Тот, по чьему подобию она сотворена» [2. С. 185]. В философии эпохи Возрождения (Николай Кузанский, Э. Роттердамский, М. Монтень, Т. Мор, Т. Кампанелла, Ф. Рабле и др.) идентичность человека соотносится чаще всего с природой, Вселенной, Богом, рассматриваемых в пантеистическом значении, с творческой самореализацией, осуществлением заложенных в нем высоких гуманистических потенций. В частности, Николай Кузанский писал: «Если человечество будешь рассматривать в виде некоего абсолютного бытия, ни с чем не смешивающегося и ни во что не конкретизируемого, и рассмотришь человека, в котором это абсолютное человечество пребывает абсолютным образом и от которого происходит конкретное человечество отдельного человека, то абсолютное человечество будет как бы подобием бога, а конкретное – подобием Вселенной» [3. С. 112].

Для философии Нового времени и эпохи Просвещения (Дж. Локк, Д. Юм, Вольтер, Ж.-Ж. Руссо) идентичность рассматривается как тождество человека с самим собой как уникальной личностью, а также с другими людьми. Ж.-Ж. Руссо полагал, что важным способом обретения национальной идентичности является объединение с другими людьми в единый организм: «...каждый из нас делает общим достоянием свою личность и всю свою мощь, ставя их под высшее руководство общей воли; и мы в виде организма принимаем в свой состав каждого члена в качестве части, не отделимой от целого» [4. С. 127]. В целом же в философской классике, включая представителей немецкой классической философии (И. Кант, И. Фихте, Ф. Шеллинг, Г.В. Гегель, Л. Фейербах), идентичность трактовалась как обретение постоянства, подобия, похожести. Г.В. Гегель использует понятие «тождество», говоря о духе народа, определяемом исторической ступенью его развития и с которым идентифицирует себя представитель этого народа. Например, для представителей индийского общества, по мнению Г.В. Гегеля, характерно самоотчуждение «...сознания путем погружения в стихийность природы, с которой личность отождествляет себя, уничтожая таким образом сознание того, что она отлична от стихийности природы... Любовь, небо, одним словом все духовное, с одной стороны, представляется фантазией индуса, а, с другой стороны, мысленное оказывается для него также и чувственным, и, доводя себя до беспамятства, он погружается в это натуральное» [5. С. 149]. Это соответствовало общей когнитивной установке классической философии – поиску тождества, сведению всего к одному. Но за несколько столетий от Нового времени до сегодняшнего дня концепция идентичности кардинально преобразилась.

В современной философии можно встретить принципиальное отрицание идентичности как характеристики бытия и мышления с заменой его на категории «инаковость», «различие», «множественность». Т. Адорно пишет о том, что «вещь не идентична своему понятию...», она, непроницаемая «...для тоталитарных устремлений тождества, противостоит давлению идентичности» [6. С. 138]. Ю. Хабермас рассматривает личностную и социальную идентичности как два измерения, в которых реализуется балансирующая Я-идентичность. Он отмечает, что «...признание различий – взаимное признание другого в его инаковости – может стать отличительной чертой общей идентичности» [7. С. 44]. Понимание идентичности как результата человеческого выбора, самоопределения в определенных социальных условиях характерно для философской позиции К. Ясперса. Он пишет, что повторяющиеся в обществе социальные связи (господства-подчинения, социальная дифференциация и т.д.) служат «необходимым условием генетического (психологического) понимания...» «...психической жизни, от первобытности до цивилизованного состояния» [8. С. 852], накладывая отпечаток, как в частности профессия, «даже на почерк человека, тем самым избавляя нас от необходимости предпринимать более подробное исследование» [8. С. 865]. П. Рикёр рассматривает идентичность в контексте понимания необходимости поиска тождественности и постоянства в системах описания («идентичностью-тождеством и идентичностью-самостью»), будь то описание извне и/или самописание [См.: 9]. В постмодернизме традиционная целостность уступает место набору симулякров, объединенных по принципу «ризомы» (Ж. Дилёз, Ж. Бодрийяр [См.: 10-11]) и т.д. С. Хантингтон утверждает, что в мире «...кризис национальной идентичности наблюдается повсеместно, то есть носит глобальный характер» [12. С. 36].

В целом, философский подход к рассмотрению идентичности концентрирует внимание на анализе идеалов и ценностей, лежащих в ее основе, на поиске путей разрешения кризиса

коллективной и индивидуальной идентичности и т.д. «Возникновение и развитие представлений о социальной идентичности связано во многом с глубинными общественными изменениями в общественном укладе и мировоззрении, произошедшем в XIX веке», - отмечает И.В. Барышникова [13. С. 166].

Социологические концепции идентичности базируются, прежде всего, на концепциях общества и его институтов, а идентичность рассматривается как комплекс ролей и статусов, организованных адекватно социальной системе. Среди социологических теорий идентичности можно выделить теории, опирающиеся на теорию «зеркального Я», которые исходят из положения о формировании идентичностей в ходе социальных интеракций (Ч.Х. Кули, Дж. Мид [См.: 14-15]), акцентирующие внимание на роли смыслов, которые индивид придает своим взаимоотношениям с окружающими (Г. Блумер [См.: 16]). И. Гофман и Л. Краппманн исследовали разнообразие, сохранение и управление идентичностью через исполнение различных ролей. И. Гофман писал: «...самоотождествление Я индивида с какой-то конкретной ролью, организацией или группой, ... формирует его самопонимание в качестве человека» [17. С. 289]. Лотар Краппманн вслед за Э. Эриксоном полагал, что я-идентичность является непрерывным балансом между индивидом и обществом и поэтому нужно определить какие компетенции на самом деле нужны для привлечения и демонстрации идентичности [См.: 18]. З. Бауман особое внимание уделял связи идентичности с индивидуальными представлениями о «территории свободы». В условиях перехода от строгих рамок сословной идентичности, встала проблема самоопределения, которая сводилась «...к ответам на вызов жизни, соответствующей принятым стандартам (как бы не отстать от соседей): к активному приспособлению к сформировавшимся социальным типам и моделям поведения, подражанию, следованию образцам, повышению культурного уровня, попыткам не выбиться из ряда, не отойти от нормы» [19. С. 182]. П. Бергер, Т. Лукман рассматривают идентичность с точки зрения социального конструирования реальности в контексте конкретного общества. Они считают, что идентичность «...формируется социальными процессами. Однажды выкристаллизовавшись, она поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями» [20. С. 279]. П. Бурдьё полагает, что «...структура группы (и, как следствие, социальная идентичность составляющих ее индивидов) зависит от функции, которая заложена в ее конституирование и ее организацию» [21. С. 324] и определяется специфическими видами капиталов и социальных позиций, занимаемых агентами. Он обосновывает вывод о том, что «...группы, дома, кланы или трибы и имена, обозначающие их, являются инструментами и ставками многочисленных стратегий и ... агенты заняты непрерывными переговорами о своей идентичности: например, они могут манипулировать генеалогиями, как мы манипулируем (и с теми же целями) текстами founding fathers какой-либо дисциплины» [22. С. 79]., баланса индивидуальной уникальности и коллективной разделенности (Дж. Дешапс, Т. Девос, У. Дойс [См.: 23-24]), выбора наиболее ценной (важной) идентичности в конкретной ситуации (Н.Н. Федотова [См.: 25]), исходящей из теории социальных представлений (С. Московичи [См.: 26]), корреспондирующие с групповым сознанием, опосредованном культурными, институциональными процессами, совместным опытом (Дж. Александер [См.: 27]), объясняющиеся с позиций сферы сакрального и личной активности агента и т.д.

В ходе изучения этнической идентичности и этносов в науке и философии достаточно отчетливо оформились три основных теоретических подхода: примордиализм, конструктивизм и инструментализм.

Примордиализм (от англ. primordial – исконный, изначальный) определяет этнос как изначально данную и неизменную общность людей с четко выраженными устойчивыми признаками, имеющими онтологическое основание. В то же время внутри этот подход может быть дифференцирован на базе некоторых классификационных критериев субстанциального основания этничности: природного как такового, в том числе лежащего в природе человека; социального бытия; единого природного и социального начала человеческого существования, находящегося в сфере духа как надприродного и надсоциального бытия. В этом случае можно выделить несколько направлений анализа и интерпретации феномена этничности: природно-антропологическое, социально-биологическое, социально-историческое.

Природно-антропологическое направление (Геродот, Ш. Монтескьё, П.Л. Ван ден Берге, Ф. Тённис, С.А. Арутюнов [См.: 28-34] и др.), усматривающий природу этничности и, соответственно, источник этногенеза в генетико-биологических, биофизических, географических и т.п. факторах. Находясь на схожих позициях, Л.Н. Гумилев более противоречив в определении данного понятия. В основном он утверждает, что «этнос у человека - это то же, что прайды у львов, стаи у волков, стада у копытных животных и т.д.» [35. С. 13]. В то же время он пишет, что «этносты - явление, лежащее на границе биосферы и социосферы и имеющее весьма специальное назначение в строении биосферы Земли» [36. С. 16].

Социально-биологическое направление представляет собой попытку связать в единое целое социально-историческую и природно-биологическую предопределенность этнических процессов и феноменов рассматривает этнос как природно-генетически наследуемое качество. Р. Шоу и Ю. Вонг предполагают, что этническое родство заложено в генетическом коде еще с доисторической эпохи [См.: 37]. Разновидностью данного направления является социально-психологические и умозрительно-философские концепции «духа» или «души» народа (Г. Лебон, И.Г. Гердер, Г.В.Ф. Гегель, Х. Штейнталь, М. Лацарус, В. Вундт [См.: 38-42] и т.д.).

Социально-историческое направление рассматривает этнос как исторически складывающуюся социальную группу, связанную общностью территории, исторических судеб, языка, материальной и духовной культуры, экономической жизни, психологического склада (И.В. Сталин [См.: 43]). К этой же типологической схеме относится и направление в понимании этничности, которое можно обозначить как культурно-историческое (Н.С. Трубецкой, Ю.В. Бромлей, А. Бастиан, Т. Парсонс, Ф.И. Нейман, австро-марксисты - Р. Шпрингер, О. Бауэр [См.: 44-50] и др.).

Конструктивистский подход (Б. Андерсон, Ф. Барт, Э. Геллнер, В.А. Тишков [См.: 51-54] и т.д.) определяет этнос как искусственное образование, как результат целенаправленного конструирования и деятельности самих людей. Зачастую представители конструктивизма видят в этнических конструктах политический инструмент борьбы за экономические и символические ресурсы. Следовательно, образование этнической общности и этническая идентичность выступают как процесс или процедура отбора и отбраковки («прополки») государством и наукой культурных характеристик как маркеров этноса. Учитывая кризис мультикультурализма в Западной Европе, возрастание национального сепаратизма, ксенофобии, которые активно вторгаются в современный мир, Э. Хобсбаум отмечает: «Сейчас более важно, чем когда-либо, отказаться от теории этнической принадлежности как чего-то «первоначального» [55. С. 338]. С точки зрения *инструменталистского подхода* (А. Коэн, Дж. Окамура, К. Янг, З.В. Сикевич, Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробизева, В.А. Ядов, С.А. Арутюнов, Х. Ортега-и-Гассет [См.: 56-65] и др.) этнос рассматривается как важный инструмент достижения людьми определенных целей, и не направлен на поиск определения понятий этноса и этничности.

В русле инструментализма выделяются два направления: элитарный инструментализм и экономический инструментализм. В первом случае в качестве основной цели этнических элит рассматривается борьба за власть, во втором - за ресурсы. Вот почему представляется более уместным для нашего исследования использование синтетической модели этноса, предложенной О.С. Тереховым в своем диссертационном исследовании «Динамика межэтнических конфликтов XX века: социально-философский и теоретико-исторический анализ» [См.: 66]. Согласно этой модели, разработанной в рамках социальной онтологии Н.С. Розова, развивающей идею «трех миров» К. Поппера, выделяются «вариации для этнических признаков: в биотехносфере - от формы лица и черепа, цвета кожи (подобные признаки неизменяемы или крайне сложно поддаются изменениям), до одежды, прически, оружия и мебели; в социосфере: от структуры семьи, рода, клана (подобные структуры крайне сложно поддаются внешним изменениям и конструированию извне), до заново создаваемых и изменчивых этнических группировок и диаспор (представляющих собой структуры с открытой возможностью вступления); в психосфере: от темперамента, неосознаваемых архетипов языка - генетических задатков психики, до меняющихся идей и идеологий, которые навязываются и передаются в этнической среде; в культуросфере: от ядерных символов культуры и владения родным языком, до восприятия неологизмов, многоязычия и различных эффектов внешнего культурного влияния». В рамках

такой модели этнос представляется в виде ядра, в которое входят представители данного этноса по праву рождения, или «по праву крови», имеющие определенные антропологические признаки принадлежности к данному этносу, свободно владеющие родным языком без акцента, выполняющими ритуалы жизненного цикла (принятие новорожденного в сообщество, брачные и похоронные церемонии), демонстрирующих определенное повседневное поведение, характерное для данного этноса, и окружающих его слоев (оболочек этнического ядра). Вокруг ядерной группы имеется три таких слоя. Первый слой состоит из лиц, рожденных от моноэтнических родителей ядра этноса, но не соблюдающих традиции, которые являются обязательными для соответствующей этнической группы. Второй слой включает детей межэтнических браков, в которых один из родителей принадлежит либо к ядерной группе, либо к первому слою вокруг этнического ядра. Третий состоит из «этнических иммигрантов», не имеющих кровного родства с данным этносом, но стремящихся ассимилироваться и в определенной мере быть принятыми в него. Таким образом, под этносом можно понимать биосоциокультурную межпоколенную общность, состоящую из различным образом интегрированных в нее слоев (ядерной группы этноса и оболочек этнического ядра), идентифицирующих себя с этой общностью. Но этнос – это становящееся явление. На первом этапе это по большей части природное, непосредственное, самоидентифицирующееся явление. Культура его проста и примитивна. На втором этапе происходит его опосредствование собой. В нем все больше появляется свое иное – культурное, которое все больше вытесняет природное и этнос все более обретает черты социальности. Обычно этот этап связывают со становлением народности. Но искусственность, подражая естественному, им живет и в силу этого к себе начинает относиться критически. На этом этапе происходит становление нации. Теперь требуется не только критика, но и новое утверждение, усиленное антитетическим отрицанием. По логике, если получится, то возможен синтез в виде всемирно-исторического этнического образования. Таким образом, этнос более близок к социокультурному содержанию, отличающему его от других общностей.

Важным аспектом в этнической идентификации выступает, как правило, этническое самосознание. Этническое самосознание формируется в ходе этногенеза, этнокультурной и социокультурной деятельности этноса. Оно выступает затем уже не только «важным показателем этнической принадлежности, но и как сила, объединяющая членов этноса и противопоставляющая их другим этносам». Этническое самосознание в рамках философского, культурологического и социологического рассмотрения предполагает его определение как развивающейся системы. С этих позиций оно исследуется в рамках социокультурного подхода, разработанного применительно к этническим явлениям Б.С. Ерасовым, Э.С. Маркаряном, А.С. Ахиезером [См.: 67-69]. Б.Б. Нанаева в своем диссертационном исследовании выявила огромное влияние на самосознание коллективного бессознательного, как неосознаваемых импульсов поведения этноса. Ее теоретический анализ приводит к следующим выводам: «Во-первых, как и общественное сознание в целом, этническое самосознание определяется устойчивыми закономерностями историко-культурного развития, социальным и политическим опытом, заключенными в традициях. А они, как наиболее устойчивый элемент этого опыта, оказывают влияние на воспроизводство самосознания, способствуя или препятствуя созиданию новых моделей жизнедеятельности. Во-вторых, в процессе становления самосознания выявлены две взаимосвязанные тенденции: позитивная, направленная на гармоничное развитие этнического и общечеловеческого в этническом самосознании, и негативная, часто ведущая к этническому эгоизму и сепаратизму» [70. С. 29]. Поэтому важно при становлении, формировании и развитии этнического самосознания не допустить доминирования негативной тенденции.

Важным механизмом саморегулирования этнического самосознания являются социокультурные традиции. Социологический анализ особенностей этнических процессов осуществлен в работах Ю.В. Арутюняна, В.А. Авксентьева, Л.М. Дробижевой, Г.С. Денисовой, М.Р. Радовель, З.В. Сикевич, Н.Г. Скворцова, Ж.Т. Тощенко, Р.Б. Шайхисламова, С.Г. Максимовой [См.: 71-82] и др. Этнополитические вопросы исследования этничности представлены в трудах Р.Г. Абдулатипова, Г. Абдулкаримова, В.А. Ачкасова [См.: 83-85] и пр. Социально-психологический анализ предпринят в работах В.Г. Крысько, Ю.П. Платонова,

Г.У. Солдатовой, Т.Г. Стефаненко [См.: 86-89] и др. Анализ границ, межэтнических отношений и идентичности населения приграничных регионов посвящены работы О. Бредниковой, В. Воронкова, В.А. Колосова [См.: 90-92] и др.

Таким образом, современной наукой к настоящему времени накоплен достаточно большой опыт изучения отдельных аспектов социально-этнической идентичности, разработан инструментарий исследования различных ее аспектов.

Литература

1. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. с древнегреч.; Общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmusa, А.А. Тахо-Годи; Авт. вступ. ст. и ст. в примеч. А.Ф. Losev; Примеч. А.А. Тахо-Годи. – М.: Мысль, 1994. – 654 с. – С. 373.
2. Блаженный Августин. Творения: В 4 т. Т. 1: Об истинной религии. – СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 2000. – 742 с. – С. 185.
3. Николай Кузанский. Сочинения в 2-х томах. Т. 1: Перевод/Общ. ред. и вступит. статья З. А. Тажуризиной. – М.: Мысль, 1979. – 488 с. – С. 112.
4. Руссо, Ж.-Ж. Политические сочинения / Изд. подгот. Б. Бернарди, С.В. Занин; Отв. ред. И.А. Исаев. СПб.: ООО «Издательство "Росток"», 2013. – 640 с. – С. 127.
5. Гегель, Г.В.Ф. Сочинения. В 14 т. Т. VIII. Философия истории / Г.В.Ф. Гегель. Пер. А.М. Водена. – М.-Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. – 468 с. – С. 149.
6. Адорно, Т.В. Негативная диалектика. – М.: Научный мир, 2003. – 374 с. – С. 138, 149.
7. Хабермас, Ю. Расколотый Запад / Пер. с нем. – М.: Издательство «Весь Мир», 2008. – 192 с. – С. 44.
8. Ясперс, К. Общая психопатология / К. Ясперс. Пер. с нем. Ред. перевода – д-р мед. н. В.Ф. Войцех и к. филос. н. О.Ю. Бойцова – М.: Практика, 1997. – 1056 с. – С. 852.
9. Рикёр, П. Я-сам как другой / Пер. с франц. – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2008 (Французская философия XX века). – 416 с.
10. Делёз, Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Жиль Делёз, Феликс Гваттари; пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория, 2008. – 672 с.
11. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с.
12. Хантингтон, С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / С. Хантингтон; Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с. – С. 36
13. Барышникова И.В. Понятие идентичности в социологическом дискурсе // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 7, Филос. – 2009. – № 2 (10). – С. 166-171. – С. 166.
14. Кули, Ч.Х. Избранное: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социальной психологии; сост. и переводчик В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2019. – 234 с.
15. Мид, Дж.Г. Философия настоящего [Текст] / под ред. А.И. Мерфи; предисл., введ. А.И. Мерфи; вступит. слово Дж. Дьюи; пер. с англ. В.Г. Николаева, В.Я. Кузьмина (доп. очерк IV); под науч. ред. В.Г. Николаева; закл. ст. В.Г. Николаева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
16. Блумер, Г. Социологические импликации мышления Джорджа Герберта Мида. Наука без понятий // Интеракционизм в американской социологии и социальной психологии первой половины XX века: Сб. переводов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информ. исследований. Отд. социологии и социал. психологии; Сост. и переводчик В.Г. Николаев; Отв. ред. Д.В. Ефременко. – М., 2010. – 322 с. – С. 279-317.
17. Гофман, И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2000. – 304 с. – С. 289.
18. Krappmann, L. Soziologische Dimensionen der Identität / L. Krappmann. – Stuttgart: Klett, 1969.
19. Бауман, З. Индивидуализированное общество. – М.: Логос, 2005. – 390 с. – С. 182.
20. Бергер, П., Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. Е. Руткевич. – М.: «Медиум», 1995. – 323 с. – С. 279.
21. Бурдьё, П. Практический смысл / Пер. с фр.: А.Т. Бикбов, К.Д. Вознесенская, С.Н. Зенкин, Н.А. Шматко; Отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейя, 2001. – 562 с. – С. 324.
22. Бурдьё, П. Социология социального пространства / Пер. с франц.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с. – С. 79.

23. Deschamps, J.C., Devos, T. Regarding the relationship between social identity and personal identity // Social identity. International perspective. – 1998. – С. 1-12.
24. Doise W. Représentations sociales dans l'identité personnelle. – 1999.
25. Федотова, Н.Н. Изучение идентичности и контексты ее формирования. – М.: Культурная революция, 2012. – 200 с.
26. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. – М.: «Центр психологии и психотерапии», 1998. – 480 с.
27. Александер, Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социологические исследования. – 2009. – № 10. – С. 3-17.
28. Геродот. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Под ред. С. Л. Утченко. Ред. перевода Н. А. Мещерский. Л., Наука, 1972. – 600 с.
29. Монтескьё, Ш.Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – 672 с.
30. Монтескьё, Ш.Л. Персидские письма. Размышления о причинах величия и падения римлян / Пер. с фр.; Вступ. ст. и коммент. Н. Саркитова. – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2002. – 512 с.
31. Van den Berghe, P.L. Race and ethnicity: a sociobiological perspective // Ethnic and racial studies. – 1978. – Т. 1. – № 4. – С. 401-411.
32. den Berghe, V.P.L The Ethnic Phenomenon / P.L. Van den Berghe // NY: Oxford. – 1981. – Т. 301.
33. Тённис, Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Ред. Л. Г. Позднякова. Пер. с нем. Д. В. Складнева. – СПб: «Владимир Даль», 2002. – 451 с.
34. Арутюнов, С. А. Этничность – объективная реальность // Этнос и политика: Хрестоматия. – М.: УРАО, 2000. – С. 30–33.
35. Гумилев, Л. Н. География этноса в исторический период. – Л.: Наука, 1990. – 279 с. – С. 13
36. Гумилёв, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис–пресс, 2003. – 560 с. – С. 16.
37. Show, R. P., Wong, Yu. Genetic Seeds of Warfare: Evolution, Nationalism and Patriotism. Boston, 1989.
38. Лебон, Г. Психология толп // Психология толп. – М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998. – 416 с.
39. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества. – М.: Изд-во «Наука», 1977. – 703 с.
40. Гегель. Философия истории // Гегель. Соч. – Т. VIII. – М.–Л.: Соцэкгиз, 1935. – 470 с.
41. Гильтебрандт, П.А. Штейнталь и Лацарус: Мысли о народной психологии. – Воронеж: Тип. В. Гольдштейна, 1865. – 41 с.
42. Вундт, В.М. Проблемы психологии народов / Вильгельм Вундт; Пер. прив.-доц. Моск. ун-та Н. Самсонова. – М.: Космос, 1912. – 132 с.
43. Сталин, И. В. Марксизм и национальный вопрос. – Л.: Государственное изд-во политической литературы, 1950. – 64 с.
44. Трубецкой, Н. С. Мы и другие // Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей. – М.: Айрис–пресс, 2002. – С. 385–401.
45. Бромлей, Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. – 412 с.
46. Bastian, A. Beitrage zur vergleichenden Psychology. – Berlin, 1868. – 288 s.
47. Парсонс, Т. О социальных системах / Под ред. В. Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. – М.: Академический Проект, 2002. – 832 с.
48. Neumann, F. Die Völker des südlichen Russlands: in ihrer geschichtlichen Entwicklung: eine von dem Koniglichen Institut von Frankreich gekronte Preisschrift / von Karl Friedrich Neumann. – Druck und Verlag von B.G. Teubner, 1847. – 174 с.
49. Шпрингер, Р. Национальная проблема: Борьба национальностей в Австрии. Пер. с нем. / Под ред. и с предисл. М.Б. Ратнера. Изд. 2-е. – М.: КРАСАНД, 2010. – 328 с.
50. Бауэр, О. Национальный вопрос и социал-демократия // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 52–120.
51. Anderson, B. Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. – L.-N.Y.: Verso books, 2006.
52. Барт, Ф. Пуштунская идентичность и поддержание ее сохранности // Этнические группы и социальные границы. Социальная организация культурных различий: Сборник статей / Под ред. Ф. Барта; пер. с англ. И. Пилищикова. – М.: Новое издательство, 2006. – 200 с.
53. Геллнер, Э. Нации и национализм / Эрнест Геллнер; Пер. с англ. Т.В. Бердиковой, М.К. Тюнькиной; Ред. и послесл. И.И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 319 с.
54. Геллнер, Э. Пришествие национализма. Мифы нации и класса // Путь. Международный философский журнал. – 1992. – № 1. – С. 9-61.; Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

55. Хобсбаум, Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – С. 332–346.
56. Cohen, A. Custom and politics in urban Africa: a study of Hausa migrants in Yoruba towns. – Routledge, 2013.
57. Okamura, J.Y. Situational ethnicity // Ethnic and racial studies. – 1981. – Т. 4. – № 4. – С. 452–465.
58. Okamura, J.Y. What about racial groups and boundaries (and race and racism)? // Anthropological Notebooks. – 2019. – Т. 25. – № 1. – Р. 37–56.
59. Янг, К. Диалектика культурного плюрализма: концепция и реальность // Этничность и власть в полиэтнических государствах: Материалы междунар. конф. [25–27 янв.] 1993 г. / [Отв. ред. В.А. Тишков]. – М.: Наука, 1994. – 313 с. – С. 86–116.
60. Сикевиц, З.В. Социология и психология национальных отношений: Учеб. пособие / Сикевиц З.В. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 1999. – 203 с.
61. Арутюнов, С.А. Этничность-объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 5. – С. 7–10.
62. Арутюнян, Ю.В., Дробижева, Л.М. Этносоциология перед вызовами времени // Социологические исследования. – 2008. – № 7. – С. 85–95.
63. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности // Мир России. Социология. Этнология. – 1995. – Т. 4. – № 3–4. – С. 158–181.
64. Ортега-и-Гассет, Х. Камень и небо [Текст]: [перевод с испанского] / Хосе Ортега-и-Гассет. – М.: Грант, 2000. – 288 с.
65. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания: [сб.: пер. с исп.] / Хосе Ортега-и-Гассет. – М.: АСТ, 2008. – 347 с.
66. Терехов, О.С. Динамика межэтнических конфликтов XX века: социально–философский и теоретико-исторический анализ: автореф. дисс. ... к. филос. наук / О.С. Терехов – Новосибирск, 2008. – 25 с.
67. Ерасов, Б.С. Цивилизации: Универсалии и самобытность / Б.С. Ерасов; Рос. акад. наук. Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: Наука, 2002. – 522 с.
68. Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этно-культурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры) / Отв. ред. С.А. Арутюнов, Э.С. Маркарян. – Ер.: Изд-во АН АрмССР, 1983. – 319 с.
69. Ахиезер, А.С. Россия: критика исторического опыта. – М.: Философское общество, 1991. – Т. 3. – 471 с.
70. Нанаева, Б.Б. Социокультурные традиции в контексте становления и развития самосознания этноса [Текст]: автореф. дис. ... док филос. наук / Б. Б. Нанаева. – Ростов–на–Дону, 2010. – С. 29.
71. Арутюнян, Ю.В. Об этнических компонентах российской идентичности // Социологические исследования. – 2009. – № 6. – С. 38–44.
72. Авксентьев, В.А., Аксюмов, Б.В. Россияне: от гражданской к цивилизационной идентичности // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 4 (76). – С. 31–37.
73. Дробижева, Л.М. Этносоциальное изучение современности // Расы и народы. – 1976. – № 6. – С. 73.
74. Денисова, Г.С. Этносоциология: Учеб. пособие для студентов ун-тов и пед. вузов / Денисова Г.С., Радовель М.Р. – Ростов-н/Д: ЦВВР, 2000. – 280 с.
75. Сикевиц, З.В. Национальное самосознание русских: (Социол. очерк) / Сикевиц З.В.; Ин-т «Открытое о-во». – М.: АОЗТ «Механик», 1996. – 204 с.
76. Скворцов Н.Г. Формирование национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. – 2016. – № 4. – С. 53–60.
77. Тощенко, Ж.Т. Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция: Этносоциол. очерки / Ж. Тощенко; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – М.: РГГУ, 1997. – 212 с.
78. Тощенко, Ж.Т. Фантомы российского общества. – М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015. – 668 с.
79. Шайхисламов, Р.Б., Асадуллина, Г.Р., Садретдинова, Э.В. Роль сохранения родного языка как фактора формирования идентичности современной молодежи // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона. – Екатеринбург, 2020. – 2020. – № 22. – С. 143–146.
80. Шайхисламов, Р.Б., Садретдинова, Э.В., Коровкина, Н.В. Социокультурные основания российской идентичности в региональном измерении // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2016. – № 5. – С. 72–76.
81. Максимова, С.Г. Гражданская и этническая идентичность населения приграничных регионов России: особенности современного состояния, факторы и актуальные проблемы формирования / С.Г. Максимова,

Г.С. Авдеева, О.Е. Ноянзина и др. // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – № 3 (87). – Т. 1. – С. 175-179.

82. Максимова, С.Г. Гражданская и этническая идентичность как основа социальной интеграции приграничных регионов современной России / С.Г. Максимова, А.Г. Морковкина // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. – 2016. – № 4-1. – С. 6-13.

83. Абдулатипов, Р.Г. Этнополитология: [этнос и государство, этнополитика гос. устройства в России, этнополит. конфликты: причины и пути их разрешения]: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 020200 "Политология" / Р.Г. Абдулатипов. – М. и др.: Питер, 2004. – 313 с.

84. Абдулкаримов, Г. Теоретические проблемы актуальной этнополитики в России [Текст]: этносоциология модернизации современной России / Гаджи Абдулкаримов. – М.: Весь мир, 2010. – 331 с.

85. Ачкасов, В.А. Политика идентичности мультиэтнических государств в контексте решения проблемы безопасности [Текст] / В.А. Ачкасов; Санкт-Петербургский гос. ун-т. – Санкт-Петербург: Изд. дом Санкт-Петербургского ун-та, 2012. – 230 с.;

86. Крысько, В.Г. Этническая психология: учебное пособие / В.Г. Крысько. – М.: Академия, 2002. – 320 с.

87. Платонов, Ю.П. Психология конфликтного поведения: научное издание / Ю.П. Платонов. – СПб.: Речь, 2009. – 543 с.

88. Солдатова, Г.У. Психология межэтнической напряженности [Текст] / Г.У. Солдатова. – М.: Смысл, 1998. – 386 с.

89. Стефаненко, Т.Г. Индивидуальные стратегии конструирования этнической идентичности // Идентичность и толерантность / Под ред. Н.М. Лебедевой. – М.: Изд-во ИЭА РАН, 2002. – С. 35-48.

90. Бредникова, О.Е. Приграничье как социальный феномен (направления социологической концептуализации) // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. – 2008. – № 4. – С. 492-497.

91. Воронков, В.М. Приватизация этничности vs «национальная политика» // Куда пришла Россия. – 2003. – С. 206-214.

92. Колосов, В.А., Заяц, Д.В. Молдова и Приднестровье: национальное строительство, территориальные идентичности, перспективы разрешения конфликта // Вестник Евразии. – 2001. – № 1. – С. 88-122.

УДК: 82

Гузь Н.А.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Заглавия в рассказах В.М. Шукшина

Аннотация. Статья посвящена рамочному элементу текста, – связанному с его смыслом, исторической эпохой, национальной литературой и культурными традициями. Работа выполнена на материале основного корпуса рассказов В.М. Шукшина. В статье кратко отмечены основные этапы изучения заглавия в филологии. В анализе используется классификация А.В. Ламзиной, а также подход к исследуемой категории В.И. Тюпы. В работе раскрыто многообразие функций заглавия в рассказах В.М. Шукшина, проявляющееся в стиливой тональности и ориентации на народную среду, в актуализации нравственно-социальной проблематики, в реализации коммуникативной интенции, в направленности на основные категории художественного мира писателя.

Ключевые слова: заглавие, классификация, типология, художественная функция, поэтика, символ, перспекция, ретроспекция.

Многие писатели признавались в долгих и нелегких поисках заглавия. Заглавие – уникальный элемент текста, связанный с его смыслом, исторической эпохой, национальной литературой и культурными традициями. Связи заглавия с названными аспектами приобретают особую значимость в переводных текстах. Кто узнает в названии «Плачущие цветы и скорбящие ивы. Последний прах кровавых боев в Северной Европе» – «Войну и мир» Л.Н. Толстого? Или в названии «Преступник, нарушивший закон Неба» – «Бориса Годунова»? в «Перекасти-поле» – тургеневский роман «Рудин»?

Заглавие текста – это феномен, которому посвящено множество работ, преимущественно лингвистов, а также литературоведов и ученых, синтезирующих достижения наук о языке и литературе. Лингвистов интересует в первую очередь грамматический статус заглавия и его функция, и для исследований они привлекают чаще всего материалы публицистики. Литературоведческие исследования в основном посвящены поэтике заглавий. Наконец, в работах общемонологического плана совмещаются оба вектора.

Первым стал изучать заглавие русский литературовед и писатель С.Д. Кржижановский, который в начале 30-х годов рассмотрел основные аспекты этого феномена. Он определил заглавие как свернутый текст, отметил тождество отношения заглавия к тексту и текста к разрабатываемой сфере действительности, а также способность заглавия указывать на стилистику, авторское мышление и адресность текста. «Заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть развернутое до конца заглавие. Заглавие же – стянутая до объема 2-3 слов книга» [1, с.7]. По мнению исследователя, заглавие является кратчайшим из кратких рассказов о смысле книги.

Далее интерес к заглавию проявляется в конце 60-х годов XX в., но особенно интенсивно заглавие изучается на рубеже XX-XXI ст.

В литературоведении наиболее разработана эта категория в работе Н.А. Веселовой [2]. В этом исследовании уделяется основное внимание заглавиям-антропонимам, отмечен также ряд других групп: топонимические, метафорические, оксюморонные, аллюзии, жанрово-родовые, символические, нейтральные, проблемные.

На сегодняшний день существует не менее 10 классификаций заглавий, в большей мере в лингвистике

В нашей работе мы используем классификацию А.В. Ламзиной [3], согласно которой типология заглавия строится в соответствии с основными компонентами произведения: тема или проблема, сюжет, система персонажей, персональные, деталь, время, место.

Также мы используем подход к заглавию Валерия Игоревича Тюпы, который рассматривает заглавие в контексте коммуникативного события и отмечает, что «в заглавии текста, понимаемом как имя собственное манифестирующее текстом произведения, встречаются три важнейшие интенции: **референтная** - соотнесенность текста с художественным миром; с внешним хронотопом бытия героя или с самим героем (внутренним хронотопом); **креативная** - соотнесенность текста с творческой волей автора как организатора некоторого коммуникативного события; **рецептивная** - соотнесенность текста с сотворческим сопереживанием читателя как потенциального реализатора этого коммуникативного события» [4, с. 115-116].

Нами рассмотрены 110 заглавий В.М. Шукшина. Около четверти из них первоначально имели др. названия, которые он впоследствии перед публикацией заменял.

Если подходить к заглавиям в рассказах В.М. Шукшина с позиции Валерия Игоревича Тюпы, то почти половина из них выражает референтную интенцию («Долгие зимние вечера», «Сельские жители»), при этом одна треть – имя («Ленька»), другая треть – характеристика персонажа («Крепкий мужик»). На втором месте по частотности – рецептивная интенция («Одни», «Критики»), и совсем незначительно представлена креативная («Чудик»). Но эти планы взаимодействуют между собой, и значительное место занимает сочетание референтной и рецептивной интенций. О чем это говорит? Преобладание в чистом виде референтной интенции – о том, что для Шукшина заглавие текста является его именем (в филологических работах по этому вопросу существуют разные мнения), а доминирование имен и характеристик персонажа (большая половина) – о важности для автора темы или проблемы, связанной с данным героем. Достаточно большой объем заглавий, связанный с рецептивной и референтно-рецептивной интенцией, свидетельствует о том, что для Шукшина диалог с читателем начинается уже с заглавия, что он рассматривает текст как коммуникацию, как разговор с читателем. доверяет ему интерпретировать заглавие. Иногда такие рецептивные интенции заглавий не оправдывают горизонт читательских ожиданий, не совпадают с авторской мыслью – заглавие можно понять не в процессе чтения, но лишь дочитав и осмыслив весь текст: «Экзамен», «Билетик на второй сеанс», «Демагоги», «Космос, нервная система и шмат сала». В связи с этим поднимается проблема связи заглавия со

смыслом, по этому поводу тоже нет единого мнения. Рассказы Шукшина говорят о том, что заглавие не всегда тождественно смыслу, особенно когда оно провокативно.

Если же рассматривать заглавия по классификации А.В. Ламзиной, то здесь ожидаемо доминируют персональные, что коррелирует с вышесказанным об референтной интенции, на втором месте заглавия, манифестирующие тему («Правда», «Верую» «Обида»), значительное место занимают заглавия с сюжетной перспективой («Как помирал старик», «Срезал». Но здесь, как и в случаях с референтной интенцией, велико количество заглавий с обманутым эффектом ожидания («Жена мужа в Париж провожала»).

Немного у Шукшина заглавий пространственно-временных – 5-9 из 110 («Выбираю деревню на жительство», «Беседы при ясной луне», «Осенью») и совсем мало – осложненных историческим, временным, литературным, профессиональным, инокультурным. контекстами: «Страдания молодого Ваганова», «Стенька Разин», «Коленчатые валы», «Танцующий Шива».

Заголовки двух рассказов цитируют слова персонажей («Раскас»), трех – народных песен («В воскресенье мать-старушка»)

Значительная часть заглавий выявляет стилевую основу всего текста, чаще всего это преобладание разговорных стилевых элементов, т.к. для писателя характерно повествование и в духе, в тоне героев: «Игнаха приехал», «Сураз».

Многие названия рассказов писателя соединяют в себе несколько классификационных аспектов, чаще всего персональный, тематический и сюжетно-перспективный.

Итак, В.М. Шукшин отходит от традиции, когда имя персонажа в заглавии часто становилось нарицательным. Имя героя, вынесенное Шукшиным в заголовок, без наличия говорящей фамилии или вообще без нее, но манифестирующее стилевую тональность и ориентацию на народную среду, на маленького или обычного человека, связано с нравственно-социальной проблематикой, раскрывающейся в рассказе на примере образа жизни или поступка героя. Заглавия в рассказах В.М. Шукшина могут быть проспекцией к смыслу и содержанию, а могут быть и ретроспекцией, особенно это касается рассказов с экзистенциальными темами или мотивами. Шукшинские заглавия указывают на коммуникативную интенцию и актуализируют основные категории художественного мира писателя.

Литература

1. Кржижановский С. Поэтика заглавий // Москва, Никитинские субботники, 1931.
2. Веселова Н.А. Заглавие литературно-художественного текста: Антология и поэтика // Автореферат дисс.... канд. филол. н. Тверь, 1998.
3. Ламзина А.В. Рама произведения // Введение в литературоведение: Учебное пособие / Л.В. Чернец, В.Е. Хализев, А.Я. Эсхалек и др. Под ред. Л.В. Чернец. М., Высшая школа. 2004.
4. Тюпа В.И. Поэтика заглавий // Тюпа В.И. Аналитика художественности. М., 2001.

УДК: 930.85

Дегальцева Е.А.

БТИ АлтГТУ им. И.И. Ползунова, г. Бийск, Россия

Провинциальные маскарады предреволюционной эпохи как исторический перформанс

Аннотация. В данном случае исторический перформанс подразумевает ситуацию, складывающуюся в определенных культурных формах в конкретное время (начало XX в.), в конкретном месте (провинциальные собрания с маскарадами) и включающие в себя определенные действия участника/группы и зрителей. Накануне революции в провинции через участие в таких мероприятиях фантазии на политические темы раскрывались даже сильнее, чем в столицах. Революция 1917 года в России рассматривается как часть многосоставного, в том числе и социокультурного процесса со своими художественными практиками. В данной статье делается попытка на примере небольших провинциальных городов рассмотреть воспроизведение

меняющегося нового времени (культуру начавшегося формироваться индустриального общества) в таких традиционных культурных формах, как костюмированные маскарады. Их политизация отразила атмосферу эпохи.

Ключевые слова: культура, маскарад, карнавал, праздник, революция, политические ссыльные, политические партии, провинция, Сибирь.

Тема праздников и маскарадов в историческом аспекте рассматривалась преимущественно на столичном материале и подавалась при описании сословных характеристик. Лишь в последнее десятилетие её стали разрабатывать на региональных материалах и в контексте политизации [1]. В.М. Ершов увидел связь маскарада и общественного протеста накануне революции. Е.Ю. Казакова-Апкаримова, рассматривая дореволюционную повседневность уральских горожан, обращается и к этой теме [2].

Теоретическое осмысление маскарада/карнавала/праздника давно идёт в философии, филологии, культурологи. В целом праздники можно интерпретировать через коллективное начало, а можно и через субъектное, личностное. Субъектность личности была осознана М.М. Бахтиным «не как нечто, нуждающееся в оправдании и десубъективации, а как самостоятельная ценность события бытия» [3, с. 21]. Благодаря его теории понятие «карнавальной культуры» прочно вошло в категориальный аппарат истории и культурологии.

Итак, праздники – традиционная тема истории, социальной и культурной антропологии, философии. В них праздник рассматривается как символическое выражение коллективной солидарности, единения с той или иной общностью (сообществом) [4, с. 232-233]. В ритуально-символическом оснащении праздников, соответствующих типах (мерах) временной организации праздничного взаимодействия можно вслед за исследователями архаических ритуалов видеть формы символического «возрождения времени», т.е. возрождения сообщества [5, с. 65-66].

В провинции маскарады стали отражением стремления копировать все столичное и появились уже со второй половины XVIII в. Как свидетельствует В.П. Шахеров, в Иркутске 1 января 1787 г. при торжественном открытии Иркутской городской думы для купечества был дан «великолепный обед..., а к вечеру был бал с маскарадом и пушечной пальбой» [6, с. 47]. Социально-политическая тематика костюмов стала проявляться на них только в начале XX в. Однако уже с конца XIX в. можно увидеть использование анонимности маскарадов в политических целях. Сибирь с не уgomонившимися политическими ссыльными в этом отношении давала больше проблем властям. Устранить их совсем из общественной жизни было невозможно, и приходилось идти на компромиссы. Так, после многочисленных жалоб в 1870 г. на посещение общественного собрания политическими ссыльными, тобольский губернатор, «не допускающий в Тобольское благородное собрание политических ссыльных, лишенных прав, не лишает прав дозволить вход, но не как членам, а как гостям».² И многие из них стали использовать праздники для налаживания связей в местном обществе, выражения своей позиции и антипатий. Так, в 1888 г. на маскараде в Барнаульском собрании одна маска подошла к известному всем взяточнику – чиновнику по крестьянским делам Василию Покровскому и «стала говорить где, когда и сколько он взял, почему Покровский не посещает более маскарадов».³

Накануне революции в провинции фантазии на политические темы раскрывались даже сильнее, чем в столицах. Вообще революция 1917 года в России является частью многосоставного, в том числе и социокультурного процесса, её нельзя рассматривать в отрыве от складывающихся художественных практик. В данной статье делается попытка на примере небольших провинциальных городов рассмотреть воспроизведение меняющегося нового времени (культуру начавшегося формироваться индустриального общества) в таких традиционных культурных формах, как костюмированные маскарады.

Во взятых для анализа городах Пермской, Томской и Тобольской губерний находились на поселении политические ссыльные. Так, в уездном городе Бийске (Томская губерния) в

² Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (ТФ ГАТюО). Ф. 159. Оп. 1. Д. 188. Л. 2об.

³ Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 411. Оп. 1 Д. 7. Л. 9.

предреволюционный период проживали политические ссыльные эсеры и социал-демократы, «разлагая» местное образованное и полуобразованное общество (А.Ф. Басов, А.А. Черных, В.Т. Фокин и др.). Маскарады в них стали своеобразным маркером времени, так ярко отразившие начавшиеся перемены.

С одной стороны, жизнь в провинциальном городе текла своим чередом, а с другой, в ней появились и новые элементы и явления, как например, военнопленные, которых размещали в публичных местах, здания кинотеатра и Общественного собрания, кинематографические показы, более свободный доступ на общественные праздники.⁴ Так, в Омском коммерческом клубе общество ежегодно устраивало около 70 маскарадов и танцевальных вечеров, более 50 детских утренников, 22-25 спектаклей и литературно-музыкальных вечеров.⁵

Из всей череды развлекательных мероприятий предреволюционного Бийска остановимся на двух. Они наиболее ярко и эмоционально передают предгрозовую атмосферу. На встрече нового 1916 г. в Бийске 3 января в помещении местного пожарного депо был устроен маскарад с традиционной выдачей призов. На нем присутствовал помощник прокурора Барнаульского окружного суда по Бийскому участку Васильев. Увиденное на маскараде до глубины души возмутило высокого чиновника. Его жалоба начальству, сохранившаяся в архиве Алтайского края, и донесла до нас события праздника [7, с. 113-114; 8, с. 40-41].

Карнавальные костюмы на этом маскараде ярко отразили общественные настроения времени. Один из обладателей необычной для местной публики маски нес в руках русский национальный флаг с надписями на каждой полосе «свобода, равенство, братство». Появление лозунга Французской революции помощник прокурора посчитал совершенно недопустимым в публичном месте и «могущим вызвать нежелательные последствия».⁶ Тогда Васильев нашел на маскараде дежурного полицейского надзирателя Жилинского и высказал свои замечания, поручив срочно сообщить об инциденте местному исправнику.

В гневном рапорте начальству от бийского полицмейстера говорилось, что появление маски с революционными лозунгами является государственным преступлением и необходимо срочно начать судебное расследование. Однако времена уже изменились. Всего два года назад за подобную шутку из Якутска был выслан в административном порядке находящийся там в политической ссылке Сапожников. Он появился на новогоднем маскараде в клубе приказчиков в маске Бейлиса.⁷ Тогда это имя было нарицательным. Нашумевший процесс 1913 г. по сфабрикованному делу Бейлиса, обвиненного в убийстве русского мальчика, всколыхнул по всей стране волну антисемитизма и еврейские погромы. Прогрессивная общественность единодушно осудила процесс, в том числе и в таких художественных формах.

На бийском же маскараде именно «революционная» маска с лозунгами французской революции и получила главный приз вечера. Впоследствии выяснилось, что под ней скрывался присяжный поверенный П.А. Голубев, выпускник физико-математического факультета Казанского университета, в начале 1880-х оказавшийся на Алтае как политический ссыльный-народник.

Такие маски были популярны в России ещё со времен первой русской революции. Из центра эта мода быстро дошла до окраин. О подобном инциденте упоминает и В.М. Ершов, описывая тобольский маскарад в преддверии 1908 г. Тогда в общественном собрании вызвали всеобщее одобрение не только маска с лозунгами Французской революции, но и костюм «А.И. Гучков, охаживающий и ухаживающий за Конституцией» (первое место), «Освобожденная Россия», «Арестант», «Солдат в кандалах» и «Фея свободной страны» [1, с. 32].

Е.Ю. Казакова-Апкаримова, описывая маскарад в Уфимском общественном собрании 29 декабря 1906 г., указывает, что «многие участники предпочли костюмы на политические темы, изображая, например, «Черную сотню», «Свободу печати». Первые призы получили авторы мужских костюмов «Союз русского народа» (человек изображал кого-то вроде мясника) и «Свобода печати» (участник маскарада предстал в кандалах и с замком на устах)» [2].

⁴ Алтай. 1913. 12 декабря; Алтай. 1914. 22 февраля и др.

⁵ Отчет Омского коммерческого клуба за 1909 и 1910 гг. Омск, 1910. С.6.

⁶ Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 171. Оп. 1. Д.8. Л.4.

⁷ Алтай. 1914. 22 февраля.

С одной стороны, мы видим игру в либерализм, моду на эпатажную, показную революционность, которая была не опасной или менее опасной, чем настоящая, а, с другой, - создание некоего параллельного фантастического мира со своими героями - «масками», представлявшими все сословия и политические силы российского общества. Для многих политизированных «масок» создавалась иллюзия активного политического действия.

На провинциальных маскарадах вызывали особенный эпатаж маски, разыгрывавшие определенные сцены. Так, в Соликамске на праздновании Нового 1907 года появилось семь замаскированных лиц, изображавших купца, земского начальника, священника, инвалида, солдата и крестьянина. Главным действующим лицом этого действия был крестьянин, который пришел на праздник с деревянной лошадей, запряженной в соху. Его рассуждения о тяжелой доле и что всем его товарищам «надо дать» не понравились местному исправнику.

Такие маскарадные группы с целым набором реплик («Один с сошкой, семеро с ложкой», «Крестный ход», «Новая железнодорожная Панама» и другие) нередко брали первые призы в провинциальных клубах приказчиков после Первой русской революции. Реалистические картины с гротескными отрицательными персонажами высмеивали казнокрадство, притеснения крестьян, высокие налоги, алчность попов, цинизм земских начальников, эгоизм купцов, бездействие избранных в Государственную думу депутатов от региона.

В обществе, где не было политики, на новогодних карнавалах мы видим политический мир, определяемый, не только как мир аллегорий, но и создающий новую театральность с реалистическими смыслами (Цимбал С.А.) [9]. Заострение новых смыслов нарушало все допустимые запреты. Пользуясь атмосферой праздника и анонимности, игроки и участники совершали действия, недопустимые для них в обыденной жизни [10, с. 64].

Также и карнавал в средние века мыслился его участниками как произвольная инсценировка греха, запретного. Обретя новый смысл, маскарадный праздник начала XX в. противопоставлял себя не только официальной культуре и традиционным нормам, но и нес в себе вызов Церкви и государству.

В предреволюционный период власти приходилось охранять не только расшатывающиеся политические устои, но и нравственные. На спектаклях, вечерах, маскарадах обязательно должен был присутствовать пристав. Если его по каким-то причинам не было в городе, уездный исправник не давал разрешения на проведение мероприятий.

Показательный городской маскарад прошел в канун 1916 г. в Бийске и в помещении городского общественного собрания. Здесь вообще очень часто устраивались подобные мероприятия. Особенно любила местная публика маскарады с призами за лучшее исполнение национальных танцев. Обычно было два главных приза – мужской и женский. Долго обсуждался в бийском обществе маскарад по поводу встречи 1914 г., когда призы присуждались за лучшее исполнение лезгинки.

Публика в общественном собрании собиралась более пристойная. Но и там не обошлось без эксцессов в начале января 1916 г. Дежурить на нём снова выпало Жилинскому. На этот маскарад явилась маска, одетая в форму гимназистки. На одной руке у которой была надпись «XX век», а на другой «вечерние прогулки» и в руках – люлька с ребенком. Фантазия бийской барышни была превратно понята присутствовавшим мировым судьей Бийского уезда В.Д. Гидзинским. По его просьбе она была удалена с маскарада [7, с. 113-114].

Вообще Манифест 17 октября 1905 г. даровал гражданам свободу собраний, но конкретного правового регулирования таких нарушений не было. Усердие полицейских на местах не подкреплялось законом, хотя они трактовали подобные выходки на маскарадах как антиправительственные акции. Полиция часто гонялась за вызывающими «масками» по всем залам провинциальных клубов. Обычно местами проведения маскарадов были клубы приказчиков или помещения Общественного собрания. Собравшаяся публика включалась в суматоху с погоней, как могла, препятствовала аресту, тем самым погружаясь в стихию хаоса. Публика, как и на средневековом карнавале, была поглощена стремительным действием [11, с. 7].

М.Ф. Ершов на материалах Пермской и Тобольской губерний также показывает общественный протест на маскарадах начала XX века. В Шадринске в начале века на маскараде в клубе

приказчиков появилась совершенно голая девушка, скрывавшая лицо за маской. Её замысел появиться в костюме Евы несет в себе традиционные элементы позднесредневекового карнавала [1, с. 33]. Его комический мир М.Ю. Реутин определяет как мир аллегорий – знаков, сквозь конкретные значения которых просвечивает другое, глобальное содержание [12, с. 27]. Карнавальная аллегоризм начала XX в. не сводится лишь к переосмыслению ранее сложившихся символов, а порождает новые смыслы. В рамках этого подхода можно трактовать обнаженность, с одной стороны, как боль и очищение, а с другой, как знак выпадения из иерархии общества. Взламывая табу, девушка, таким образом, выражала свой протест. Аберрацию смысла несли в себе и кровавые пятна и целые ручьи крови на костюмах, ставших модными перед революцией, которые следует понимать как антитезу белой крестильной одежде, символику смерти.

Если в эпоху средневековья карнавал нес в себе, по меткому замечанию Бахтина веселую относительность, то в рассматриваемый период распада мы видим суровые метки времени: острая негативная реакция на конкретные события и действия властей, что только подтверждает социокультурную эволюцию маскарада [13, с. 49]. Оппозиционные функции масок представляют яркий пример трансформации культуры из одного типа в другой.

Маскарад – один из немногих общих компонентов – был присущ как культуре высшего общества, так и народной культуре, хотя и зарождался в Европе в карнавальная культура низов. Российская традиция маскарада более поздняя, но к ней можно добавить и долгий опыт святочных игр и переодеваний, берущие истоки еще в язычестве. В скрытом и глубинном смысле маска всегда несла в себе ритуальные практики. Несмотря на то, что культура начала XX в. стала отражать тенденции формирующегося индустриального (рационального) общества, в ней сохранялись и традиционные формы и элементы маскарадного отношения к миру. На первый план в многофункциональной маске вышла оппозиционность, отразив социальные запросы общества и складывающуюся предреволюционную ситуацию, формы протеста против действительности.

Революционная лихорадка добралась и до тихих уездных городков. Все попытки лечить, а тем более предотвратить её были уже бесполезными судорогами умирающего режима. Смелые маски на маскарадах, как универсальный знак культуры, точно отразили симптомы времени, став одной из форм политической агитации. В том числе они составили определенные художественные практики со своими действующими лицами и зрителями, став историческим перформансом, отразившем атмосферу эпохи.

Литература

1. Ершов В.М. Общественный протест на маскараде в начале XX в. // Вестник Вятского государственного университета. Сер. Исторические науки и археология. 2017. № 12. С.30-33.
Ershov V.M. Public protest at the masquerade in the early 20th. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki i arheologiya. 2017. No 12. P. 30-33.
2. Казакова-Апкаримова Е.Ю. Горожане и общественные организации на Урале во второй половине XIX – начале XX вв.: граждане или «стрижки»? // Уральский исторический вестник. 2013. № 1 (38). Урал в российской истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://docplayer.ru/127774833-E-yu-kazakova-apkarimova.html> (дата обращения 27.07.2019).
Kazakova-Apkarimova E.Y. Citizens and public organizations in the Urals in the second half of the 19th and early 20th centuries: citizens or "strutsky"? Ural'skiy istoricheskij vestnik. 2013. No 1 (38). Ural v rossijskoj istorii.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. M., 1986. 445 p.
4. Дубин Б.В. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. М.: Новое издательство, 2004. 352 с.
Dubin B.V. Intelligent Groups and Symbolic Forms: Essays of the Sociology of Contemporary Culture. M., 2004. 352 p.
5. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во МГУ, 1994. 144 с.
Eliade M. Sacred and Secular. M., 1994. 144 p.
6. Шахеров В. П. Социокультурные процессы в городской среде Байкальской Сибири XVIII – первой половины XIX в.: монография / В. П. Шахеров. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 256 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://hist.isu.ru/ru/science/docs/shaherov_monogr.pdf (дата обращения 27.07.2019).

Scheherrov V.P. Sociocultural processes in the urban environment of Baikal Siberia XVIII - the first half of the nineteenth century. Irkutsk, 2013. 256 p.

7. Дегальцева Е.А. Образ жизни сибиряков во второй половине XIX- начале XX вв. Барнаул, 2005. 188 с.

Degaltseva E.A. Siberian lifestyle in the second half of the 19th and early 20th centuries. Barnaul, 2005. 188 p.

8. Дегальцева Е.А. Предпосылки и революционный процесс в Бийске // Революция и современное массовое сознание. Революция и провинция: материалы круглых столов, посвященных 100-летию российской революции проходивших в БТИ 20 марта и 7 ноября 2017 г./ под ред. Е.А. Дегальцевой; Алт. гос. техн. ун-т, БТИ. – Бийск: Изд-во Алт. гос. техн. ун-та, 2017. 69 с. http://www2.bigpi.biysk.ru/nir2016/file/kipisgd_20_01_2018_05_35_48.pdf.

Degaltseva E.A. Prerequisites and the revolutionary process in Biysk / Revolution and modern mass consciousness. Revolution and province: roundtable materials dedicated to the 100th anniversary of the Russian Revolution held at BTI on March 20 and November 7, 2017. Biysk, 2017. 69 p.

9. Цимбал С.Л. Разные театральные времена. Л.: Искусство, 1969. 414 с.

Cimbal S.L. Different theatrical times. L, 1969. 414 p.

10. Толшин А.В. Значения и свойства маски в карнавале и маскарade // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. Сер. Культурология, искусствоведение. 2007. № 8. С.62-69.

Tolshin AV Values and Properties of Masks in Carnival and Masquerade. Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. Ser. Kul'turologiya, iskusstvovedenie. 2007. No 8. P. 62-69.

11. Бондаренко Г.В. Введение: время праздника // Одиссей: Человек в истории / гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2005. С. 8–23.

Bondarenko G.V. Introduction: Holiday Time / Odyssey: The Man in History. M., 2005. P. 8–23.

12. Реутин М.Ю. Несколько соображений по поводу карнавального «хронотопа» // Одиссей: Человек в истории / гл. ред. А.Я. Гуревич. М.: Наука, 2005. С. 23–38.

Reutin M.Y. Several considerations about the carnival "chronotop" / Odysseus: The Man in History. M., 2005. P. 23–38.

13. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. 543 с.

Bakhtin M.M. Creativity of Francois Rabelais and folk culture of the Middle Ages and Renaissance. M., 1990. 543 p.

УДК: 323.15

Долгих У.О.

Санкт-Петербургский Государственный Университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Коренные народы Сибири и политика государственного управления: опыт эвенков

Аннотация. Эта статья исследует историю появления и развития эвенков в Сибири и дает критическое резюме того, как политика государственного управления повлияли на культурную самобытность и изменили понимание территориальной ценности. На основе анализа опыта эвенков сделан вывод о том, что глубокое понимание окружающей среды и системы жизнеобеспечения коренных народов мира - это неотъемлемые компоненты проведения политики государственного управления.

Ключевые слова: государственное управление, социально-экономическая политика, политика сохранения, национальные меньшинства, коренные народы, эвенки.

Введение. Эвенки являются наиболее широко рассредоточенными коренными народами в Сибири; их сообщества разбросаны, они в настоящее время населяют широкий регион от большей части Центральной Сибири через Монголию и Маньчжурию. Большинство эвенков живут в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке России. Согласно переписи 1989 года, население эвенков в Российской Федерации составляло 29,901[5]. Они имеют автономную национальную территорию, где 3200 эвенков проживают на данный момент. Территория расположена в лесной

таежной зоне, с тундровой растительностью на севере; многие природные ресурсы, такие как уголь и древесина вокруг района, остаются неиспользованными. Эвенки хорошо известны оленеводством, охотой и рыболовством. Эвенки стали официальным обозначением народа в 1931 году, с тех пор некоторые другие соседние группы народов, такие как ламуты и эвены, которые изначально близки к эвенкам, официально считаются разными этническими людьми. Очень важной этнической особенностью с позиции государственного управления эвенков является их отношение к собственности. Хотя каждый клан может иметь определенные области для их охоты и выпаса оленей, более одного, как правило, используют районы совместно районы без конфликта. В целом строго понятия «граница» не существует для эвенков; у них нет концепции для право собственности на землю [3]. В эвенском языке даже нет слова «собственность». Следовательно, понятие и отношения собственности, эвенки не рассматривают как правовые и экономические отношения. Однако, как будет показано далее в анализе, самобытная культура и особенности почти никогда не учитывались центральными властями при реализации государственной политики.

Эвенки и государственная политика. В 17 веке, когда русские впервые столкнулись с сибирским народом, было более 200 коренных племен, говорящих на 130 разных языках и диалектах. Больше половины из туземцев, однако, исчезли в результате контактов между коренными народами и вновь прибывшими, которые повлекли за собой эпидемии, такие как оспа, грипп и сифилис. Администрация Сибири Российской Империей началась в 1637 году, а позднее в 1763 году российская власть начала рассматривать Сибирь как целостную часть России. При этом после завоевания Сибири, образ жизни эвенков мало изменился, поскольку никто не пытался его подавить или переделать. В границах одного русского государства функционировали две системы - собственно российское государство и традиционное общество коренных народов. Эвенки являлись подданными царя, но весь их быт, право, и все другие отношения регулировались исключительно родовой общиной.

В 1822 году был принят Устав об управлении инородцев, в соответствии с которым эвенки, как и другие сибирские народы, будучи подданными государства, не подчинялись напрямую государственному законодательству и сохраняли свое автономное управление. Положение Российской империи об инородцах 1892 года гарантировало неприкосновенность территорий традиционных промыслов малых народов [1]. В 1905 году было дано царское распоряжение об установлении начального обучения для каждого, проживающего в Восточной России исключительно на родном языке.

При переходе к советской власти в первые годы сохранялась политика Российской империи в отношении коренных народов. Так, обращение ВЦИК от 16 августа 1919 «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» создало гарантии для особого государственно-правового регулирования коренных народов Сибири. При этом по всей территории Сибири создавались отдельные акты государственно-правового регулирования. Так, президиум Енисейского губисполкома создал особую административную единицу – Туруханский край и утвердил специальное положение об управлении данной земли [Ibid]. Позднее, в 20-е годы, в местах проживания коренных народов была провозглашена особая модель самоуправления; основным руководящим органом были родовые советы, имеющие особый статус северных народов. Данная модель была закреплена на законодательном уровне с помощью положения «Об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР». Полномочия советов были достаточно обширны, они регулировали все области быта коренных народов. Аборигены, в число которых входили и эвенки, были освобождены в пределах своих районов от государственных налогов, а также налога на промысел. При этом если на территории существовали кооперативные организации, в которых минимум половина членов являлись представителями коренных народов, то подобные организации также освобождались от уплаты налогов. Из существующих полномочий у коренных народов также оставалось право на земли, предназначенные для осуществления хозяйственной деятельности. При этом был установлен особый правовой режим для проведения охоты, которая объявлялась беспрошленной, не имеющей ограничений по возрасту, и не требующей получения специальной лицензии. Советская власть классифицировала двадцать

шесть народов Дальнего Востока, которые использовали разные языки. Этот процесс категоризации подчеркивал численность населения, чтобы определить, кто является коренным, без учета всех других этнических контекстов. Поэтому некоторые народные группы с численно большим населением не считались коренными народами, даже не смотря на то, что они имели исторические и культурные корни. Здесь необходимо упомянуть, что «этническая группа» была синонимом «национальности» в советские времена. В то время заботы о том, как управлять многонациональными обществами в Советском Союзе был расценен как один из важных политических вопросов для советской власти. Ученые сосредотачивались на самоидентификации этнических единиц и прилагали усилия для классификации этнических общин или групп, которые рассматривались с конца 1940-х годов как национальности. При этом существовали постоянные споры о том, какие аспекты идентичности действительно связано с этнической принадлежностью. В целом этническую принадлежность рассматривали как «культурно самовоспроизводящийся набор поведенческих паттернов, связанных с коллективной самоидентификацией» [6]. Политика, поддерживающая этнические права независимо от возможных аргументов о том, было ли это действительно эффективно с точки зрения коренных народов, был позже кодифицирован как один из основных принципов марксизма-ленинизма при сталинском правлении. Лозунг «Этнический по форме, социалистический по содержанию» указывал на то, что национальность была включена в идеологию большевиков и Советского Союза [Ibid].

Подобная государственная политика автономности в отношении коренных народов начала менять в 30-е годы, когда полновластным руководителем государства стал И.В. Сталин. Постепенно государственная политика, направленная на развитие этнической автономии и управления стала замещаться национальным управлением государственного уровня. В 1930 году было озвучено предложение о создании национальных округов и районов для коренных народов. В документе говорилось: «Национальный округ, объединяющий в своём составе туземные райисполкомы родственных или находящихся в одинаковых бытовых и экономических условиях малых народностей Севера, создаёт благоприятные условия для реализации политического, культурного и экономического роста этих народностей... На территории проектируемых национальных округов Комитет Севера считает, что райисполкомы обычного типа подлежат упразднению и должны быть заменены туземными райисполкомами» [Ibid]. Данные национальные округа были предназначены для защиты и поддержания средств к существованию традиционных культур. Фактически, родные языки коренных народов, проживающих в автономных округах, выжили намного лучше. При этом национальные округа обладали очень слабой юридической властью; армия, транспорт и все другие основные социальные инфраструктуры были полностью подчинены центральной советской власти. Позднее, политика в отношении коренных народов резко изменилась. Начался процесс русификации, которая осуществлялась путем принятия русской культуры и особенно языка национальными округами и республиками. Эта ситуация сделала возможным уничтожение идентичностей различных национальных групп. Так, например, государственная политика была направлена на искоренение родного языка эвенков. Дети с пятого по десятый класс не изучали родной язык, все их обучение осуществлялось на русском языке. В некоторых школах эвенский язык можно было изучать факультативом, но таких школ было меньшинство. Кроме того, территориальная политика также способствовала уничтожению уникальной национальной идентичности. Почти все национальные округа эвенков были расформированы во второй половине 30-х годов. Из созданных ранее национальных округов на территории Восточно-Сибирского края, Якутии, Дальнего Востока сохранился только один на территории Красноярского края. В целом, национальные права эвенки, как и другие коренные народы, сохраняли до 1937 года, после которого из государственного оборота была изъято понятие «этническое самоуправление». Не смотря на конституционное закрепление прав, на деле новая государственная политика управления сделала коренные народы бесправными. Кроме того, политика советской власти, подчеркивая как государственность для Советского Союза, так и националистическую идентичность для каждого, создала острое противостояние между единообразием и разнообразием. Не смотря на то, что большевики пытались отменить все традиционные аспекты жизни коренных народов, такие как шаманизм и клановая система,

коренное население в Сибири продолжало их практиковать. Постепенно, в 1970-е годы национальные округа были заменены на автономные округа. При этом созданная автономия носила номинальный характер, поскольку должна была соответствовать законам центрального правительства. С появлением политики перестройки, гласности и демократизации в конце 1980-х годов коренных жителей Сибири получили впервые право озвучить свое недовольство публично. В результате, начали возникать национальные движения, нацеленные на защиту прав коренных народов. Увеличение образованной местной коренной элиты и их этническая осведомленность начали ставить социализм позади этнической принадлежности. Как следствие, рост национальной напряженности в Советском Союзе повлиял на политические повестки дня советских правителей. Одной из важнейших задач для политиков стала разработка политики, отражающей баланс прав, как коренных, так и некоренных народов. Так в 1989 году была основана «Ассоциация народов Севера», которая выступала как консультативный орган для администрации Горбачева по продвижению прав коренных народов в северной Сибири.

В начале 1990-х многие местные коренные народы, большинство из которых уже имели свои автономные районы, объявили суверенитет. Тем не менее, поскольку они не имели права на государственную землю, многие активисты из числа коренных народов начали просить политических прав на свою землю, чтобы предотвратить любые потенциальные проекты, которые могли бы в будущем навредить народам. Эвенки в тот момент фактически попросили право принимать решения по любым проектам социально-экономического и культурного развития, происходящего на их исконных землях. После распада Советского Союза большая часть бывших совхозов, располагавшихся в Эвенкийском национальном округе, была покинута. В результате чего у эвенков появилась возможность забрать обратно свои земли и вернуться к традиционным способам существования. Однако процесс возвращения оказался осложнен; оленеводство оказалось полностью изъято государством (и до сих пор находится в собственности нескольких собственников) [2]. Российское правительство создало право требовать владения территорией для традиционного землепользования людям, которые объединиться в сообщество и хотят поддерживать свой традиционный образ жизни. Однако это привело к ситуации появления нескольких владельцев, в ответ на которую российские власти рекомендовали местным коренным народам создать объединение общин на основе их традиционной клановой системы для совместного владения землей. Однако на практике этот план не работает, потому что некоторые местные эвенки, особенно те, кто не поддерживали возвращение к традиционному быту, не принимают новые правила общины. И это еще сложнее для некоторых, которые имеют эвенко-русское происхождение, и поэтому имеют возможность объявить себя эвенками или русскими; большинство из них также не хотят возвращаться к традиционному укладу жизни. Помимо земельного вопроса на сегодняшний день сложности возникают в политике регулирования традиционной клановой общины коренных народов. Среди политиков существует убеждение, что клановые общины могут свободно управляться коренными народами без какой-либо государственной помощи и оставаться под свободным управлением без какого-либо прямого участия со стороны федерального правительства. Большинство современных клановых сообществ отражают традиционный образ жизни коренных народов, а некоторые также функционируют как «экономические структуры». При этом и те и другие испытывают трудности поскольку, во-первых, клановые сообщества все еще сильно зависят от административной структуры, а во-вторых, сообществам нужно больше времени, чтобы ознакомиться с системой самоуправления, чтобы внедриться в рыночную конкуренцию, которая полностью отличается от их традиционного эгалитаризма [4]. Еще одной проблемой, влияющей на современную идентичность эвенков, является вывоз детей из их семей в школы-интернаты. Дети могут быть с родителями только в течение двух каникул до окончания школы в весеннем семестре. В результате, дети являются незнакомыми с их традиционной идентичностью и стремятся искать средства к существованию за пределами своей национальности.

Заключение. Коренные жители Сибири занимают около 60 процентов современной российской территории, хотя их население составляет менее одного процента от всего населения Российской Федерации. Как и другие коренные народы всего мира, коренные жители Сибири перенесли века

лишений и пережили потерю не только земли, но и своей культурной самобытности. По последним данным, хотя эвенки и стремятся сохранить и практиковать свою старую систему, основанную на традиционной клановой организации, давление федерального правительства по-прежнему велико. В настоящее время трудности постсоветского экономического перехода продолжают преследовать коренного населения Сибири. Одними из самых серьезных проблем остаются разрушение традиционной культуры и сокращение коренного населения. После распада Советского Союза эти проблемы были публично признаны государственной властью, однако, не смотря на публичное признание, проблемы не были до конца решены. Более того, появились новые трудности, связанные с приватизацией земли. На сегодняшний день, количество национальных и международных компаний, претендующих на добычу полезных ископаемых, возрастает, а вместе с тем возрастает давление на права коренных народов осуществлять экономическую эксплуатацию своих родных земель. Сегодня наблюдается значительное сокращение объемов деятельности оленеводства, что является экономической угрозой для коренного народа. В результате, эвенки находятся в уязвимом экономическом и культурном положении. При дальнейшем проведении государственной политики в данном регионе очень важно помнить о негативном опыте советского административного управления, при котором не учитывалась значимость и права коренных народов. Государству необходимо выстроить стратегию сбалансированной политической и социальной выгоды между большинством и коренным населением, чтобы предотвратить любую насильственную борьбу, которая может произойти между коренными жителями и большинством населения Сибири. Очевидно, что уникальные знания о традиционном образе жизни заслуживают сохранения и передачи следующим поколениям.

Литература

1. Об особом статусе Эвенкии. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.evenkya.ru/bezopasnost-territorii/fire-activity/status.html> (дата обращения: 22.07.2020).
2. Поворознюк О.А. Забайкальские эвенки: социально-экономические и культурные трансформации в XX–XXI веках / О.А. Поворознюк. – М.: ИЭА РАН, 2011. – 350.
3. Сирина А.А. От совхоза к родовой общине: социальноэкономические трансформации у народов Севера в конце XX века / А.А. Сирина. - М.: ИЭА РАН, 2010. – 185 с.
4. Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире / А.А. Сирина. – М.: Восточная литература, 2012. – 604 с.
5. Соколовский С.В. Понятие "коренной народ" в российской науке, политике и законодательстве / С.В. Соколовский // Этнографическое обозрение, 1998. С. 74-89.
6. Shanin T. Soviet Theories of Ethnicity: The Case of a Missing Term. [Электронный ресурс]. – URL: <https://newleftreview.org/issues/I158/articles/teodor-shanin-soviet-theories-of-ethnicity-the-case-of-a-missing-term> (дата обращения: 20.07.2020).

УДК: 911.37

Еремеев Е.А., Беликова Р.М.

АГГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Оценка экономико-географического положения города Бийска в постиндустриальную эпоху

Аннотация. Кардинальная перестройка мирового экономического уклада, начавшаяся около 50 лет назад, оказала серьёзное влияние на экономическое развитие ряда регионов планеты. Превалирующий на протяжении двух веков промышленный уклад начал испытывать на себе процессы деиндустриализации — наметился переход к экономике постиндустриального типа. Исторически купеческий (торговый) город Бийск испытал на себе массивную

индустриализацию в советскую эпоху, а затем столкнулся с деиндустриализацией в 90-х гг. XX в. Несмотря на значительное сокращение промышленного потенциала и целый ряд негативных аспектов экономико-географического положения Бийск может воспользоваться возможностями, предоставляемыми постиндустриальной эпохой и усилить свою экономическую роль.

Ключевые слова: экономико-географическое положение, Бийск, постиндустриальное общество, географический детерминизм, цифровые технологии.

Замещение индустриального экономического уклада на постиндустриальный стало происходить приблизительно с 60-х годов XX века и было связано с происходящей в то время научно-технической революцией (НТР), зарождением и развитием компьютерных технологий и всё более возрастающей ролью информации в экономике. Первоначально основные черты и свойства постиндустриального общества на себе испытали наиболее развитые в социально-экономическом отношении страны Запада (имеется в виду экономический Запад — т.е. так называемый «золотой миллиард»). Происходящая в настоящее время революция в области цифровых технологий позволяет расширить распространение постиндустриального уклада на большие территории.

Одним из ключевых понятий в экономической и социальной географии является экономико-географическое положение (ЭГП) — положение в экономическом пространстве. Это совокупность пространственных отношений предприятий, населённых пунктов, ареалов, районов, отдельных стран и их групп к внешним объектам (имеющим природное или антропогенное происхождение), имеющим для них экономическое значение [1, 2].

Традиционно, анализ ЭГП производится по нескольким компонентам и очень долгое время наличие в непосредственной близости целого ряда объектов имело критическое значение, предопределяющее специализацию и степень развития населённого пункта или страны. Изменения, произошедшие при научно-технической и информационной революциях, позволили отчасти побороть этот географический детерминизм, поскольку развитие сети Интернет и глобальных коммуникационных технологий в некоторой степени нивелировали разницу в экономико-географическом положении.

Для начала необходимо провести классическую оценку ЭГП г. Бийска, что бы выявить и оценить изменения, которые произошли в связи с наметившимся сломом прежних устоев.

Город Бийск расположен на юге Западной Сибири, в восточной части Алтайского края, в 220 км от границы с Казахстаном, 410 км от границы с Монголией и в 425 км от границы с Китайской Народной Республикой. Среди других крупных населённых пунктов Российской Федерации расстояние от города Бийска до Барнаула и расположенного рядом крупнейшего на территории Алтайского края транспортного узла — города Новоалтайска составляет 120 км, до Новосибирска 300 км, до Томска 435 км, до Новокузнецка 180 км, до Кемерово 300 км, до Омска 820 км, а до Москвы 3050 км.

На первый взгляд этот населённый пункт может быть крупным транспортным узлом. По существу же город Бийск является своеобразным тупиком (в историческое время через район города Бийска проходило северное ответвление Великого шёлкового пути (Вихоревская переправа)).

Экономико-географическое положение города Бийска:

1) Удалённость от морей. Город Бийск расположен на значительном удалении от путей морского транспортного сообщения. Ближайшее море — Карское — расположенное более чем в 2 000 км, относится к бассейну Северного Ледовитого океана, экономический и ресурсный потенциал которого ограничен суровыми климатическими условиями (чрезмерно продолжительная зима) и отсутствием крупных экономических, культурных и научных центров. Фактически город Бийск расположен в центральной части крупнейшего по площади материка на Земле — Евразии. Данное обстоятельство оказывает сильное негативное влияние на уровень социально-экономического развития города, так как отсутствие морских портов приводит к резкому снижению роли населённого пункта (как мы знаем, свыше половины населения Земли

проживает в зоне опосредованно связанной с берегом (ширина этой зоны составляет около 200 км) и там же производится свыше 50% от мирового ВВП) [3].

2) Транспортно-географический аспект. В городе Бийске имеется железнодорожный вокзал (тупиковая станция — данная ж/д ветка здесь заканчивается), автовокзал (играет достаточно важную роль в сообщении со многими населёнными пунктами). Через город проходит федеральная трасса Р256 «Чуйский тракт», а также ряд региональных автодорог (Солтонский тракт, Старый Чуйский тракт и т.д.). Ранее существовал аэропорт, который в настоящее время закрыт и планов по его реставрации нет.

В городе имеется также речной порт, который осуществляет преимущественно перевозку различных грузов. После сооружения плотины Новосибирской ГЭС потенциал речного транспорта несколько сократился.

3) Промышленно-географический аспект. Промышленный потенциал города Бийска за время прошедшее с момента коллапса Советского Союза значительно сократился — исчезло множество предприятий (самый яркий пример — «Полиэкс» (бывший химкомбинат) и его дочерние производства). Сейчас в городе функционирует 225 промышленных предприятий, из которых 43 являются крупными и средними (ТЭЦ, ОАО БПО «Сибприбормаш», АО федеральный научно-производственный центр «Алтай», Бийский олеумный завод, ЗАО ПО «Спецавтоматика», ЗАО «Источник плюс», ЗАО «Алтайвитамины», ЗАО «Эвалар» и т.д.). В советский период большая часть промышленных мощностей имела ярко выраженную ориентацию на удовлетворение потребностей и нужд военно-промышленного комплекса. В настоящее время часть предприятий сохранили свой статус и продолжают функционировать. Стала заметной высокая роль предприятий пищевой промышленности [4].

Для промышленного производства крайне важно найти большие рынки сбыта, где их продукция будет востребована. Значительная часть товаров, производящихся в Бийске, ориентирована на экспорт.

Ресурсная база промышленности ограничена — имеются промышленные месторождения песчано-гравийно-галечниковой смеси, строительных песков, кирпичных суглинков и глин, строительного камня и несколько мелких месторождений известняка, мергеля, кварцитов.

Структура промышленности города включает в себя следующие отрасли: пищевая (мясо, колбасные изделия, растительное масло, рыбная продукция, мука, крупы, макароны, кондитерские изделия), фармацевтическая (лекарственные препараты и биологически активные добавки), химическая (нанотехнологии, теплоизоляционные материалы, композиты, резиновые и пластмассовые изделия), строительная (производство кирпича, железобетонных и стеклопластиковых изделий), деревообрабатывающая (включая мебельное производство и производство топливной древесины), полиграфия, энергетика, выпуск средств пожаротушения (порошковое и газовое).

4) Агро-географический аспект. Если рассматривать агроклиматические условия города Бийска и его окрестностей по сравнению с другими населёнными пунктами Западной Сибири, то станет очевидным, что лучшие условия наблюдаются только в Белокурихе. В окрестных полях, расположенных на территории Бийского района (главным образом на территории Бийско-Чумышской возвышенности) производятся посадки ржи, пшеницы, кукурузы, сои, гречихи и т.д.; осуществляется выпас скота. Для описываемого региона характерно достаточно развитое садоводство. Годовая сумма положительных температур, режим увлажнения и продолжительность вегетационного периода (который имеет тенденцию к увеличению своей продолжительности, обусловленную процессами глобального потепления) благоприятны для произрастания многих видов растений. Тем не менее, длительный зимний период, неустойчивость погоды делают этот район зоной рискованного земледелия. Смягчение климата, детерминированное процессами глобального потепления, оказывает положительное воздействие.

5) Рынок и сфера услуг. Когда говорят о постиндустриальном укладе в экономике, в первую очередь подразумевают преобладание в структуре экономики сферы услуг (её доля должна составлять не менее 75–80%). Сюда относятся транспортные услуги; здравоохранение; строительство; административные объекты; магазины; парикмахерские и салоны красоты;

сервисные центры; объекты культуры, образования и туризма; библиотеки, предприятия IT сферы и т.д.

На настоящее время в городе работают 927 магазинов (457 продовольственных), 2 рынка, 234 объекта сети общественного питания (5 ресторанов, 104 кафе и 56 закусочных), 18 гостиниц, драматический театр, планетарий, 2 кинотеатра, 5 музеев, 6 учреждений культурно-досугового типа, 13 библиотек, 2 музыкальные школы. Высоко число государственных (детские сады, школы и гимназии, колледжи, ВУЗы) и частных образовательных учреждений. Всё большее значение приобретает сфера малого бизнеса, расширяется сеть оптовой и розничной торговли [4, 5].

6) Демографический аспект. Здесь отчётливо виден долгосрочный устойчивый тренд по сокращению численности населения. На настоящее время численность населения городского округа города Бийска составляет 210 324 человека (200 629 для города Бийска) [6]. Наблюдается стабильный отток населения (трудовая эмиграция).

7) Рекреационно-географический аспект. Несмотря на наличие большого числа уникальных природных объектов, а также 273 памятников истории, культуры и архитектуры, Бийск выступает в качестве транзитного пункта в туристическом потоке, направленном в сторону города-курорта федерального значения Белокурихи и туристических объектов, расположенных на территории Горного Алтая. Изменить эту ситуацию способна переориентация локальных туристических фирм на внутригородской туризм (можно включать окрестности), разработка экскурсионных маршрутов, создание кемпингов и грамотная маркетинговая политика.

Таким образом, структура занятости населения выглядит следующим образом: 2,5% заняты в сельском и лесном хозяйстве, 32,1% — в промышленности и 65,4% — в сфере услуг [5]. Иными словами структура экономики города Бийска тяготеет к постиндустриальному укладу.

Проведённый анализ позволяет определить тип ЭГП г. Бийска как *периферийный*, но расположенный неподалёку от транспортных путей и относительно крупных экономических центров.

Можно выделить также **инновационно-географический аспект ЭГП** (определяется близостью положения анализируемого объекта к центрам создания и распространения новых технологий) [7]. Город Бийск уже на протяжении значительного времени имеет статус наукограда (преимущественно за счёт деятельности расположенного здесь Института проблем химико-энергетических технологий СО РАН и АО ФНПЦ «Алтай»). Предпринимаются попытки по созданию кластеров наукоёмких производств. Вышеупомянутые возможности, которые появились с развитием глобальной сети Интернет и широким распространением коммуникационных и информационных технологий позволяют создавать продукты интеллектуального труда, даже находясь на значительном удалении от других научных и деловых центров. Уровень цифровизации экономики города растёт вслед за аналогичными показателями страны — есть доступ к оптоволоконным кабелям широкой пропускной способности, к беспроводным сетям 4-го поколения. Широко распространяется онлайн банкинг и онлайн магазины. При этом в городе нет ни одной крупной IT компании, которая занималась бы производством программного обеспечения.

Постиндустриальная революция запустила новую парадигму общественно-экономического развития, сформировала новый уклад. Этот процесс сопряжён с деиндустриализацией, которую пережили все развитые страны Запада, перенеся своё производство в развивающиеся страны третьего мира, а сами сосредоточились на выпуске интеллектуальной продукции и создании патентных баз.

Постиндустриальная революция в сфере труда рисует рамки будущего развитых регионов. Доля промышленности сводится к минимуму, в то время как большая часть населения вовлечена в непроизводственную трудовую занятость. Этот процесс неизбежен и в связи с всё более масштабной автоматизацией рабочих мест и производств (всё чаще выпускаются списки профессий будущего и публикуются списки с профессиями, которые обречены на исчезновение).

Таким образом, город Бийск имеет периферийное экономико-географическое положение (не является крупным транспортным узлом, удалён от морских путей сообщения, расположен в неблагоприятной климатической зоне, испытывает на себе сокращение численности населения),

но, несмотря на это грамотное привлечение инвестиций (как внутренних, так и зарубежных) и переориентация экономики способны увеличить темпы экономического роста, что повлечёт за собой в свою очередь и прекращение оттока населения. Одновременно необходимо активизировать деятельность в области информационных технологий, производстве новых материалов, изобретении новых устройств и генерировании новых идей. Следует также сделать город Бийск как можно более привлекательным в туристическом отношении, чтобы он перестал играть роль перевалочного пункта у туристов. Важно не забывать о грамотно выстроенной рекламной и маркетинговой политике по продвижению новой продукции. Только переориентация на цифровую экономику и наукоёмкие технологии позволит сломить негативный тренд в социально-экономическом развитии города Бийска и сделает его привлекательным в качестве постоянного места жительства.

Литература

1. Баранский Н.Н. Экономико-географическое положение // Становление советской экономической географии. 1980. – С. 128–159.
2. Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины / Под ред. А.Ф. Трёшникова. М., 1988. – С. 341.
3. Максаковский В.П. Географическая картина мира: В 2 кн. Кн. I: Общая характеристика мира. М., Дрофа. 2003. – 496 с.
4. Официальный сайт муниципального образования город Бийск. Город в цифрах [Электронный ресурс] 2020. – Режим доступа <https://www.biysk22.ru/city/economies/number/>
5. Паспорт социально-экономического развития г. Бийска за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа https://www.biysk22.ru/city/economies/number/passp/?ELEMENT_ID=41004
6. Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2019 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа http://www.gks.ru/free_doc/doc_2019/bul_dr/mun_obr2019.rar
7. Zemtsov V., Baburin V. Does economic-geographical position affect innovation processes in Russian regions? // Geography, Environment, Sustainability. 2016. 9 (4). PP 14–32. [doi:10.24057/2071-9388-2016-9-4-14-32](https://doi.org/10.24057/2071-9388-2016-9-4-14-32)

УДК: 910.3

Еремеев Е.А., Коровина С.А., Сантагина Л.С.

АГГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Парки и скверы посёлка Нагорный (г. Бийск)

Аннотация. В Бийске находится достаточно большое количество парков и скверов, которые создают т.н. зелёную зону города. В нагорной части города расположено 3 парка: Иркутский сквер, сквер им. Г.Г. Карпушкина и парк им. Гагарина. Несмотря на свои относительно небольшие размеры, данные объекты играют довольно значительную роль в культурной жизни местных жителей, оказывая рекреационное и релаксирующее воздействие. Эти парки требуют совсем небольших восстановительных работ и в тоже время уникальны, благодаря присутствию в них элементов дикой флоры и фауны, что может быть основанием для их включения в список территорий проведения учебных практик по ботанике, зоологии и экологии.

Ключевые слова: паркостроение, Бийск, парки, скверы, озеленение.

Введение. Современная геоурбанистика предполагает наиболее комфортное и рациональное распределение городского пространства. В развитой части мира уже давно оформились тренды отхода от чрезмерной урбанизации и перехода к субурбанизации. В значительной мере это стало очевидным уже в первой половине XX века, когда появилось движение город-сад. Появление парков способно в значительной мере улучшить условия окружающей среды и, следовательно, качество жизни как для постоянно проживающих граждан, так и для посетителей города. Зачастую сами парки выступают в роли достопримечательностей.

Тем не менее, в Бийске, вероятно, несколько иные взгляды на обустройство парков, поскольку при их реконструкции нередко происходит безжалостная вырубка деревьев. Существует два типа парков — пейзажный (английский, иррегулярный, ландшафтный) и регулярный (французский, геометрический) [1, 2]. В пределах исследованной территории есть парки сразу двух типов, но предпочтение местные жители отдают, как и везде в нашем городе, французским паркам. Между тем именно английские парки способствуют большему уединению, умиротворению и единству с природой.

Паркостроение играет важную роль в озеленении городов. Здесь необходимо использовать методы ландшафтной архитектуры и биодизайна, т.е. проектировщик парка должен стремиться не преобразовать окружающее пространство кардинальным образом, а наоборот — при минимальном вмешательстве, как бы «вписать» парк в существующий ландшафт.

Материалы и методы. В ходе данного исследования мы использовали программу Google Earth Pro для определения координат изучаемых объектов, а также для определения положения их высоты над уровнем моря, линейных размеров и площади. Помимо этого, был проведён анализ доступных литературных источников, многочисленные экскурсии в парки, наблюдение, описание и фотографирование (как обычное, так и камерами 360° для того, чтобы сделать возможным использование файлов в технологиях виртуальной реальности). Также было выполнено определение видовой принадлежности обнаруженных нами растений и животных.

Результаты и обсуждение. Исследуемая территория располагается в северной части городского округа города Бийска, в посёлке Нагорном. Здесь расположено 3 парка — Иркутский сквер, Сквер им. Геннадия Карпушкина и Сквер им. Гагарина. Первый из них находится на территории города Бийска, а остальные два на территории посёлка Нагорного.

Иркутский сквер расположен в исторической части города Казанка, вблизи от загруженной федеральной трассы, которая проходит через весь город с севера на юг, у самого подножия V-й террасы реки Бии (северная часть парка занимает нижнюю часть склона террасы). Иркутский сквер (координаты: 52°32'53.08" с.ш.; 85°12'36.37" в.д.), известен также как *Зелёный парк* — представляет собой французский регулярный (геометрический парк), основанный в 1999 году. Общая площадь составляет около 1,15 га; перепад высот — 7 м (от 181 до 188 м над уровнем моря); линейные размеры: длина — 148 м, ширина — 102 м, диагональ — 187 м.

На месте парка раньше располагалось здание инфекционной больницы, после сноса которой, территория превратилась в густо заросшую пустошь. Сейчас вокруг парка расположены различные объекты (магазины, бары, шиномонтажная мастерская, автомойка и лесоторговая база).

В основе структуры парка лежат асфальтированные прогулочные дорожки — 2 концентрические окружности, которые пересекаются радиально расходящимися из центра 4 дорожками (в самом центре находится клумба). Есть также длинная аллея в восточной части парка. В одном из секторов вблизи от центральной зоны расположен большой мемориальный камень. Парк производит благоприятное впечатление благодаря своей безлюдности и уединённости, большим разнообразием деревьев и кустарников, а также комбинацией открытых и затенённых участков.

Флора парка представлена разнообразными кустарниками (сибирский вяз, снежноягодник белый (вид, завезённый из Северной Америки), шиповник) и деревьями (обыкновенный вяз, берёза бородавчатая, обыкновенный дуб, чёрный тополь, рябина, сибирская ель, сибирская липа). Есть небольшой участок, занятый ясенелистным клёном в северо-западной части парка. Травяной покров представлен одуванчиками, тысячелистником обыкновенным, осоками, злаками, конским щавелем, сурепкой, полевым вьюном, красным и белым клевером и десятками других видов. Специальное ботаническое исследование здесь никогда не проводилось.

Фаунистический состав практически ничем не отличается от других парков, расположенных на исследуемой территории. Обнаружены различные черви и моллюски. Высоко разнообразие членистоногих — паукообразные (включая иксодовых клещей), ракообразные (сухопутный рачок

мокрица), многоножки (геофилы, мухоловки и т.д.) и конечно насекомые: разнообразные жесткокрылые (бронзовки, майские жуки, жуки-носороги, слоники, коротконадкрылые жуки, карапузики, мертвоеды и т.д.), чешуекрылые (репейница, лимонница, капустница, боярышница и иногда непарный шелкопряд), стрекозы, полужесткокрылые, прямокрылые, перепончатокрылые, двукрылые и т.д. Необходимо понимать, что даже несмотря на сокращение видового разнообразия, которое характерно для урбосистем, мы не упомянули даже 1% видов беспозвоночных, которые обитают в парке.

Из позвоночных полностью отсутствует класс рыб (сказывается удалённость от водоёмов). Земноводные (остромордая лягушка) были обнаружены на территориях, прилегающих к парку, и возможно могут быть найдены также и здесь (это относится и к двум другим паркам). Пресмыкающиеся (прыткая ящерица) также были зафиксированы неподалёку, но ни в одном из парков встречены на данный момент не были. Зато отмечено большое количество видов птиц: серая и чёрные вороны, галки, чёрные коршуны, сычи, домовые воробьи, большие синицы, свиристели, снегири, белые трясогузки, скворцы, соловьи, стрижи, городские и деревенские ласточки и т.д. Гнёзда встречаются редко.

Число видов млекопитающих невелико: обыкновенная бурозубка, обыкновенная полёвка, обыкновенный хомяк, обыкновенный ёж, а также домашние собаки и кошки, которые используют эти места в качестве охотничьих участков, редко встречаются пасущиеся лошади, и козы.

Присутствие синантропных видов заметно как во флоре (рудеральные виды), так и в фауне. Видовой состав животных в других описываемых парках сильно не отличается (он может быть немного богаче в Гагаринском парке), но пасущийся скот можно увидеть только в Иркутском сквере.

В настоящий момент, по нашему мнению, восстановительные меры следует ограничить следующими действиями: необходимо заменить разбитые лампы уличного освещения и восстановить небольшой участок круговой прогулочной дорожки в южной части парка, а также особого внимания к себе требуют живые изгороди, т.к. некоторые из них уничтожены.

Несмотря на то, что парк расположен на территории с интенсивным дорожным движением это относительно безлюдное место, настолько безлюдное, что в 2010 году здесь проводился любительский гольф-турнир. Данный парк относительно редко используется для выгула собак и катания на велосипедах. Количество гуляющих людей здесь так же, как правило, невелико.

Сквер имени Г.Г. Карпушкина (известный также под названиями *Волочаевский сквер*, *Парк Зелёной Горы*, *Обзорный парк* и *смотровая площадка города*) был разбит в 2004 году так же, как и предыдущий в стиле французского регулярного парка. Сквер расположен вблизи от загруженной федеральной трассы (52°32'59.10" с.ш.; 85°12'14.92" в.д.), но на её противоположной стороне и уже на вершине V-й террасы реки Бии, на территории посёлка Нагорного (историческая часть города Гора, или Витамин). Его площадь около 1 га, а перепады высот составляют от 214 до 222 м над уровнем моря (около 8 м). Линейные размеры — приблизительно 130 м в длину, 90 м в ширину и 130 м по диагонали.

На протяжении длительного времени на месте парка была пустошь. В 2004 году мэр г. Бийска Г.Г. Карпушкин подписал указ об основании парка, который был переименован в его честь в 2016 году.

В парке присутствует 3 террасы. На территории первой террасы расположена парковка, липовая аллея и другие деревья (сибирская лиственница, берёза бородавчатая). На второй террасе расположена прогулочная дорожка (практически все дорожки в парке покрыты мелким щебнем) и газоны. На третьей террасе есть также прогулочные дорожки, дикие ранетки, декоративные ели, американский клён (северо-восточный угол), кустарники (шиповник, калина, жасмин, снежноягодник белый, японская айва) и смотровая площадка, где ранее располагался фонтан, который в настоящее время превращён в клумбу, от которой радиально расходятся 3 главные

дорожки, пересекающие концентрические полуокружности. Все террасы связаны между собой тремя рядами лестниц.

Видовой состав растений, помимо уже перечисленных, во многом идентичен флористическим спискам других парков. Количество рудеральных видов минимизировано. Видовой состав животных идентичен описанному выше Иркутскому скверу. Гнёзда птиц редки.

В качестве восстановительных работ здесь надо заменить разбитые лампы освещения и красивые кованые фонари, а также отремонтировать плиточное покрытие лестниц и самой смотровой площадки.

В парке, особенно в выходные дни вечером, собирается население не только с прилегающих территорий, но и со всего города на пикники, прогулки и осмотр открывающейся отсюда роскошной панорамы на Бийск и на территории, удалённые на 80–100 км к югу от города. Здесь также выгуливают собак и катаются на велосипедах.

Последний из описываемых парков — **Гагаринский парк** — старейший из всех парков в этой части города, основанный в 1966 году при участии школ №4 и 31 к 5-ти летнему юбилею первого полёта человека в космос. К сожалению, точная дата неизвестна. Парк представляет собой английский пейзажный (ландшафтный) парк. Он расположен через дорогу от сквера им. Г.Г. Карпушкина, на обрыве V-й террасы реки Бии (52°32'56.08" N; 85°11'58.96" E). Из всех описываемых парков этот, несомненно, самый крупный — его площадь составляет 1,65 га. Перепады высот — от 222 до 224 м над уровнем моря (всего 2 м). Линейные размеры — 300 м в длину и 50–60 м в ширину. Парк окружён разнообразными участками, которые едины с ним по структуре и таким образом его территория может быть расширена до 30 га (длина — 410 м, ширина до 160 м).

В восточной стороне граничит с трассой М-52 и Зелёной балкой, с северной — с жилыми домами, магазином и территорией школы №31, с западной — с телевизионным центром. Южная граница преимущественно проходит по жилому участку, но в западной части, которая называется Аркадия, парк становится значительно шире и подходит вплотную к обрыву террасы. С этого же места открывается замечательный вид на город.

В парке есть одна вытянутая аллея и несколько тропинок. Он отчётливо делится на 3 участка (по характеру растительности). При движении с востока на запад можно заметить следующие сектора: 1 — вязы обыкновенные и клёны ясенелистные, 2 — тополя чёрные, 3 — клёны ясенелистные. Очень сильно присутствие рудеральных видов. В западной части парка расположены гнездовые колонии чёрных ворон, а также отмечены гнёзда серых ворон, чёрных коршунов и сорок.

Из всех исследованных парков этот самый уединённый и в наименьшей мере используется для отдыха среди населения. В качестве мер по улучшению можно рекомендовать очистку территории от мусора, выравнивание аллеи, прореживание густой молодой поросли кустарников и высокостебельных сорных растений.

Заключение. Таким образом из всех трёх парков, расположенных в нагорной части города Бийска не один из них не находится в идеальном состоянии, но при этом они играют важную роль в жизни людей и каждый по-своему уникален. Паркостроение является неотъемлемой частью градостроения и позволяет снизить нагрузку на природные сообщества и психику человека в урбанистических условиях. Реконструкция парков и скверов должна быть разумной и осторожной — недопустимо снижать степень озеленения территории и вырубать деревья. В большинстве случаев достаточно лишь предпринять совсем незначительные меры (очистка территории от мусора, прореживание густых кустарников, поддержание дорожек и аллей в нормальных условиях). В нагорной части Бийска (как и на территории всего города), к сожалению, нет настоящего больших парков. Их создание смогло бы привести к повышению привлекательности данного района для проживания.

Литература

1. Гарнизоненко Т.С. Справочник современного ландшафтного дизайнера – Ростов-на-Дону: Феникс, 2005. – 313 с.
2. Доронина Н. Ландшафтный дизайн. – М., Фитон+, 2006. – 144 с.

УДК: 376.2

Жукова М.А.

НГПУ, г. Новосибирск, Россия

Особенности овладения младшими школьниками с задержкой психического развития навыками продуцирования пейзажных описаний

Аннотация. В материалах статьи охарактеризованы особенности владения младшими школьниками с задержкой психического развития связной речи. Отмечена важность обучения этих детей построению описательных рассказов. Представлена технология коррекционной работы, отражающая основные этапы развития у учащихся способности продуцировать пейзажные описания с опорой на репродукции картин. Приведены примеры специальных методических приёмов.

Ключевые слова: задержка психического развития, младшие школьники, связная речь, описательный рассказ, пейзажное описание.

Одной из популярных групп детей, обучающихся в системе специального и инклюзивного образования, являются дети с задержкой психического развития (ЗПР). В научной литературе ЗПР традиционно трактуется в качестве такой весьма распространённой формы психического дизонтогенеза, при которой у ребёнка отмечается замедление созревания психических функций. Это негативно отражается на овладении им представлениями о социальной и природной действительности, освоении бытовых навыков, формировании опыта коммуникативного взаимодействия с окружающими людьми, на личностном развитии в целом.

Термин ЗПР, предложенный во второй половине прошлого столетия выдающимся отечественным учёным Г.Е. Сухаревой, прочно закрепился в современной дефектологической науке и педагогической практике. Г.Е. Сухаревой удалось веско обосновать необходимость отграничения ЗПР от речевой патологии, педагогической запущенности, умственной отсталости. В работах современных авторов нашла отражение характеристика специальных (особых) образовательных потребностей детей с ЗПР. Удовлетворение данных потребностей обеспечивается за счёт использования комплекса специфических мер, средств, ресурсов, включая методики образовательно-реабилитационной работы, техники психолого-педагогического воздействия, коррекционные занятия, организуемые индивидуально, а также в небольших подгруппах и др.

Так, О.С. Кузьминой, О.Ю. Синевич, Н.В. Багаутдиновой, Э.Р. Диких отмечается необходимость использования в педагогической практике широкого арсенала специфических средств, благодаря которым может быть обеспечено обогащение социальной практики детей с ЗПР, преодоление нарушений познавательной и эмоционально-волевой сферы, расширение и уточнение представлений об окружающей действительности. Авторы подчёркивают, что эффективность коррекционной работы может быть обеспечена при условии консолидации усилий специалистов разного профиля, выступающих в качестве мультидисциплинарной профессиональной команды [2].

Учёные, посвятившие свои работы вопросам обучения и психологического сопровождения детей с ЗПР, указывают, что сложности получения этими школьниками качественного образования детерминированы не только ограниченностью социального опыта, нарушением неречевых психических процессов, но и недостатками связной речи. В Этот факт веско обоснован Р.И. Лалаевой, Н.В. Серебряковой, С.В. Зориной [3].

Согласно материалам исследований Е.В. Крыловой, школьники рассматриваемой нозологической группы допускают значительное количество специфических ошибок не только при репродукции и самостоятельном построении текстов, но и при продуцировании изолированных синтаксических конструкций. Семантика многих предложений и сверхфразовых единств оказывается этим детям неясной. При самостоятельном продуцировании высказываний ученики с ЗПР оперируют простыми предложениями, демонстрируя отсутствие умения пользоваться сложными синтаксическими конструкциями. Пересказывая и строя рассказы, школьники нарушают логику повествования, допускают аграмматизмы, зачастую неправильно используют лексические единицы, неверно выполняют словообразовательные операции. В результате содержание связной речи ребёнка с ЗПР оказывается не в полной мере ясным. Е.В. Крыловой отмечено, что для ребёнка с ЗПР наиболее сложным, труднодоступным для освоения видом связного высказывания является рассказ-описание [1].

Не обладая полноценно развитой способностью логично и содержательно продуцировать высказывания, связно и ясно излагать свои намерения, ребёнок с ЗПР затрудняется поддерживать коммуникативное взаимодействие с окружающими людьми, в том числе нормотипичными сверстниками, прежде всего, если его обучение осуществляется в системе инклюзивного образования. Неадекватное либо неточное понимание сообщений и, соответственно, инициатив, исходящих от здоровых детей, использование неполноценных в структурно-семантическом аспекте высказываний приводит к разрушению интеракций ребёнка с ЗПР с его сверстниками. В такой ситуации школьники указанной нозологической группы могут оказаться в позиции изгоев, подвергаться насмешкам со стороны своих одноклассников и даже психологическому прессингу. Как пишут Т.Yu. Chetverikova, O.S. Kuzmina, O.Yu Sinevich, при деструктивных моделях социально-личностных отношений, которые могут иметь место в инклюзивной практике, происходит разрушение самой базы для реализации мероприятий образовательно-реабилитационной и психокоррекционной направленности, утрачивается возможность полноценной инкультурации детей [6].

С учётом изложенного выше имеются основания утверждать, что одним из значимых направлений образовательно-реабилитационной работы с младшими школьниками, имеющими ЗПР, является развитие их связной речи.

Пейзажное описание представляет собой одну из разновидностей связной устной речи. Следует отметить, что пейзажные описания используются как в непосредственной коммуникативной практике субъектов речевой деятельности, так и в текстах учебников и хрестоматий, а также в художественных произведениях, с которыми ученики знакомятся на уроках литературного чтения.

В коррекционно-образовательной работе, ориентированной на развитие у младших школьников с ЗПР навыков продуцирования пейзажных описаний, целесообразно выделить несколько этапов: подготовительный, основной, итоговый. Каждый из них обладает своей спецификой.

На подготовительном этапе предусматривается выбор педагогом пейзажных изображений, рекомендуемых обучающимся для построения описаний. Это могут быть фотографии той местности, на которой проживают ученики, а также иллюстрации к текстам изучаемых художественных произведений, но преимущественно – репродукции картин известных художников. Доступными для понимания обучающимися с ЗПР, стимулирующими развитие у этих детей познавательного интереса будут репродукции картин Ю. Васнецова «Иван-царевич на сером волке», И.Шишкина «Утро в сосновом лесу», И. Левитана «Март» и др.

Методически целесообразным является использование в образовательно-реабилитационном процессе элементов музыкальной терапии, что нашло обоснование в исследовании О.Ю. Синевиц и др. [4]. В этой связи параллельно с иллюстративным материалом педагогу следует осуществить выбор фрагментов музыкальных произведений, позволяющих усилить впечатления учеников от воспринимаемого пейзажа за счёт различных средств выразительности, а именно: мелодии, лада, ритма, темпа и др. Так, детям могут быть предложены для прослушивания отрывки следующих музыкальных произведений: «Весенний вальс» Ф. Шопена, «Бабочки» Р. Шумана, «Мотылёк» С. Майкапара, «Сказки Венского леса» И. Штрауса-сына и др. Как подчёркивается в научной литературе, благодаря синтезу изобразительного искусства и элементов музыкальной терапии

обеспечивается усиление коррекционного воздействия, нормализуется психоэмоциональное состояние детей, создаются условия для профилактики конфликтного поведения [4; 5].

Кроме того, подготовительный этап включает непосредственную работу с обучающимися. Так, перед построением пейзажного описания следует (в рамках внеурочной деятельности) провести экскурсию в природу. Объектом наблюдений учеников в ходе экскурсий должны стать объекты, соответствующие или сходные с теми, которые ученикам предстоит словесно проиллюстрировать в процессе продуцирования пейзажного описания. При проведении экскурсий важно принять во внимание, что младшие школьники с ЗПР обладают неполноценно развитыми психическими процессами, в т.ч. восприятием, мышлением, воображением и др. В этой связи педагогу требуется руководить наблюдением обучающихся: обращать их внимание на тот или иной природный объект, его детали, пространственное расположение.

В процессе экскурсий детям может быть предложено выполнение заданий на сравнение двух – трёх объектов. Так, например, в зависимости от сезона, в который организуется экскурсия, сравнению могут подлежать листья деревьев; следы, оставленные разными птицами на влажной земле или снегу; цветовые оттенки снега либо травы в зависимости от места их положения. По ходу экскурсии ученикам можно предложить сделать фотографии или зарисовки наблюдаемых природных объектов, краткие заметки. Кроме того, следует побуждать учеников поддерживать беседу относительно воспринятого, делиться своими умозаключениями со сверстниками.

Впечатления, приобретённые младшими школьниками с ЗПР в процессе экскурсии, позволят им в процессе предстоящей деятельности точнее отразить содержание рассказа-описания по пейзажной картине, без искажений и неоправданных привнесений.

На основном этапе работы осуществляется непосредственный анализ пейзажной картины, разбор её содержания с последующим продуцированием рассказа. Эта деятельность также реализуется в определённой логике, с учётом особенностей психофизического развития и образовательных возможностей младших школьников с ЗПР.

Сначала вниманию учеников предъявляется репродукция пейзажной картины. Педагогу важно не форсировать ход рассматривания материала, подлежащего описанию, предоставляя младшим школьникам с ЗПР достаточное количество времени для того, чтобы познакомиться с отображённым пейзажем. За счёт этого достигается целостное восприятие произведения. Далее следует анализ пейзажной картины, обеспечивающий углубление первоначального восприятия от увиденного, осознание младшими школьниками с ЗПР образного языка искусства. Анализ осуществляется в процессе беседы. Педагогу следует заранее спланировать вопросы для обучающихся, стимулировать детей формулировать развёрнутые ответы, дополнять и уточнять высказывания сверстников. Наряду с тем, что изображено на картине, учитель расспрашивает школьников о том, какой цвет является доминирующим, какие эмоции вызывает пейзаж, за счёт каких средств (особенностей композиции, игры света и тени, сочетания цветов и оттенков) автор выражает своё отношение к тому, что отображает. В ходе беседы происходит установление основных микротем, которые ученикам предстоит осветить в процессе самостоятельного продуцирования рассказа. Кроме того, на этом же этапе проводится словарная работа. Педагог вводит в речь обучающихся образные слова и выражения, раскрывает их семантику. Ряд лексических единиц и словосочетаний заранее фиксируется на табличках. Данные таблички закрепляются в соответствующей части картины: представленный на них речевой материал ученикам предлагается включить в структуру своих пейзажных описаний. Этот приём работы относится к числу специфических. Номотипичные школьники в нём не нуждаются, тогда как дети с ЗПР испытывают потребность в такой визуальной опоре, обеспечивающей обогащение их словарного запаса.

Кроме того, для уточнения и совершенствования лексикона учеников используются лексико-грамматические упражнения. Они связаны с подбором к заданным лексемам синонимов и антонимов, с восстановлением неполных и деформированных синтаксических конструкций и др. Словарная работа проводится на том речевом материале, который младшие школьники с ЗПР смогут использовать в процессе самостоятельного продуцирования пейзажного описания. Особое внимание следует уделить признаковой лексике, что обусловлено спецификой функционально-

стилистического типа рассказа, построение которого предлагается ученикам. Помимо этого детям можно зачитать фрагмент искусствоведческого текста по содержанию картины, имеющей аналогичную тему и композицию. Это позволит предоставить младшим школьникам с ЗПР образец построения описательного рассказа. Затем, также на основном этапе работы, школьникам предлагается ещё раз внимательно рассмотреть пейзажную картинку под музыкальное сопровождение – отрывок из классического произведения. После этого ученики под руководством педагога переходят к составлению плана пейзажного описания. На первых порах такая деятельность имеет коллективный характер, а позднее, по мере овладения детьми умением планирования рассказа, может осуществляться в рамках индивидуальной работы.

Если ученики ещё недостаточно владеют способностью продуцировать описательные рассказы, можно предложить одному из школьников в устной форме воспроизвести пейзажное описание с опорой на картину и размещённые на ней таблички с речевым материалом, а также подготовленный план. Однако постепенно от этого вида деятельности следует отказаться, поскольку ученики с ЗПР будут стремиться не к реализации личного замысла, а к воспроизведению речевой продукции своего сверстника.

На заключительном этапе школьники приступают к письменному оформлению пейзажного описания. И использованные в ходе урока визуальные опоры остаются в распоряжении детей на протяжении всей их самостоятельной деятельности. На следующем уроке, после проверки педагогом работ обучающихся, осуществляется работа над ошибками. Кроме того, из работ учеников зачитываются наиболее удачно оформленные в структурно-семантическом плане части.

Резюмируя, отметим, что планомерное обучение младших школьников с ЗПР продуцированию пейзажных описаний с использованием специальных методических приёмов содействует развитию и коррекции речемыслительных умений этих обучающихся.

Литература

1. Крылова, Е.В. Изучение особенностей связной речи учащихся с задержкой психического развития / Е.В. Крылова // Вестник НовГУ. 2008. № 45. С. 4-7.
2. Кузьмина, О.С. Мультидисциплинарный подход к коррекционной работе с дошкольниками, имеющими задержку психического развития / О.С. Кузьмина, О.Ю. Синевич, Н.В. Багаутдинова, Э.Р. Диких // Мать и Дитя в Кузбассе. 2016. № 4. С. 51-58.
3. Лалаева, Р.И. Нарушения речи и их коррекция у детей с задержкой психического развития: учеб. пособие / Р.И. Лалаева, Н.В. Серебрякова, С.В. Зорина. М.: Гуманитарный изд. центр ВЛАДОС, 2004. 303 с.
4. Синевич, О.Ю. Использование элементов музыкальной терапии в образовательно-реабилитационной работе с детьми, имеющими ограниченные возможности здоровья / О.Ю. Синевич, Т.Ю. Четверикова // Мать и Дитя в Кузбассе. 2020. № 1 (80). С. 69-75.
5. Якубенко, О.В. Арт-средства в профилактике конфликтного поведения младших школьников / О.В. Якубенко // Педагог 3.0: подготовка учителя для школы будущего: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Н. Новгород: Изд-во Мининского университета, 2016. С. 292-294.
6. Chetverikova T.Y., Kuzmina O.S., Sinevich O.Y. Parity, bullying and confrontation in inclusive education / T.Y. Chetverikova, O.S. Kuzmina, O.Y. Sinevich // Opcion. 2019. T. 35. № Special Issue 22. – Pp. 1186-1203.

Захарова А.В.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Россия

Анализ пространственного образа Барнаульской агломерации путем интерпретации геоментальных карт

Аннотация. Статья посвящена изучению пространственного образа Барнаульской агломерации у населения Алтайского края. Исследование осуществляется на материале геоментальных карт, созданных жителями края, и включает в себя расположение муниципальных образований Барнаульской агломерации в пространстве, а также составление ассоциативных таблиц по данным муниципалитетам. В результате исследования был сделан вывод о восприятии пространства городской агломерации Алтайского края жителями региона.

Ключевые слова: городская агломерация, Барнаульская агломерация, интерпретация, геоментальные карты, sketch map.

По мере увеличения численности населения мира, происходило формирование поселений, с ростом которых они получали имя «город». Города – одно из величайших творений и достижений человека. Но в условиях современного территориального развития особую актуальность приобретает системное и более сложное территориальное образование - городская агломерация, как ведущая форма расселения, и ее территориальной организации.

Агломерация – компактная территориальная группировка городских и сельских поселений, объединенная в сложную локальную систему многообразными связями (трудовыми, производственными, коммунально-хозяйственными, культурно-бытовыми, рекреационными, природоохранными), а также совместным использованием разнообразных ресурсов данной территории [5].

Городские агломерации являются ареной взаимодействия процессов и решения вопросов из разных сфер человеческой жизни: экономики, демографии, культуры, экологии и т.д. Изучение агломераций, их составляющих, необходимо для понимания существующих проблем развития территории, так как их «зачатки» имеют исторические предпосылки [1].

Барнаульская агломерация сформировалась в северо-восточной части Алтайского края. В ее состав входят четыре территориальных образования: городские округа Барнаул и Новоалтайск, а также, расположенный на прилегающей территории Первомайский и Павловский муниципальные районы. Ядро городской агломерации – города Барнаул и Новоалтайск [3].

Барнаул – административный центр Алтайского края и один из крупнейших центров Сибирского федерального округа на пересечении трансконтинентальных транзитных перевозок. Город Новоалтайск вырос из деревни Чесноковки, которая возникла в нижнем течении правого притока реки Обь в 1745 году. Строительство железнодорожных путей в 1915 году послужило мощным экономическим импульсом в социально-экономическом развитии населенного пункта. На сегодняшний день город Новоалтайск является административным центром Первомайского района - одного из самых крупных сельских районов Алтайского края. Западная часть агломерации представлена Павловским муниципальным районом. Общая площадь агломерации составляет 6810,74 км², при этом, на одной десятой площади данного территориального проживает 865,4 тыс. чел, что составляет третью часть населения Алтайского края [3].

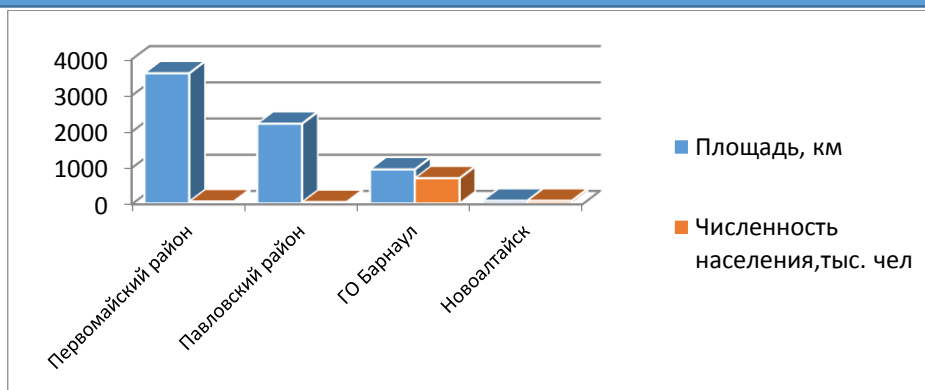

Рисунок 1. Соотношение площади и численности населения муниципальных образований Барнаульской городской агломерации [3].

Но как упоминалось ранее, городская агломерация – это арена взаимодействия разнообразных процессов. Концентрация одной третьей части населения на территории агломерации не только запускает процесс формирования комфортной среды, но порождает и выявляет ряд отличий в пространственном развитии территории.

Мониторинг пространства в режиме реального времени, сбор статистической информации и построение моделей развития пространства способствуют комплексному изучению городских агломераций, но большинство исследований часто отражают видимые изменения территориальных образований. А поскольку создание комфортной среды жизни происходит для населения, то очень важно понимать, как сами люди воспринимают территорию, которую так пытаются улучшить для них.

Использование разнообразных методов исследования является неотъемлемой частью комплексного изучения пространства Барнаульской агломерации. В данной работе был использован один из методов социологических исследований - «sketch map»[6] или, другими словами, метод географических ментальных карт. Он был предложен Д.Н. Замятиным и позволяет изучать пространственную ментальность, посредством вербальных и графических знаковых систем, но не имеет непосредственного отношения к работе с картой [2].

Рассматривая данный способ как основной в изучении восприятия пространства агломерации населением, была сформирована целевая группа из экономически активного населения, проживающего на территории Алтайского края. В ходе проекта было отобрано 20 случайных мужчин и женщин разных профессий в возрасте от 20 до 40 лет. Респонденты работали над заранее сформулированным заданием, которое состояло в следующем:

- Схематично отобразить расположение муниципальных образований Барнаульской агломерации: распределить г. Барнаул, г. Новоалтайск, Павловский и Первомайские районы в пространстве в виде контуров территорий, с указанием всех необходимых и важных для респондента объектов природного или антропогенного характера.
- Указать по три ассоциативные характеристики для каждой территории.

По результатам участия в проекте были получены геоментальные карты респондентов (Рис. 2) и на основе соответствия фактически существующей территории были сделаны следующие выводы:

1. В 25% геоментальных карт респонденты указали правильное пространственное расположение территориальных образований.
2. 50% респондентов правильно расположили в пространстве по 2 и 3 территориальных образования.
3. 10% геоментальных карт не отображали верного пространственного расположения муниципалитетов в составе агломерации
4. В 5% работ было указано правильное расположение только одного объекта

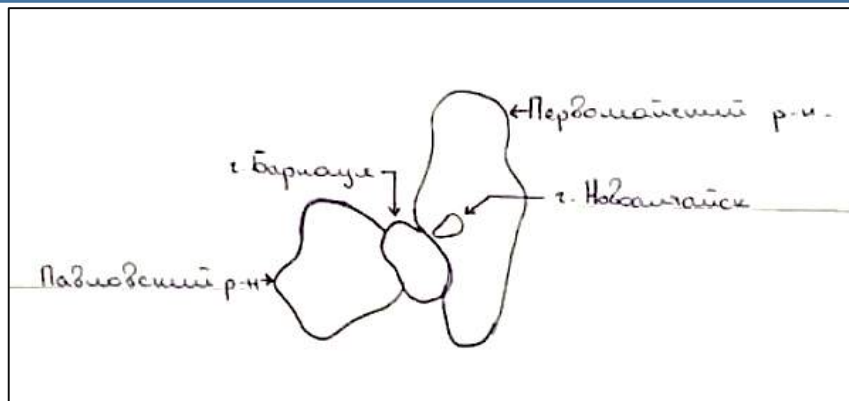

Рисунок 2. Пример геоментальной карты респондента

Вторая часть задания состояла в указании ассоциативных характеристик территорий, входящих в Барнаульскую городскую агломерацию. Данная часть задания направлена на выявление особенностей пространственного и социально-экономического развития пространства агломерации (Рис.3).

АССОЦИАЦИИ				
	г. Барнаул	г. Новоалтайск	Первомайский район	Павловский район
1.	Универ	РМД	Лес	Остроум-к
2.	Обществен	Алтайский	Клиники	Родительские
3.	Друзья	Друз	Мой город	ПИБАД

Рисунок 3. Пример ассоциативных характеристик Барнаульской агломерации

Отсутствие четких границ ассоциаций позволило получить непредвзятые данные, отражающие субъективное восприятие индивидом пространства Барнаульской агломерации.. 4. В результате полученной информации, можем отметить следующее (Рис.4):

1. Наибольшее количество ассоциативных характеристик указывали респонденты обоих полов в возрасте от 20 до 30 лет;
2. Респонденты женского пола отметили наибольшее количество ассоциаций. Их работы носят более эмоциональный окрас
3. 20% респондентов не смогли указать ассоциации для территорий Первомайского и Павловского района.
4. 60% респондентов указали, что территория городов Барнаула и Новоалтайска отличается разнообразием социально-культурных объектов: университеты, учреждения здравоохранения, театры, парки и др..
5. При составлении ассоциативных характеристик 70% респондентов указали, что территории Павловского и Первомайского муниципального районов отличаются наличием природных объектов: ленточный бор, река Обь и озера.

Рисунок 4. Фрагмент ассоциативного восприятия респондентами Барнаульской агломерации
В результате проведенного исследования можем сделать следующие выводы:

- 1) Метод геоментальных карт позволяет проанализировать данные ассоциативного восприятия территории и способствует изучению пространственного образа Барнаульской агломерации с помощью вербальной и графической знаковых систем.
- 2) Пространственный образ территории Барнаульской агломерации в большей мере сформирован по ее отдельным муниципалитетам – городам Барнаул и Новоалтайск. По муниципалитетам Первомайский и Павловский районы респонденты не смогли в достаточной степени указать ассоциативных характеристики, что свидетельствует о недостаточном пространственном развитии территории.
- 3) Исследование пространственного образа агломерации, свидетельствует о разной степени информированности населения о территориальных особенностях родного края.

Литература

- 1 Баранский, Н.Н. Об экономико-географическом изучении городов / Н.Н. Баранский // Экономическая география. Экономическая картография. – М.: Географгиз, 1956. – 168 с.
- 2 Замятин Д. Н. (2002). Геокультура: образ и его интерпретации // Социологический журнал. № 2. С. 5–12
- 3 Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай/ [Электронный ресурс]: Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай – Режим доступа: <http://akstat.gks.ru>
- 4 Постановление Администрации Алтайского края № 644 от 26.11.12 «Об утверждении схемы территориального планирования Барнаульской агломерации»/ [Электронный ресурс]: Официальный сайт Алтайского края – Режим доступа: http://www.altairregion22.ru/upload/iblock/bcd/644_12.PDF с
- 5 Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник. Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкуме- на, 2013. – 328 с.
- 6 Didelon C. et al. A world of interstices: A fuzzy logic approach to the analysis of interpretative maps / C. Didelon, S. de Ruffray, M. Boquet, N. Lambert // The Cartographic Journal. 2011. Vol. 48. P. 100–107.

Калинин С. С.

Международный славянский институт

Представительство в Кемеровской области, г. Кемерово, Россия

Эволюция контактных идиомов с русскоязычной основой в сопоставительном аспекте

Аннотация. Данная работа посвящена проблеме анализа развития контактных идиомов, имеющих русскоязычную основу. К таковым можно отнести сибирский/дальневосточный пиджин, руссенорск, говорку и медновский язык. В результате исследования было установлено, что первые три идиома репрезентируют аналитическую стадию развития, а медновский язык – на синтетическую. В связи выдвигаются гипотезы, объясняющие распределение контактных идиомов по эволюционным этапам. Также проводится сопоставления идиомов с русскоязычной основой со стратегиями развития различных контактных идиомов, принадлежащих к другим лингвистическим ареалам и имеющим другую языковую основу.

Ключевые слова: контактный идиом, контактные идиомы с русскоязычной основой, пиджин, креольский язык, эволюция языка, языковая неотения, стадии языковой эволюции, классификация контактных идиомов.

В настоящее время проблема исследования возникновения и эволюции языка представляется одной из важнейших задач языкознания. Значительный вклад в нее может внести исследование контактных идиомов различного типа, в частности, происхождения пиджинов и креольских языков. В частности, концепция об эволюции языка человека из первичного «лексического протоязыка», напоминающего по своей структуре пиджин, обсуждается в работе Д. Бикертон [1]. Рассматривается вопрос о формировании пиджинов и креолов и в работе [10, с. 432-441], хотя автор отмечает, что было бы не совсем верно уподоблять культурную смену пиджина на креольский язык биологическому эволюционному переходу от протоязыка к языку [10, с. 438]. Тем не менее, эволюция контактных идиомов предоставляет большое количество ценного материала не только для частных областей языкознания, но и для общей эволюционной теории языка. Это происходит, в том числе, и потому, что на формирование контактных идиомов оказывает влияние множество факторов. Проявляется при этом не только действие внутриязыковых факторов, «давления системы», но и «социального давления» на язык [3, с. 5-6]. Социальный аспект природы языка и языковой коммуникации проявляется наиболее ярко при возникновении и развитии контактных идиомов. Например, в работе С. Муфвене проводится глубокая аналогия между пониманием языка в лингвистике и «популяции» в популяционной генетике [14, с. 83]. В частности, доказано [14, с. 86], что именно носители креолов участвуют в отборе тех языковых форм, которые войдут в его систему, и именно носители являются «точкой», в которой происходит контакт между языками. В этом также проявляется социальный аспект процессов формирования языка.

В процессе развития языка происходит смена определенных эволюционных стадий развития. В настоящее время стадияльное развитие языка следует понимать не как жесткую универсальную схему, раз и навсегда заданную для всех известных языков мира (и уж тем более не так, как эта идея понималась в «новом учении о языке»). Следует учитывать специфические особенности развития каждого языка и те уникальные условия среды, в которых он эволюционирует, адаптируя к процессу его развития стадияльную схему. Особенно важно учитывать эти условия для развития контактных идиомов, поскольку они формируются и эволюционируют в специфических языковых ситуациях, условиях коммуникации и языковом окружении.

Следует отметить также понятие языковой неотении, введенное Б. Бичакжаном в работе [12]. Проявления неотенических черты – т.е., сохранение элементов первоначальных и ранних этапов развития на современном этапе развития языка – частотны в контактных идиомах. В частности,

этим может объясняться наличие большого количества признаков аналитизма в различных идиомах, которые заведомо не связаны между собой, поскольку сформировались на основе различных языков-лексификаторов (по терминологии Е. А. Оглезневой [7, с. 9]) в разных географических регионах. Н. Б. Мечковская называет значительную схожесть большинства пиджинов и креольских языков между собой «загадочной чертой» [5, с. 183-184]. По всей видимости, аналитизация большей части контактных идиомов является одним из признаков языковой неотении, а именно, возвратом к этапу т.н. прагматического кода.

Прагматический код, по определению Т. Н. Николаевой, является «исходной позицией эволюционного цикла» [6, с. 112-113], сближаясь в этом отношении с детской речью. Прагматический код характеризуется «мягкой» статистической грамматикой, т.е., такой грамматикой, в которой любое правило может нарушаться [8, с. 94], отсутствием флективной морфологии, минимальностью анафорических отношений, минимальностью соотношения именных и глагольных основ [8, с. 91-92]. Таким образом, прагматический код во многих отношениях сближается с наиболее ранними этапами глоттогенеза. Проводя аналогию с законом зародышевого сходства, известным из эмбриологии, можно утверждать, что онтогенез контактного идиома – его индивидуальное развитие – в своих основных чертах повторяет филогенез. В данном случае филогенезом является процесс эволюции человеческого языка в целом. При этом, на «зрелом» этапе развития контактного идиома, в частности, стабилизации пиджина или трансформации его в креольский язык в его структуре продолжают сохраняться неотенические черты.

Репрезентативные данные имеются по 4 различным идиомам, сформировавшимся на основе русского языка. Это руссенорск, сибирский/дальневосточный русско-китайский пиджин, говорка (см. [7, с. 12-16], [8, с. 55], об особенностях говорки см. также работу [11, с. 378-395]) и медновский язык. Примечательно, что, с географической точки зрения, три этих идиома расположены в циркумполярном регионе, за исключением русско-китайского пиджина, территориально локализованного в глубине континентальной Евразии.

Типологически данные 4 идиома демонстрируют существенные различия. Если руссенорск и сибирский или дальневосточный пиджин ярко проявляют аналитизм строя (редуцированная форма сибирского пиджина вообще типологически близка к изолирующему строю), то медновский язык обладает ярко выраженным флективным словоизменением, причем, в нем представлена морфологическая специализация язык-лексификатора и языка-субстрата. Как пишет Е. В. Головкин [3, с. 120-123], основные морфологические показатели глаголов в медновском языке унаследованы из русского языка, а основные грамматические категории имени – из алеутского. Говорка же представляет собой особый пример кардинального изменения структуры языка-лексификатора под влиянием окружающих субстратных языков. Говорка по ряду признаков также сближается с языками аналитического строя, однако, аналитичность этого идиома формировалась уже на уральской и алтайской основе [7, с. 13]. Таким образом, все эти идиомы репрезентируют различные этапы глоттогенеза, обладающие различными структурно-типологическими чертами.

Следует отметить, что ни один из вышеуказанных идиомов с русскоязычной основой не претерпел полной креолизации и не нативизировался. Эти идиомы оставались и остаются вспомогательным средством коммуникации между носителями различных языков, не являясь при этом родным языком ни для кого из участников коммуникации. Так, говорка употреблялась нганасанами в общении с русскими, а также с другими народами Таймыра []. Следует отметить, что ряд идиомов с русскоязычной основой претерпело расширение и дальнейшую стабилизацию, как, например, сибирский/дальневосточный пиджин или медновский язык. При этом, как отмечает Е. В. Головкин, носители медновского языка, являющиеся жителями о. Медный, ощущают себя особой этносоциокультурной и лингвокультурной общностью, отличной и от русских, и от алеутов [2, с. 118]. Можно констатировать, что полный эволюционный цикл для идиомов с русскоязычной основой не завершился (а для некоторых, по-видимому, уже и не завершится никогда по причине стремительной утраты языка).

Для сопоставления с русскоязычными контактными идиомами было отобрано 9 контактных идиомов, обладающих различной типологией и сформировавшихся на основе языков различной

структурной и генетической принадлежности. Идиомы выбирались таким образом, чтобы обеспечить как можно более полный охват основных лингвогеографических ареалов планеты, в частности, изучались контактные идиомы Евразии, Австралии, Океании, а также Северной и Южной Америки. Соответственно, языками-лексификаторами, на основе которых они формировались, для них послужили английский, французский, испанский, русский и баскский языки.

В первую группу идиомов попадают основные креольские языки Океании из нашей выборки (бислама и ток-писин), чинукский жаргон, баскско-скандинавский пиджин. Основные паттерны их фонологии, морфологии и синтаксиса демонстрируют редукцию в сравнении с исходными языками-субстратами и языками-лексификаторами. С этой группой из русскоязычных идиомов могут быть сопоставлены русско-китайский пиджин и руссенорск. К примеру, упоминаемый выше сибирский/дальневосточный пиджин наследует преимущественную часть своего словарного состава из русского языка, однако, грамматические паттерны этого идиома ближе, скорее, к китайскому языку. В качестве средства передачи морфологических и синтаксических отношений в сибирском/дальневосточном пиджине используются служебные слова (например, вспомогательные глаголы) и порядок слов. Аналогичная ситуация наблюдается и в океанийских креольских языках, сформировавшихся на основе английского, в меньшей степени – французского и аборигенных океанийских языков свою собственную аналитическую систему грамматики. В баскско-скандинавском пиджине развитая синтетическая морфология баскского и исландского языков практически полностью редуцирована до изоляции. Исходя из системно-типологической классификации Г. П. Мельникова [4, с. 29], можно утверждать, что большинство контактных идиомов данного типа располагаются на аналитической стадии развития.

Меньшую группу составляют идиомы, располагающиеся на синтетической стадии развития: это, например, мичиф и медиаленгва. Основные паттерны и схемы данной группы контактных идиомов наследуют синтетизм из языков-субстратов и лексификаторов, либо из одного субстратного языка, как в случае с медиаленгва. Сюда можно отнести также упоминавшийся выше медновский язык с его специализацией морфологии по языку-субстрату и языку-лексификатору. Подобным образом устроен и мичиф, который наследует паттерны глагольной морфологии из равнинного кри (алгонкинские языки), а именной – из французского языка. Как пишет А. Ч. Пиперски, «мичиф взял из обоих языков именно сложные части грамматики» [9, с. 111]. Особую группу составляют контактные идиомы Австралии: в нашей выборке это современный тиви, валбири рампаку и дьирбал «молодых людей». На основе языковых контактов сообществ носителей австралийского варианта английского языка и коренных языков австралийских аборигенов они развили своеобразные паттерны морфологии и синтаксиса, отличные как от паттернов английского языка, так и от соответствующих паттернов австралийских языков. Например, в современном тиви утрачен полисинтетизм, в то время как «исконный» вариант языка тиви характеризуется высокой степенью полисинтетизма. В нем допускается формирование очень сложных глагольных структур с развитыми возможностями инкорпорации аргументов в глагольную форму.

Исходя из представленного в нашей выборке языкового материала, можно сделать вывод о том, что вектор эволюции контактных идиомов является разнонаправленным. Представляется сомнительным говорить о единстве процесса их эволюции. Однако, можно сделать и некоторые обобщения. Так, показательно, что большая часть контактных идиомов репрезентирует аналитическую стадию развития. Их можно классифицировать по мере сложности как идиомы с редукцией либо идиомы со стабилизацией (если аналитизм наследован из языка-субстрата или лексификатора), согласно предложенному принципу классификации контактных идиомов по мере их сложности. Большинство идиомов, находящихся на стадии синтетизма, по мере их сложности можно поделить на два типа. Они являются либо идиомами со стабилизацией (если сложности развившихся в них паттернов не отклоняется от сложности исходных языков), либо идиомами с комплексификацией, если в них формируются новые паттерны, несвойственные ни одному из исходных языков, подобно упомянутым выше контактным идиомам Австралии. К идиомам с

комплексификацией можно отнести и вышеупомянутую говорку, сформировавшую своеобразную грамматическую систему, основа которой, тем не менее, является уральской и алтайской.

Причины возникновения такого разнообразия контактных идиомов являются дискуссионными. Возможно, анализ большинства проанализированных контактных идиомов объясняется социально-прагматическими факторами: в частности, в условиях торговой коммуникации необходимо простое, но эффективное средство быстрого обмена информацией. Для эффективного общения с аборигенным населением европейцам в процессе колонизации и заселения новых территорий также было необходимо простое эффективное средство общения с аборигенами, при том условии, что европейцам языки местного населения могли быть и неизвестны. В рамках концепции глобального эволюционизма следует упомянуть о концепции «лингвистических окаменелостей», предложенной Д. Бикертоном, согласно которой изучение пиджинов и процесса их превращения в креольский язык способно предоставить существенную информацию о механизмах возникновения языка в целом: см. главу 5 в работе [13, с. 105-130]. Наряду с процессами формирования и развития пиджинов у Д. Бикертона упоминается в качестве одного из типов «лингвистических окаменелостей» и процесс усвоения языка детьми до 2 лет (см. [13, с. 118-122, 110-115], соответственно). По всей видимости, и в том, и в другом случае действуют общие когнитивные механизмы, отвечающие за усвоение человеком языка. Следует учитывать также и фактор межъязыковой интерференции, который может быть объяснением формирования контактных идиомов синтетического типа, подобных упомянутому мичиф или медновскому языку. Интерференция также может объяснять четкое наследование имен и глаголов из различных языков-источников в контактных идиомах такого типа.

Литература

1. Бикертон, Д. Язык Адама. Как люди создали язык, как язык создал людей. М.: Издательский дом ЯСК, 2012. 310 с.
2. Головкин, Е. В. Язык медновских алеутов // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 117-125.
3. Журавлев, В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции. Изд. стер. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 336 с.
4. Мельников, Г.П. Системная типология языков: синтез морфологической классификации языков со стадийной. Курс лекций. М.: ЛЕНАНД, 2014. 96 с.
5. Мечковская, Н.Б. Общее языкознание. Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312 с.
6. Николаева, Т. М. Коммуникативно-дискурсивный подход и интерпретация языковой эволюции // Вопросы языкознания. 1984. №3. С. 111-119.
7. Оглезнева, Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с.
8. Перехвальская, Е.В. Исследования по русским пиджинам. Сборник статей. М. – Берлин: Директ-Медиа, 2014. 224 с.
9. Пиперски, А.Ч. Мичиф // М. А. Кронгауз, А. Ч. Пиперски, А. А. Сомин и др. Сто языков. Вселенная слов и смыслов. М.: Издательство АСТ, 2018. С. 110-111.
10. Фитч, У.Т. Эволюция языка; пер. с англ. и науч. ред. Е. Н. Панова. М.: Издательский дом ЯСК, 2013. 824 с.
11. Хелимский, Е. А. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. 640 с.
12. Bichakjian, B. H. Neoteny and language evolution // The genesis of language. A different judgement of evidence. Ed. by M. E. Landsberg. Berlin-New York-Amsterdam: Mouton de Gruyter, 1988. P. 113-136.
13. Bickerton, D. Language and species. Chicago: University of Chicago Press, 1990. 305 p
14. Mufwene, S.S. The founder principle in Creole genesis // Diachronica. 1996. 13:1. Pp. 83-134.

Курмачева Е.О.

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток, Россия

Лексико-семантическое поле «Быт» в языке Амурской области и Крайнего Северо-Востока России

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению региональных вариантов русского национального языка, функционирующих в Амурской области и на Крайнем Северо-Востоке России. Рассмотрено лексико-семантическое поле «Быт». Выявлены несовпадения в лексико-семантических группах «Предметы домашнего обихода», «Средства передвижения», «Одежда», «Еда», «Природа», «Постройки» и «Термины родства».

Ключевые слова: региолект, регионализм, бытовая лексика, говоры Амурской области, говоры Крайнего Северо-Востока, лингвистическое краеведение.

Понятие «региолект» возникло в лингвистической науке в 90-е годы и использовалось в работах диалектологов В. И. Трубинского, А. С. Герда для обозначения особой формы языка, отличной от диалектов [3; 9]. Региолекты определены В. И. Трубинским как «новые диалекты», то есть достаточно крупные территориально-системные образования, которые не соответствуют классическому диалектному членению русского языка. Трубинский подчеркивает, что региолекты избирательно наследуют диалектные черты [9, с. 157-162]. В работах А. С. Герда региолект – особая форма устной речи, в которой не только утрачены многие архаические черты диалекта, но и развились новые особенности [3, с. 48]. Региолект, как особая форма национального языка, активно изучается такими исследователями, как Е. В. Ерофеева, М. А. Бородина, А. П. Майоров, Е. А. Оглезнева, В. И. Беликов и др. [1; 2; 4; 6; 7]. Представитель Пермской социолингвистической школы Е. В. Ерофеева видит в региолекте промежуточный идиом, который может проявлять в большей или меньшей степени черты «перемешанных в нем идиолектов» [4, с. 100]. М. А. Бородина подчеркивает, что региолект – звено в системе языковых состояний, находящееся в постоянном движении, в отличие от диалекта, который в течение определенного исторического периода настолько устойчив, что приравнивается к понятию «язык» [2, с. 30].

«Региональность» языка ярче всего проявляется на дальней периферии России. Этот факт подчеркивают, в частности, Е. А. Оглезнева, исследователь дальневосточного региолекта [7], и А. П. Майоров, изучающий языковую региональную специфику Бурятии [6].

Своеобразие региолекта выявляется в том числе и на лексическом уровне языка. Например, В. И. Беликов занимается исследованием лексических регионализмов, сопоставляя их со словами, соответствующими литературной норме [1].

Настоящая работа представляет собой попытку сопоставления лексем (регионализмов) и выявления региональной специфики двух регионов: Амурской области (Свободненский, Шимановский и Архаринский районы) и Крайнего Северо-Востока России (старожильческое население, проживающее на реках Колыме, Анадыре, Гижиге, Охотском побережье). В качестве материала использованы данные двух словарей: словаря русских говоров Амурской области [8] и словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России Г. Б. Зотова [5].

Словарь русских говоров Амурской области, фрагменты которого издаются в выпусках фольклорно-диалектического альманаха «Слово» (Амурский государственный университет), содержит информацию о собственно диалектной и диалектно-просторечной лексике и фразеологии, зафиксированной в сёлах Свободненского, Шимановского и Архаринского районов Амурской области (всего исследовано 15 сёл). Поскольку старожильское население амурских сёл – это преимущественно выходцы из юго-западных регионов России, Украины и Беларуси и их потомки, в современных русских говорах Амурской области на фонетическом, морфологическом, лексическом уровнях преобладают южнорусские черты. В Амурской области есть и сёла (Касаткино, Иннокентьевка, Сагибово), основанные забайкальскими казаками, в говорах которых

преобладали севернорусские черты. Важно отметить взаимопроникновение севернорусских и южнорусских черт с явным доминированием последних, так как переселенцы не только основывали новые сёла, но и заселяли старые – казачьи [8].

Другим источником материала послужил словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России, созданный Г.Б.Зотовым на материале экспедиций в районы проживания русского старожильского населения на реках Колыме, Анадыре, Гижиге, Охотском побережье, а именно в селах казаков, выходцев с Европейского севера (и их потомков) и аборигенного населения. В основе речи старожильского населения – северно-русское наречие. В словарь, помимо русской лексики, включена корякская, ламутская, чуванская, чукотская, эвенская, юкагирская и якутская [5].

Для исследования выбрано лексико-семантическое поле (далее ЛСП) «Быт» – в частности, такие лексико-семантические группы (далее ЛСГ), как: «Предметы домашнего обихода», «Средства передвижения», «Одежда», «Еда», «Природа», «Постройки» и «Термины родства».

Анализ словаря русских говоров Амурской области показал, что наиболее многочисленной является ЛСГ «Предметы домашнего обихода». В группе преобладает лексика, обозначающая инструменты: *баян* (двуручная пила), *гачка* (сельскохозяйственное орудие для рыхления почвы), *грабарка* (приспособление для выкапывания картофеля), что свидетельствует о важном месте сельского хозяйства в жизни жителей Амурской области. Не менее многочисленны номинации, связанные с посудой, что подчеркивает значительную роль, отводящуюся дому и бытовым вопросам: *бадейка* (широкое деревянное ведро), *гличик* (глиняный кувшин), *горлач* (глиняный кувшин с широким горлом, предназначенный для хранения молока), *дежа* (посуда для замешивания теста). Встречается и лексика, связанная с промысловой деятельностью: *бердана* (однозарядное ружье), *биток* (ведро для сбора ягоды), *бредень* (рыболовная сеть), *городьба* (охотничья ловушка на медведя) – однако такие номинации редки, на основании чего можно предположить, что охота, рыболовство и собирательство занимают важное, но не главное место в жизни жителей амурского региона.

При анализе словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России также было отмечено, что ЛСГ «Предметы домашнего обихода» – одна из самых объемных групп. Важную роль в жизни народов Крайнего Северо-Востока России играет рыболовство, о чем свидетельствует разнообразие лексических единиц, называющих рыболовные принадлежности и разновидности лодок: *бабаболка* (поплавок), *байдара* (большая деревянная лодка, обтянутая моржовой кожей), *байдарка* (маленькая одновесельная лодка), *бат* (лодка, выдолбленная из целого бревна тополя), *бережное крыло* (одно из двух крыльев невода, ближе к берегу), *бережный выпуск* (конец веревки от невода у берега), *бережной кляч* (веревка, привязываемая к концу невода), *болт* (основной тяжелый якорь), *волосанка* (рыболовная сеть из конского волоса). Анализ лексики показывает, что не менее важна для жителей Крайнего Северо-Востока и охота, так как частотны номинации, связанные с этим видом деятельности: *баргат* (охотничья снасть, ловушка для птиц), *барыкалка* (пулемет), *дрыгалка* (палка, которой можно убить нерпу). Можно отметить, что инструменты, используемые жителями северного региона, связаны не с сельским хозяйством, а с промысловой деятельностью: *алхадни* (инструмент, на котором на Колыме скребут шкуры), *аут* (инструмент для скобления кож, представляющий собой железную шайбу с острым краем), *бригало* (поперечная жердь, поддерживающая голову охотничьей пасти).

Номинации ЛСГ «Средства передвижения» присутствуют в говорах обоих регионов. В говорах Амурской области отмечена лексика, обозначающая как водные, так и наземные средства передвижения: *арба* (телега с высокими бортами), *бот* (выдолбленная из дерева, чаще из сосны, лодка), *водоноска* (телега для перевозки воды, запряженная лошастью), *волокуша* (приспособление для перевозки грузов волоком; бесколесная повозка), *дюраль(ка)* (лодка, сделанная из сплава алюминия с медью и магнием – дюраля). В Северо-Восточном регионе разнообразна лексика, связанная со специфическими средствами передвижения: *аргии* (обоз, караван оленей или собачьих упряжек), *аргыс* (чукотский и ламутский кочевой поезд – ряд саней, запряженных оленями и связанными вместе), *бреска* (передовая собака в упряжке), *добровольная собака*

(собака, которая сама тянет упряжку без принуждения), *драньё* (обучение собак ходить в упряжке), *вымнятая собака* (собака с мышцами после специальных тренировок).

В Амурской области и на Крайнем Северо-Востоке различны лексемы, входящие в ЛСГ «Одежда». Одежда амурских жителей по сравнению с одеждой жителей северо-восточного региона, отличается разнообразием тканей и принтов, о чем свидетельствуют номинации: *атласовая* (атласная), *алленая* (льняная), *диагональ* (в косую полоску). Одежда жителей Северо-Востока России выполняет жизнеобеспечивающую функцию – помогает выжить в условиях сильных морозов, поэтому она сделана преимущественно из теплых шкур: *гагагля* (женская верхняя одежда из оленьих шкур), *исподка* (мягкая меховая варежка, надеваемая на рукавицу), *варварка* (шапка из меха оленьих телят с прорезью для лица, закрывающая грудь и спину до пояса). Преобладают номинации обуви, что является показателем важности этого элемента одежды: *агиды* (обувь из оленьих камусов с голенищами), *аларчики* (башмаки из темной юфти или черного сафьяна, к которым пришиваются голенища из жесткой оленьей кожи), *боталы* (большие, высокие сапоги из коровьей кожи), *бродни* (высокие сапоги из нерпичьей кожи), *бродовые торбаза* (сапоги из конской кожи).

Номинации, входящие в ЛСГ «Еда», также различаются в языке двух регионов. В рационе жителей Амурской области много выращенных саморучно овощей и фруктов, названия которых заимствованы из белорусского и украинского языков: *бульба* (картофель), *гарбуз* (тыква, арбуз), *бурак* (свёкла), *гурок* (огурец). Популярными являются блюда национальной украинской и белорусской кухни: *бабка* (блюдо из картофеля), *бульбяники* (оладьи из картофеля), *драники* (оладьи из картошки, жаренные в масле). В говорах Крайнего Северо-Востока доминируют номинации, обозначающие преимущественно блюда из рыбы и птицы: *барабан* (блин или лепешка из красной икры), *борча* (кушанье из толченных сухих рыбьих костей с оставшимся на них мясом), *балбах* (кушанье из гусей). Встречаются названия блюд из молочных продуктов, частично заимствованные из якутского языка: *арака* (молочный напиток), *арусун* (сушеный творог), *варенец* (топленное сквашенное молоко со сливками).

Лексемы, входящие в ЛСГ «Природа», также не совпадают в речи жителей Амурской области и Крайнего Северо-Востока России. В говорах амурских жителей преобладают названия растений: *алой* (растение алое), *аверьяновка* (растение валериана лекарственная), *богородская трава* (тимьян ползучий) и т.д. Намного реже встречаются номинации домашних животных, такие как *барануха* (овца) или *бороздный* (тяговой конь). Кроме того, нами было отмечено сравнительно малое количество названий рыбы, диких животных и птиц, что может свидетельствовать о слабой зависимости жителей от охоты и рыбалки. В северо-восточных говорах ЛСГ «Природа» представлена преимущественно названиями животных и птиц, часть из которых заимствованы из языков коренных народов: *ара* (белобрюхая морская гагара), *баюн* (дикий олень), *ильпагим* (морж). Отмечено большое количество топонимов: *бадаран* (топкое, болотистое место), *булгуньях* (небольшой холм), *занавалочка* (участок болота, заросший травой метров на 20). Частотны номинации, обозначающие климатические условия и времена года: *ветренница* (весеннее время, ветренное и солнечное, когда хорошо высушивать белье), *глухое время* (время, когда нельзя заниматься промыслом).

Разнообразна лексика, входящая в ЛСГ «Постройки». Анализ номинаций показал, что в Амурской области есть лексемы, называющие сам дом (*изба*), постройки для хранения зерна, муки и других продуктов (*амбар*, *засек*, *истопка*), постройки для утвари (*дровяник*, *завозня*), постройки для скота (*баз*) и пчел (*зимовка*), баню (*баня-каменка*), чердак (*вышка*), погреб (*гребец*). У жителей Крайнего Северо-Востока, помимо номинаций дома (*дым* или *изба*), есть особые лексемы, обозначающие постройки для хранения припасов (*амбар*, *балаган*) и постройки для временной жизни в тайге (*заимка*, *зимник*).

Различаются номинации, связанные с ЛСГ «Термины родства». У жителей Амурской области чаще встречаются лексемы, обозначающие близких родственников. Большинство из этих номинаций заимствованы из белорусского и украинского языка, о чем свидетельствуют соответствующие пометы в словаре: *батя* (глава семьи), *жинка* (жена), *доня* (дочь), *братка*, *братухан* (братья) и *близнятки* (близнецы). В языке жителей Крайнего Северо-Востока, наоборот,

много номинаций, связанных с дальним родством: *братан* (троюродный брат), *дядюша* (дядя). Нами отмечена частотность лексем, обозначающих приобретенные родственные отношения: *алчинка* (любовниц), *байстрюк*, *выгонок* (внебрачный ребенок), *бабулька* (мать матери, взявшая к себе на воспитание внука после ее смерти), *вскормленник* (ребенок-приемыш), *вскормленница* (мать ребенка-приемыша).

В ходе исследования обнаружены совпадающие в обоих регионах лексемы. Например, *изба* (старый русский крестьянский дом), *бадьа* (широкое деревянное ведро), *биток* (специальное ведро для сбора ягоды), *бот*, *бат* (лодка, выдолбленная из цельного куска дерева), *валёк* (слегка изогнутый брусок, употребляется для катания белья), *вентер* (рыболовная снасть).

Однако также отмечено, что при совпадении фонетического, морфологического и грамматического облика лексем, используемых в обоих регионах, их семантическая составляющая может различаться. Некоторые примеры отражены в таблице ниже.

Номинация	Амурская область	Крайний Северо-Восток
<i>Голландка</i>	Печь, предназначенная для обогрева жилища.	Любая печь.
<i>Бродни</i>	Высокие сапоги, сшитые из кожи, длиной обычно до колен.	Сапоги, сделанные из нерпичьей кожи.
<i>Исподки</i>	Рукавицы.	Мягкая меховая варежка, надеваемая на рукавицу.
<i>Ичиги</i>	Кожаная, не пропускающая воду обувь на мягкой подошве с голенищами.	Род кожаной обуви без каблуков с голенищем, обязательно на завязках.
<i>Забела</i>	Смесь яиц, сливок, сливочного масла, которая добавлялась в чай.	Сметана или сливки как приправа к чаю.
<i>Амбар</i>	Постройка для хранения зерна, муки.	Постройка для хранения рыбы, мяса.
<i>Братан</i>	Родной брат.	Двоюродный или троюродный брат.
<i>Батя</i>	Отец.	Обращение младших к старшему брату.

Подводя итог, можно заключить, что региолекты Амурской области и Крайнего Северо-Востока имеют ряд различий.

Региолект Амурской области заимствует многие слова из украинского и белорусского языков. Это особенно заметно в бытовой сфере – украинские и белорусские лексемы обозначают посуду (*гличик*, *жбан*), продукты питания (*бульба*, *бурак*, *гарбуз*, *огурок*), членов семьи (*батька*, *жінка*, *доня*). Региолект Крайнего Севера-Востока России пополняется лексикой из автохтонных языков. В быту активно употребляются заимствования из якутского языка – названия блюд (*арака*), трав (*бердегес*), местности (*булгуньях*). Присутствуют заимствования из чукотского (*ильпагим*) и ламутского (*алачинки*) языков.

В Амурском регионе больше занимаются сельскохозяйственной деятельностью, поэтому преобладают лексемы, обозначающие инструменты для обработки земли (*гачка*, *грабарка*) и выращиваемые продукты питания (*бульба*, *гурок*). Для жителей Северо-Востока важнее охота и рыболовство, поэтому многочисленны номинации, обозначающие охотничье оружие (*баргат*, *батас*) и инструменты для обработки шкур (*аут*, *алхадни*), лодки (*бат*, *баркас*, *ветка*) и разнообразные виды рыбацких снастей (*восьмерик*, *девятирик*, *запод*). Важны для жителей Крайнего Северо-Востока и погодные условия, от которых зависит возможность добычи пропитания, что и отражается в лексике – присутствуют названия состояний природы (*ветренник*), времени суток (*вечёрось*, *ворано*). В региолекте Амурской области такого внимания к погодным условиям не отмечено.

В северо-восточном региолекте много специфичных терминов, связанных со средством передвижения жителей этого региона – оленьими и собачьими упряжками (*вертлюг*, *гончатый*, *бреска*). Упряжек нет в Амурской области, поэтому ЛСГ представлена преимущественно номинациями, называющими средства передвижения, необходимые для перевозки урожая (*гарба*, *волокуша*).

Стоит отметить, что одежда жителей Амурской области разнообразнее в плане материала (*атласовый, алленой*), в то время как у жителей Крайнего Северо-Востока в более суровом климате одежда преимущественно многослойная и сделанная из шкур животных (*гагля, варварка*).

Различается и кухня этих народов, что находит отражение в лексике: у жителей Амурского региона – блюда преимущественно из овощей, круп (*бабка, драники, дурачона*), а у жителей Северо-Востока России – рыба, мясо, (*варка, борча, волкоторжина*).

Охота и рыболовство не являются основным родом деятельности в Амурской области, поэтому в говорах преобладают номинации, обозначающие ягоды (*дурника, дикая роза*), растения (*аверьяновка, богородская трава, ванька мокрый*). У жителей северо-восточного региона доминирует иная лексика – номинации диких животных (*важенка, ведмедь, векиша*) и рыб (*восторуха, заинка*).

Дополнительные постройки есть у жителей обоих регионов, но они выполняют разные функции. Например, в Амурской области это *балаган* – шалаш, навес из прутьев, который используют для ночевки в поле во время сенокоса, а на Крайнем Северо-Востоке это *заимка* – временное жилье в тайге во время охоты.

Возможно, из-за суровых климатических условий жители Северо-Востока стараются держаться вместе и поддерживать связи с не самыми близкими родственниками, поэтому в их лексиконе есть такие слова, как *вскормленник, бабулька, дядюша*. Можно предположить, что не подвергаются осуждению измены – отмечено большое количество лексем, которые с используются без негативной окраски и обозначают внебрачных детей (*байстрюк, выгонок, девий*) или любовниц (*алчинка*). У жителей Амурской области меньше лексем для обозначения дальнего родства.

Рассмотренный лексический материал позволяет сделать вывод о том, что на территориях Амурской области и Крайнего Северо-Востока присутствуют индивидуальные языковые региональные черты.

Литература

1. Беликов, В. И. Литературная норма и лексические регионализмы. Доклад в Институте русского языка им. В. В. Виноградова. 23.11.06 г.
2. Бородина, М. А. Диалекты или региональные языки? // Вопросы языкознания, 1982. – Выпуск 5. С. 29-34.
3. Герд, А. С. Несколько замечаний касательно понятия «диалект» // Русский язык сегодня. Выпуск 1. М.: Азбуковник, 2001. – С. 45-52.
4. Ерофеева, Е. В. Вероятностные структуры идиомов: социолингвистический аспект. Пермь, Изд-во Перм. ун-та, 2005. – 320 с.
5. Зотов, Г. В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России под ред. А. А. Соколянского. Магадан, Изд-во СВГУ, 2010. – 539 с.
6. Майоров, А. П. Введение в лингвокраеведение Бурятии: учеб. пособие для студентов вузов. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. ун-та, 2010. – 114 с.
7. Оглезнева, Е. А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: материалы науч. экспедиций под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2013 – Выпуск. 10.
8. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах: материалы науч. экспедиций под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2013 – Выпуски 1, 2, 3, 4, 5.
9. Трубинский, В. И. Современные русские региолекты: приметы становления // Псковские говоры и их окружение. Межвузовский сборник научных трудов. Псков, 1991. – С. 156-162.

Мокрецова Л.А., Попова О.В.

АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия

Сибирская ментальность и ментальное профессиональное обучение: проблемы и перспективы

Аннотация. В статье рассмотрены особенности включения в педагогическую практику менталитета, как педагогов, так и обучаемых. Рассматривается особенность влияния сибирской ментальности на образовательную деятельность и особенности профессиональной подготовки студентов. Представлен авторский взгляд на формирование профессиональной ментальности, а также предложены к рассмотрению некоторые особенности ментального профессионального обучения.

Ключевые слова: менталитет, ментальность, сибирская ментальность, профессиональная ментальность, ментальное профессиональное обучение, менталеемкие сферы.

Известно, что в ментальности содержится нечто традиционное, составляющее ядро, а к нему со временем приживается новое, которое, в свое время и в свою очередь, превращается в традицию. Определение содержания этого ядра – это ключ к пониманию многих социальных процессов, основа для прогнозов и ожиданий, для успешности социальной практики [1].

На наш взгляд, имеется значительное влияние менталитета на образовательную среду и образовательную деятельность. Особенно заметно это в регионах, для которых традиции формировались веками, и также там, где традиции имеют устойчивое доминирование в социальной и профессиональной средах. К таким регионам относятся практически вся Сибирь. Алтай также имеет свои исторические корни формирования сибирской ментальности.

Любимый нами земляк, писатель Василий Макарович Шукшин так говорил о любимом Алтае: «Родина... И какая-то огромная мощь чудится мне там, на родине, какая-то животворная сила, которой надо коснуться, чтобы обрести утраченный напор в крови. Видно та жизнеспособность, та стойкость духа, которую принесли туда наши предки, живет там с людьми и поныне, и не зря верится, что родной воздух, родная речь, песня, знакомая с детства, ласковое слово матери врачуют душу» [2, с.10].

Сложно найти более емкое определение сибирской ментальности: животворящая сила, жизнеспособность, стойкость духа. Однако, не смотря на неоднозначную трактовку понятия ментальности у многих исследователей, обратившихся к изучению этого феномена, объединяет их всех некое общее отношение к ней как к особой системе: «системе глубинных способов видения мира»; «системе привычек сознания»; «системе качественных и количественных социально-психологических особенностей человека или социальной группы» и т.д. При этом такие свойства ментальности, как глубинность, стереотипность, устойчивость, не мешают воспринимать ее как подвижную систему: одновременно замкнутую и открытую, препятствующую и стимулирующую развитие культуры, в том числе и профессиональной [3, с.151].

Менталитет представляет собою критериальную основу личностного и общественного сознания. В связи с этим для учета особенностей сибирского менталитета в различных социальных процессах и явлениях следует различать:

- Менталитет социума, объединяющего все сообщества, коллективы, группы, всех индивидов, то есть ценности и установки, характерные для сибиряков и отличающие их от народов других регионов. Менталитет социума, некий менталитет народов Сибири – это исторически сложившаяся сибирская ментальность, которая непрерывно воспроизводится в сменяющихся поколениях и формирует индивидуальные черты сибирского характера.

- Общественный менталитет, проявляющийся на уровне группы, коллектива, сообщества, который различается по национально-этническим, профессиональным, возрастным и иным качествам. В условиях Сибири – это достаточно сильное почитание государственности, гражданственности, патриатизма.

- Индивидуальный менталитет, характеризующий конкретного человека, конкретную личность, который проявляется в персонифицированном восприятии окружающей действительности, накладывающий индивидуальные особенности участия во всех сферах жизни. В том числе для сибиряков это проявляется и в обучении, и профессиональном становлении [1].

Когда мы рассматриваем такую социальную сферу, как образование, то понимаем, что она тесно связана с ментальными реалиями и со всеми тремя, выделенными выше направлениям проявления менталитета. Особенно важным для профессионального образования является проявление общественного и индивидуального менталитета, которые способствуют успешности или не успешности профессиональной деятельности.

Сибирский менталитет не дал прижиться в Сибири образованию как совокупности систем оторванных от жизни научных знаний. Образование должно учитывать конкретную направленность сибирского характера на деятельность, на качественную, производительную работу и поэтому для профессиональных образовательных учреждений Сибири очень важно формирование такой ценности, как научно обоснованный профессионализм [4].

Проявлений различных свойств менталитета может быть неожиданно много уже на начальном этапе профессионального становления. На пример при профильном обучении в школе и, несомненно, эти проявления сибирской ментальности, сибирского характера невозможно избежать при профессиональном становлении в вузе. Ведь педагогу почти всегда неизвестно, с чем приходится иметь дело, и когда это «нечто» как-то себя проявит. Кроме того, необходимо еще и выявить особенности проявления сибирского менталитета в различных аспектах образовательной и социальной деятельности студента, так как это имеет значение при организации эффективной образовательной деятельности и формировании профессионального менталитета, способствующего успешности профессиональной деятельности [5].

Не менее важным является и согласование ментальных особенностей преподавательской деятельности и организации взаимодействия со студентами у преподавателей, которые берут на себя организующую и управленческую функции в образовательном процессе.

Сейчас все разговоры о менталитете вообще и сибирском менталитете в частности происходят чаще всего лишь на уровне мнений, потому что к исследованию этой проблемы только-только приступают. Вот и ежегодная конференция АГПУ им. В.М. Шукшина по сибирской ментальности – это также, можно сказать, первые попытки, да и по времени совсем недавние.

Мы понимаем, что сегодня учет и включение сибирской ментальности в процессы профессионального обучения и подготовки специалистов для сибирского региона и Алтая находится на стадии изучения. Тем не менее, мы считаем, что если ценности и установки внесены уже в определение менталитета, то и надо сейчас реально исследовать конкретные ценности и установки студентов, готовность каждого из них к тому или другому действию в процессе обучения. При этом необходимо учитывать ментальность при формировании индивидуальных образовательных траекторий, планировании успешности обучения и творческой направленности образовательной деятельности.

Университет Шукшина уже несколько лет применяет инновационный подход к методике преподавания дисциплин профиля. В методике преподавания дисциплин профиля, которые включаются в основные профессиональные образовательные программы исходя из системы взаимосвязей с базовой наукой и социальной практикой, определяющей ее приоритеты в социально-профессиональном пространстве, очень значимым является личностное персонифицированное освоение данных дисциплин каждым студентом. При этом инновационным подходом в нашем исследовании мы считаем целевое изменение в осознании профессиональной принадлежности каждого студента, поэтому обойтись в индивидуализации и персонификации образовательной деятельности без учета особенностей сибирской ментальности просто невозможно [6].

При реализации и оценивании в преподавании дисциплин профиля как единого объекта управления представляется важным выявление таких менталеемких сфер, которые могли бы указать на технологические и образовательные реальные возможности формирования профессиональной ментальности, способной поддержать равновесие, баланс между традиционными и инновационными сторонами обучения и будущей профессиональной деятельности [6,7].

Учет особенностей сибирской ментальности в профессиональной подготовке специалистов для Сибири и Алтая важен еще и потому, что, по мнению большинства исследователей, одной из базовых функций менталитета и ментальности является сохранение существующих в той или иной социокультурной среде традиций. В результате в периоды модернизаций, инструментом которых являются реформы, менталитет становится естественным противодействием их проведению, а соответственно, тормозом для процессов модернизации как профессионального образования, так и различных сфер деятельности выпускников вузов [7, с.153].

А нам необходимо подготовить специалистов XXI века, которые бы были двигателями прогресса и развивали в себе и в тех, с кем они трудятся стремление к продуктивному инновационному развитию своей сферы профессиональной деятельности

Это означает, что в условиях реформирования образования, которое непрерывно происходит в настоящее время, необходимо помнить, что именно ментальность может послужить катализатором инновационных процессов, выступить фактором, формирующим гражданскую идентичность, фактором цивилизационной безопасности [5].

Вопрос о ментальном основании образования особенно остро встает в педагогике XXI века, когда всем академическим сообществом отмечаются периоды смены образовательных парадигм. Проблемы, возникающие с реформированием отечественного образования в соответствии с целями и задачами Национального проекта «Образование», во многом объясняются игнорированием особенностей российской ментальности и ментальности региональной. В особенности той региональной ментальности на территории России, которая устоялась в конкретной социальной среде конкретного региона. Для Сибири и Алтая – это сибирская ментальность, которая влияет практически на все сферы социальной и профессиональной деятельности, в том числе и на инновационные процессы профессионального образования.

В процессе изучения особенностей сибирской ментальности и ее влияния на реализацию профессиональной подготовки студентов мы пришли к выводу, что ментальность – это не то явление, которое можно было бы проигнорировать или отменить.

Не вызывает сомнений, что ничто новое не может войти в жизнь, обрести подлинное социальное бытие, не укоренившись в сознании, не имея ментальной основы. Те же ментальные барьеры, тормозящие развитие, способны выступать и в роли фильтров, сдерживающих чуждые, неорганичные для сибирской культуры процессы, способные нарушить особенности социально-профессионального пространства и снизить эффективность профессиональной деятельности [3].

А потому знание и использование собственных ментальных ресурсов, как преподавателя, так и студента, на наш взгляд, повысит заинтересованность субъектов обучения в результатах профессионального образования и востребованность таких специалистов социальной и профессиональной средой. В ходе образовательного процесса, организованного с учетом ментальных особенностей его участников формируется новый феномен необходимый профессиональному пространству и социуму – это профессиональная ментальность, которая, как нам видится, связана с сибирской ментальностью при подготовке специалистов для Сибири.

Необходимо отметить две стороны профессиональной ментальности, которые связаны с:

- особой реальностью, которая проявляется в индивидуальных характеристиках профессионального образа мира человека, структуре его терминальных ценностей, психологической готовности к профессиональной деятельности, особенностях профессиональных установок;

- ментальностью сферы деятельности (образование, здравоохранение, социум, техника и технологии и др.), образованной индивидуальными ментальностями работающих людей [3, с.150].

При этом в организации образовательной деятельности и, особенно в профессиональной подготовке с учетом ментальности, а в нашем случае чаще всего сибирской ментальности, мы должны понимать, что сибирская ментальность – это, прежде всего, категория, социальная, а в более широком плане, и это так же нужно подчеркнуть особо, категория – моральная, нравственная [4].

Социально-нравственная составляющая, определяющая отношение студента, в дальнейшем и специалиста к различным сторонам профессиональной деятельности, к сотоварищам по данному виду деятельности, главенствует в дуальных категориях, характеризующих менталитет, не говоря уже о категориях религиозных и философских, образовательно-педагогических [7].

При этом наш опыт показал, что учет особенностей сибирской ментальности у студентов способствует успешности инновационных процессов характерных для ментального профессионального обучения, формирующего профессиональную ментальность будущих выпускников.

Ментальное профессиональное обучение – это выявление потенциала, совершенствование представлений о конкретной образовательной области и обогащение воображения, рост уверенности в себе и повышение самооценки, адаптивность к образовательной и профессиональной среде, развитие умения переключаться между разнопредметными заданиями и многое другое, базирующееся на внутреннем восприятии студента. Все это, конечно же, невозможно без выявления и использования ментальности.

Подводя итог вышесказанному, мы вынуждены констатировать, что:

1. Исследование менталеобразующих функций образования является принципиально новым и незначительно исследованным направлением даже в самой своей постановке.

2. В ментальном профессиональном образовании, независимо от уровня и профиля, необходимо решение следующих главных задач:

- трансляции из поколения в поколение и закрепление в каждом последующем из них исторически сложившихся, наиболее стабильных духовных, мировоззренческих и культурных ценностей соответствующего социально-профессионального пространства;

- обогащения индивидуальных и общественных ментальных качеств профессионала общечеловеческими и территориально значимыми нравственными ценностями.

3. Для успешности профессиональной подготовки студентов и их эффективной работы после выпуска в Сибири и на Алтае необходимо:

- знание структуры сибирской ментальности;
- изучение особенностей профессиональной ментальности в конкретной профессиональной области и для конкретных социальных и профессиональных сообществ;
- организация образовательной деятельности с учетом ментальности педагогов и студентов.

4. Включение в образовательную деятельность технологий ментального профессионального образования будет способствовать:

- успешной реализации Национального проекта «Образование» в каждом регионе и каждой образовательной организации;
- персонификации профессиональной подготовки для каждого студента;
- востребованности и успешной профессиональной деятельности после окончания вуза;
- позитивной социализации и включенности в социально значимые виды для конкретного региона деятельности.

5. Требуется глубокого и долговременного исследования проектирование ментального профессионального обучения с учетом ментальности (в нашем случае сибирской ментальности) как педагогов, так и студентов.

Литература

1. Лисичкина Е. Теоретические основы проблемы ментальных особенностей самосознания // Известия российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Психология. 2009. № 113. С. 265–272.
2. Горн В.Ф. Василий Шукшин. Штрихи к портрету. – Москва: Просвещение., 1993.

3. Арынгазин К.А., Сардибекова Б.Т. Менталитет - субстанция духовная, образовательная и воспитательная. //Сибирский педагогический журнал. 2018. № 1(11). С. 149-159.
4. Мокрецова Л.А., Попова О.В. Сибирская ментальность: альфа и омега духовности образования и воспитания// Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований [Электронный ресурс]: Материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Василия Макаровича Шукшина (Бийск – Сростки, 28-29 июня 2019 г.) / Отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГППУ им. В.М. Шукшина, 2019. С.112-117
5. Наумов И. В. Ментальные характеристики российского образования: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. философ.наук. Новочеркасск, 2009.
6. Мокрецова Л.А., Попова О.В., Довыдова М.В., Романова Л.А. Инновационный подход к методике преподавания дисциплин профиля в вузе// сборник статей VIII Всероссийской научно-практической конференции «Результаты современных научных исследований и разработок» (Пенза, 15 февраля 2020 г). С. 151-157
7. Дорохова Т.С. Профессиональная ментальность российского педагога // Педагогическое образование в России. 2016.№3. С.126-131

УДК: 130.2

Назарова Ю.В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Экзистенциальные смыслы прозы В. Шукшина в аспекте мотива смерти

Аннотация. В статье рассматривается философская проблематика художественного наследия В.М. Шукшина, определяются экзистенциальные смыслы его произведений, выявляется нравственная составляющая этих смыслов, в аспекте мотива встречи со смертью; анализируется актуальность философской прозы Шукшина в ситуации трансформации нравственных ценностей и экзистенциального кризиса современного общества.

Ключевые слова: философия существования, смерть, ностальгия, философствование, истина, совершенствование склада души, конфликт нравственных ценностей, абсурд.

Проза В. Шукшина пронизана философией повседневности, что наполняет его произведения особым экзистенциальным смыслом. Философия его сюжетов и персонажей многогранна, и ее условно можно было бы разделить на следующие темы:

- философия жизненных смыслов
- философия абсурда
- конфликт нравственных ценностей поколений
- нравы поколений
- нравственная философия жизни как путь поиска истины

Национальная ментальность показана у Шукшина неотделимой от философской рефлексии; в этом смысле, его попытка описать русского (советского) человека, показывает, что философствование является частью характера нации – той частью, которая в какой-то степени заменила религиозность. Философствование по Шукшину (почти как по М.Хайдеггеру) – это ностальгия [1]. Но, если, согласно Новалису, ностальгия – это «желание повсюду быть дома» [1] (чувствовать себя своим – в доме бытия), и невозможность осуществления этого желания, то русский писатель показывает, что философствование – это ностальгия по смыслу бытия. Этот духовный смысл был, в какой-то степени, утрачен вместе с религиозностью. Беспокойство от утраты этого смысла, его поиски, прослеживается в сюжетах, связанных со старостью, осмыслением жизненных неудач, моментами нравственного выбора, осознанием пустоты бытия. Канвой этих сюжетов является повторяющийся мотив смерти. Именно смерть заставляет персонажей прозы Шукшина задуматься о смысле бытия; так, «желание жить у героев Шукшина –

не только оттого, что «не насмотрелся», «не нарадовался» окружающему миру. Глубинный смысл этого желания – понять сокровенный смысл жизни» [5].

Тоска по духовному смыслу описывается автором как тоска целого поколения, представителем которого он являлся. Так, в рассказе «Дед Ермолай», В. Шукшин ведет философский монолог, рассуждение, наполненное предельными вопросами: «Ермолай Григорьевич, дядя Ермолай. И его тоже поминаю – стою над могилой, думаю. И дума моя о нем – простая: вечный был труженик, добрый, честный человек. Как, впрочем, все тут, как дед мой, бабка. Простая дума. Только додумать я ее не умею, со всеми своими институтами и книжками. Например: что́ был в этом, в их жизни, какой-то большой смысл? В том именно, как они ее прожили. Или – не было никакого смысла, а была одна работа, работа... Работали да детей рожали. Видел же я потом других людей... Совсе не лодырей, нет, но... свою жизнь они понимают иначе. Да сам я ее понимаю теперь иначе! Но только когда смотрю на эти холмики, я не знаю: кто из нас прав, кто умнее? Не так – не кто умнее, а – кто ближе к Истине. И уж совсем мучительно – до отчаяния и злости – не могу понять: а в чем Истина-то? Ведь это я только так – грамоты ради и слегка из трусости – величаю ее с заглавной буквы, а не знаю – что она? Перед кем-то хочется снять шляпу, но перед кем? Люблю этих, под холмиками. Уважаю. И жалко мне их» [4].

Что В. Шукшин подразумевал под истиной (или Истиной)? Он противопоставляет истину уму (не кто умнее, а кто ближе к истине). Истина – это то, что нельзя постичь при помощи ума, а можно почувствовать только сердцем. То есть, финальные слова вышеприведенной фразы (люблю, уважаю, жалко) – ближе к истине, по Шукшину, чем сложные философские рассуждения. Таким образом, истина лежит скорее в нравственной сфере, в особенности склада души. Является ли этот монолог рассуждением о столкновении двух смыслов жизни, и какой из них ближе к истине? Если да, то, в этом случае речь идет о сравнении особенности склада души предыдущих поколений и поколения автора, который намекает на то, что новое поколение ушло от смысла бытия еще дальше, чем предыдущее.

Именно смерть рассматривается у Шукшина, как нечто, обнажающее эту истину, высвобождающее нравственное начало. Вот почему, по мнению некоторых исследователей, философия существования в прозе Шукшина тесно связана с нравственной философией: «В отношении Шукшина к смерти – проявление народных нравственных начал... То, как умирает человек, многое проясняет в том, как человек жил... Сколь конкретной была жизнь, столь конкретна и сама приближающаяся смерть. Прощание с жизнью – это прощание с родным Домом...» [6].

Но, трагедия смерти, как показано в прозе Шукшина, заключается не в окончании существования, а в его абсурдности. Шукшинские персонажи – чудаки, «чудики», непризнанные гении, деревенские философы и дон-кихоты, ищущие правды – являются трансляторами этого абсурда, заменяя традиционные для русской культуры образы юродивых, гротескно показывающих правду бытия. По словам самого Василия Шукшина «Есть на Руси еще один тип человека, в котором время, правда времени вопиет так же неистово, как в гении, так же нетерпеливо, как в талантливом, так же потаенно и неистребимо, как в мыслящем и умном... Человек этот – дурачок. Это давно заметили (юродивые, кликуши, странники не от мира сего – много их было в русской литературе, в преданиях народных, в сказках)...» [2].

Абсурдность существования, заставляющая острее прочувствовать трагедию смерти, на наш взгляд, складывается, по В. Шукшину, из нескольких факторов:

- подмена экзистенциальных смыслов. Такие ситуации показаны в рассказах «Билетик на второй сеанс», «Жена мужа в Париж провожала», «Мой зять украл машину дров», где описывается погоня за материальными ценностями, появляющаяся вследствие так называемого мещанства, формирующего стереотипы материального благополучия. В определенный момент истории такое мировоззрение стало одной из черт поколения 70-х, 80-х годов XX века, достигнув пика в последующих десятилетиях. Эта проблематика определяет такой философский мотив в шукшинской прозе, как конфликт нравственных ценностей поколений, в определенной степени отвечая на вопрос об Истине. Так, Василий Макарович вспоминает в монологе «Слово о малой Родине» о деревенской жизни: «Собственно, вокруг работы и вращалась вся жизнь. Она

начиналась рано утром и затихала поздно вечером, но она как-то не угнетала людей, не озлобляла – с ней засыпали, к ней просыпались. Никто не хвастался сделанным, не оскорбляли за промах, но – учили... Никак не могу внушить себе, что это все – глупо, некультурно, а думаю, что отсюда, от такого устройства и самочувствия в мире, – очень близко к самым высоким понятиям о чести, достоинстве и прочим мерилам нравственного роста человека: неужели в том только и беда, что слов этих «честь», «достоинство» там не знали? Но там знали все, чем жив и крепок человек и чем он – нищий: ложь есть ложь, корысть есть корысть, праздность и суесловие... Нет явления в жизни, нет такого качества в человеке, которое бы там не знали, или, положим, знали его так, а пришло время, и стало это качество человеческое на поверку, в результате научных открытий, вовсе не плохим, а хорошим, ценным. Ни в чем там не заблуждались, больше того, мало-мальски заметные недостатки в человеке, еще в маленьком, губились на корню... Я не стремлюсь здесь кого-то обмануть или себя, например, обмануть – нарисовать зачем-то картину жизни идеальной, нет, она, конечно, была далеко не идеальная, но коренное русло жизни всегда оставалось – правда, справедливость. И даже очень и очень развитое чувство правды и справедливости, здесь нет сомнений. Только с этим чувством люди живут значительно. Этот кровный закон – соблюдение правды – вселяет в человеке уверенность и ценность его пребывания здесь, я так думаю, потому что все остальное прилагается к этому, труд в том числе, ибо правда и в том, что – надо есть» [3].

- потеря корней. Потеря Родины, дома, связанная, например, с переездом в город, отделение от земли (ситуация, немыслимая для крестьянина) ассоциируется у Шукшина с потерей пути к истине. В этом случае Шукшин опять перекликается с Хайдеггером: ведь если ностальгия – это желание повсюду быть дома – то, по Шукшину, потеря дома усиливает ностальгию, наполняя душу безнадежной тоской. В «Слове о малой Родине» Шукшин говорил: «Те, кому пришлось уехать (по самым разным причинам) с родины (понятно, что я имею в виду так называемую «малую родину»), – а таких много, – невольно несут в душе некую обездоленность, чувство вины и грусть. С годами грусть слабеет, но совсем не проходит. Может, отсюда проистекает наше неловкое заискивание перед земляками, когда мы приезжаем к ним из больших «центров» в командировку или в отпуск. Не знаю, как другие, а я чего-то смущаюсь и заискиваю. Я вижу какое-то легкое раздражение и недовольство моих земляков чем-то, может, тем, что я – уехал, а теперь, видите ли, – приехал. Когда мне приходится читать очерки или рассказы других писателей о том, как они побывали на родине, я с удивлением не нахожу у них вот этого вот мотива: что им пришлось слегка суетиться и заискивать. Или у них этого нет? Или они опускают это потом, вспоминая поездку?...» [3]. Поэтому можно предположить, что потеря корней, по Шукшину, предполагает своего рода, духовную смерть: так, например, его персонажи принимают самостоятельное решение о смерти, которое кажется на первый взгляд спонтанным, но это не так – автор намекает, что они уже давно находятся в процессе умирания, и это невозможность постижения истины приводит их к отчаянию и смерти.

Можно сделать вывод, что философские мотивы прозы В.М. Шукшина, в аспекте темы смерти, структурируются следующим образом:

1. Экзистенциальный кризис поколения в прозе Шукшина выражается в потере корней, в утрате дома, что заставляет почувствовать ностальгию, как желание повсюду быть дома – как в доме, которого уже нет. С одной стороны, это напоминает библейскую легенду об утраченном Рае, потерянной Истине, которая заменена знанием (плодом с Дерева добра и Зла), однако Истину можно постичь не умом, а сердцем. С другой стороны, ностальгия формирует фундаментальное философское настроение, которое и является началом философствования.

2. Философствование – одна из черт национального характера, но философствование, как поиск Истины (по Шукшину) – процесс нравственного характера, процесс усовершенствования склада души, который достигает своего пика в момент умирания, когда вся тоска по Истине концентрируется в экзистенциальном вопросе о смысле бытия. Признание абсурдности существования и существование по правилам абсурда в этом случае честнее и ближе к правде.

Проблемы, описанные В.М. Шукшиным, возможно, еще более актуальны для современного человека, чем для современников писателя. Мы живем в ситуации трансформации нравственных ценностей и формирования новых смыслов, и как никогда становимся далеки от дома, от своих

корней, что вызывает еще большую ностальгию и заставляет задавать еще больше предельных вопросов, которые еще долго не найдут ответов в новой реальности формирующейся цифровой эпохи. Вот почему творческое наследие Шукшина еще будет переосмыслено с этической, экзистенциальной и аксиологической точек зрения.

Литература

1. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики: Мир – Конечность – Одиночество. Перевод: В.В. Биbihин, А.В. Ахутин, А.П. Шурбелев / Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2013. – С. 26-28.
2. Шукшин В. М. Нравственность есть Правда // Шукшин В. М. Собрание сочинений в пяти томах. – Б.: «Венда», 1992. – Переиздание – Е.: ИПП «Уральский рабочий». Т. 5. Рассказы, публицистика – С. 401–413.
3. Шукшин В. М. Слово о малой Родине // Шукшин В.М. Собрание сочинений в пяти томах. – Б.: «Венда», 1992. – Переиздание – Е.: ИПП «Уральский рабочий». Т. 5. Рассказы, публицистика – С. 424–430.
4. Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 3 /Сост. Л. Федосеева-Шукшина. Коммент. Л. Анниского. – М.: Мол.гвардия, 1993. – С. 78-79.
5. Протоиерей Сергей Фисун. О духовных исканиях В. Шукшина. – Режим доступа <https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fpravoslavie.ru%2F124279.html>
6. Galina Binová «Экзистенциальные мотивы в прозе В.Шукшина) – Режим доступа https://digilib.phil.muni.cz/bitstream/handle/11222.digilib/132766/LitterariaHumanitas_016-2012-1_6.pdf

УДК: 371.39

Нечаев В.А.¹, Быкова А.А.²

¹ Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург, Россия

² УГПУ, г. Екатеринбург, Россия

Подходы к реализации органической парадигмы образования в школьном обучении иностранному языку

Аннотация. в статье предпринимается попытка подвести теоретические основы для задействования личностных актов сознания и деятельности учащихся в школьном обучении иностранному языку, а также обозреть результаты образовательной деятельности в русле органической парадигмы.

Ключевые слова: ценности, сознание, личностный смысл, поликультурный диалог, двойник, собеседник, значимый человек, внутренний диалог, органическая парадигма.

Педагог в современной школе находится в двойственном положении: с одной стороны, английский язык в связи с процессом мировой глобализации становится все более востребованным в школьном образовании, с другой - методические инновации затрагивают лишь соотношение лексики и грамматики, мнемонические приёмы освоения языка, и т.д., но не покушаются на саму парадигму схоластической традиции. Уже 2-3 десятка лет звучат призывы эволюции от знаниево-центристской парадигмы образования к личностно и ценностно-ориентированной, которые далеки от исполнения.

Положение усугубляется спецификой самого языка, который должен предстать перед учеником как живая реальность, значит, во всей полноте потенциала сознания его субъектов, как действующих, так и присутствующих уже только виртуально. Не случайно выдающийся отечественный психолог Л.С. Выготский связывал мышление и речь, которые укоренены в одном подводном слое смыслов. Иными словами, изучение языка требует общения, которое затрагивает не превратные надуманные темы, а актуализирующие личностный смысл ученика. Разумеется, это

живое общение где повышается ценностный статус его участников (сознание ученика -не полигон для обкатки методических подходов и схем обучения), а также и самого языка, как "дома смысла" (М. Хайдеггер), как родного, так и иностранного.

Таким образом, в школьном обучении языку нуждается в преодолении антиномия: язык изучается как феномен сознания человека с целью реализации человеческой интерсубъективности, однако, методика изучения языка зачастую безлична, не задействует высшие личностные акты сознания и деятельности учащегося.

Данный идеал может реализовываться в нескольких направлениях, которым должно быть свойственно повышение онтологического статуса урока, общения, встречи Я и Ты.

Во-первых, здесь имеется традиционный путь повышения представленности для учащегося интересности и глубины самого языка, которые неизменно находят отклик в душе учащегося. Этим путём пользуются многие учителя иностранного языка, вводя в учебный материал данные этимологии и исторических коллизий языка, показывая потенциал и высоту человеческой мысли в лице лучших представителей культуры изучаемого языка (писателей, поэтов, философов, общ. деятелей). В этом случае распредмечиваются заложенные в языке жемчужины мысли, когда-то введенные в язык чьим-то сознанием и ставшие нарицательными и общеупотребительными. Связь изучения языка со знакомством с культурой его носителей - путь несущий несомненную пользу для овладения иностранной речью. Укажем, что здесь имеется возможность для развертывания поликультурного диалога, которой, к сожалению, недостаточно пользуются в школе.

Во-вторых, погружение в пространство интерсубъективности позволяет онтологизировать учебно-познавательный процесс, поскольку личностное бытие - очевидная реальность для человека как социального существа. Ключ, открывающий дверь этого пространства, - диалог, в котором встречаются участвующие (М.М.Бахтина) сознания собеседников. Данный путь предполагает претворение слова в поступок, следовательно, должен быть устроен ценностный контекст в образовательном пространстве и сложен круг ответственных друг перед другом участников. Здесь главной трудностью оказывается подвести учащегося к открытию собеседника, разоблачить тот обычный облик Другого в его масочной, ролевой, типической, опошленной призрачности. Формула "превратить двойника (имеется в виду моего) в собеседника" (А.А.Ухтомский) становится тогда руководящей для учителя. Путь воспитания подлинно гуманитарной культуры собеседника, способного участвовать в культуротворчестве вместе с другим, возможен, только начиная с отрочества, и требует значительных усилий. Но с какой самоотдачей и скрупулёзностью будет осваивается языковая оболочка языка, если требуется сквозь нее прорваться к смыслу бытия значимого человека!

В-третьих, упор в педагогической работе может быть сделан на психологическую область "Я" самого познающего язык субъекта. Изучение языка по-настоящему всегда некий "геологический сдвиг" внутреннего мира ученика, ведь в "иностранном" все иначе, начиная от произношения, мелодики речи, кончая складыванием мысли и художественно оформившимся результатом - стилистикой текста. Не будет преувеличением сказать, что изучение языка таит в себе знакомство с "философией и методологией жизни", "мыслетворчеством", отличным от родного национальным космосом. В таком варианте мы способствуем бытованию иностранного языка в ментальных слоях самого познающего субъекта, согласно Я-концепции Р. Бернса, в его Я-идеальном, Я-коммуникативном, Я-биографическом, Я-актуальном. Внутри этих сфер совершается внутренний диалог по мотивам семиосферы иностранного, где в качестве возможного встретим, примеривание "одежд" мысли и поведения иностранца (что можно взять для себя), фантазирование вариантов построения новой судьбы сквозь призму усилившихся возможностей владения иностранным, чувство на вкус всего экзотического из иностранного языка (звуков, типичных фраз, крылатых выражений, и т.п.), спор и обретение смысла справедливости рождения у себя на родине, самоопределение "кто я?". Несомненно, искусство способно ещё более усилить эффект самоидентификации через язык, особенно если язык будет персонифицирован персонажами англоязычного мира, как привлекательными, так и мистичными для субъекта. Мир искусства, наиболее понятный для ученика, предоставит соответствующий материал для его личностных прозрений.

Педагог должен отчётливо представлять себе тот результат образовательной деятельности, который возникает как плод его усилий. Самый правильный путь описания результатов педагогической работы связан с характеристикой самой личности выпускника соответствующего уровня образования. Что прочит органическая парадигма в изучении иностранного языка?

Представим несколько линий развития ученика в органической парадигме:

Во-первых, очевидным результатом является возникновение объемного "голографичного" мышления, взирающего на мир сразу с нескольких позиций, воспитанных соответствующим национальным гением народа. Английский, немецкий, французский, русский и др. национальные космосы становятся спутниками мысли полиглота, способствуют тому внутреннему пульсированию мысли, сотканному из процессов анализа-синтеза разнородных идей. Человек, расширивший горизонт представлений о мире до пределов нескольких этносов становится подлинно цивилизованным человеком, поскольку он "обходит мировое поле смыслов бытия, срывая каждого рода цветки для себя" (Н.Я. Данилевский). Недаром один из популярных сборников тогдашней мировой мудрости, идущей от греков, в Древней Руси именовался "Пчела".

Во-вторых, подлинным образованием может быть названо то, которое ориентирует учащегося на терминальные жизненные цели (цели-задания по С.И. Гессену) и включает этим в процесс культуротворчества, т.е. воплощения своих сущностных сил в решении вечных проблем человека и человечества. В таком случае область иноязычной культуры становится более широким жизненным полем для культуротворчества личности. Ярким примером может служить русская эмиграция и рассеяние в 20 веке, которое оплодотворило мировую культуру: литературу, музыку, общественную мысль целых континентов.

В-третьих, истинно человеческим способом бытия оказывается постоянное пребывание человека в интенции к миру, в диалоге, если не во внешнем, то во внутреннем. По слову М.М. Бахтина, анализировавшего творчество Ф.М. Достоевского, "Быть - значит общаться диалогически". Изучение глубоко отличного мира другой культуры и языка запускает такой процесс диалога на основе национальных, ментальных, ценностных различий. Неуспокоенный мир интеллигенции в России всегда чувствовал это силовое поле мировых проблем человечества.

В-четвёртых, начавшийся межкультурный, межнациональный диалог формирует здоровое национальное чувство, которое возможно лишь тогда, когда любовь к Отечеству оказывается зрячей, а не слепой. Для этого, как пишет И.А. Ильин "... национальное самочувствие ребенка должно быть ограждено от двух опасностей: от националистического самомнения и от всеосмеивающего самоунижения." (И.А.Ильин "О национальном воспитании"). Первая опасность истребляется нахождением разумной меры внутреннего - национального и внешнего - мирового интереса и устремленностей личности. Понять историческую миссию Отечества возможно только на фоне судеб целого мира и других наций, что велит обратиться к иным культурам.

Если сказать о формах образования в русле данного подхода к изучению языка, то с необходимостью следует вывод, что рамки урока оказываются тесными для него. Функциональность присутствия учителя, заданность программы, наличие нескольких разобщенных микрогрупп в классе, могут оказаться препятствием для упомянутых трёх путей. Скорее всего речь может идти о деятельности в частной школе или в форме кружка.

Литература

1. Бахтин М.М., К методологии гуманитарных наук/эстетика словесного творчества, М, «Искусство», 1979г. С.363-364.
2. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советский писатель. 1963. 234 с.
3. Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. -422с.
4. Гессен. С.И. Основы педагогики: введение в прикладную философию. М.: "Школа-пресс", 1995.
5. Данилевский Н.Я., Россия и Европа: взгляд на культурно-исторические и политические отношения славянского мира к германо-романскому/Н.Я. Данилевский. - СПб.: Глаголь, 1995. -514с
6. Ухтомский А.А. Доминанта как рабочий принцип нервных центров// Собрание сочинений. –Л.1960. - Т.1. -с.163-173
7. Хайдеггер, М. Путь к языку / М.Хайдеггер Время и бытие. М., 1993. С.271

Островая Ю.С.

*НГУЭУ, г. Новосибирск, Россия
АГГПУ им. В.М. Шукшина, г. Бийск, Россия*

Концепт «гендер»

Аннотация. В первой части статьи автор рассматривает понятия «концепт» и «гендер», приводит различные определения этих терминов, говорит о том, какой оппозицией представлен «гендер». Во второй части описывает русскую и французскую языковую картины мира, представляя фразеологический фонд языков, а также основное внимание уделяется сравнению встречаемости термина «гендер» и лексических единиц «мужчина/женщина» в русском и французском языках в синхронных корпусах GoogleIngram.

Ключевые слова: концепт, гендер, мужчина, женщина, Google Ingram, русская языковая картина мира, французская языковая картина мира.

Современная наука имеет комплексный характер, накоплено много материала по концепту «гендер» и пониманию сущности этой категории способствует осмысление специфики понятий «концепт» и «гендер».

В настоящее время во многих гуманитарных науках, включая лингвистику, начали широко использовать термин «концепт».

У этого термина обнаруживается большое количество дефиниций, существуют различные подходы к пониманию «концепта», так как он является одним из ключевых в исследовании этнической языковой картины мира (ЯКМ) как вариант плана содержания [4]. В данной области могут быть выделены работы таких авторов как: С.А. Аскольдов-Алексеев, Д.С. Лихачев (1993), Ю.С. Степанов (1997), А. Вежбицкая (1992, 1996, 1999), А.П. Бабушкин (1996), Н.Д. Арутюнова (1988, 1991, 1999), Ю.Д. Апресян (1995), С.Х. Ляпин (1997), В.И. Карасик (1996, 1997).

Известно, что русский мыслитель и философ С.А.Аскольдов-Алексеев стал первым вводить в область современного знания этот термин, определяя «концепт» как мысленное образование, которое замещает в процессе осмысления неопределенное множество предметов одного и того же рода. Изучение многочисленной литературы дает основание считать, что чаще «концептом» называют идею или представление ума, которое сокращает и обобщает множество эмпирических или ментальных объектов путем абстрагирования и обобщения идентифицируемых общих черт. Согласно Канту, «концепт» объединяет разнообразные ощущения. Концепты представляют собой наше знание об окружающих нас живых существах и объектах, которые реализуют «базовую когнитивную сущность, позволяющую связывать смысл со словом» и «с психологической точки зрения выполняют функцию категоризации» [2]. Таким образом, «концепт» — это информация о мире, который формируется из ассоциации с другой информацией.

Рассмотрев термин «концепт», обратим внимание на термин «гендер». Существует множество определений и трактовок этого термина.

Первоначальная идея Роберта Столлера в 1968 году заключалась в том, что нет полного соответствия между понятиями биологический пол (секс) и «гендер». А чуть позже в 1972 году американке Энн Уокли в книге «Пол, гендер и общество» удалось развести понятия «пол» и «гендер», обозначив «пол» биологическими особенностями между мужчиной и женщиной, видимой разницей в гениталиях, воспроизводящей или репродуктивной функцией, а «гендер» - социальным феноменом [7]. Роберт Столлер пишет, что гендер изначально детерминирован концептами культуры и является характеристикой, приобретенной после рождения индивида [6].

В работах М. Розальдо, Л. Ламфере, Р. Унгер, А. Рич, Г. Рабин понятие «гендер» определяется как "набор соглашений, которыми общество трансформирует биологическую сексуальность в продукт человеческой активности" [3].

Итак, «гендер» - понятие англосаксонского происхождения, выражающее гендерные отношения, пол, социальные отношения пола, социальный пол, гендерное равенство.

Человек по природе своей предстает в двух плоскостях: мужчина и женщина, следовательно, концепт «гендер» представлен оппозицией «мужчина» и «женщина». Концепты «мужчина и женщина» рассматриваются как совокупность психологических, социальных, поведенческих характеристик, как культурный феномен (гендер) [Абубикирова, 1996; Бок, 2000; Воронина, 2001; Гидденс, 1999; Горошко, 1999; Кирилина, 1999 и др.] [8].

В русской и французской языковой картине мира концепт «гендер» ярко представлен в пословицах и поговорках, так как чаще всего традиционное лингвокультурное сознание находит отражение в фольклоре. Анализ русского и французского фразеологического фонда показал, что категории «мужское» и «женское», формирующие концепт «гендерности», в традиционной лингвокультурологической ментальности противопоставляются по следующим признакам:

1) языковые особенности у мужчин и женщин:

«Бабья вранья и на свинье не объедешь» (рус.);

«Мужик ражий, да язык-то вражий» (рус.);

« Elle est bavarde comme une pie » - « Она болтлива как сорока » (франц.);

2) социальные роли:

«Худо мужу тому, у кого жена большая в доме» (рус.);

«Не то смешно-жена мужа бьет; а то смешно, что муж плачет» (рус.);

« Où la femme règne, le diable est premier ministre » - « Где жена правит, черт-премьер министр » (франц.);

« Femmes sont anges à l'église, diables à la maison et singes au lit » - « В людях ангел, не жена, дома с мужем сатана » (франц.);

3) виды деятельности:

«Жена пряди рубашки, а муж тyani гуж» (рус.);

«Муж молоти пшеницу, а жена пеки паляницу» (рус.);

« En mer calme tous sont pilotes » - « В тихую погоду и баба правит » (франц.);

4) внешний вид:

«Глупому мужу жена красна дороже красного яйца» (рус.);

« Choisissez votre femme par l'oreille bien plus que par les yeux »- «Жену выбирай не глазами, а по славе (или ушами)» (франц.);

5) характер:

«От плохой жены состаришься, от хорошей помолодеешь» (рус.);

«Стужа да нужна, а лучше худого мужа» (рус.);

« C'est la bonne femme qui fait le bon mari » - « Хорошая жена делает хорошим и мужа » (франц.);

6) «брачные» отношения:

«И в раю жить тошно одному» (рус.);

«Всяк невеста для своего жениха родится» (рус.);

« Mariage prompt, regrets longs » - « Женился на скорую руку, да на долгую муку » (франц.);

Большая часть пословиц и поговорок раскрывает социальные роли мужчин и женщин, касается видов их деятельности, показывают у них определенный стандарт социального поведения: «Жена пряди рубашки, а муж- тyani гуж» (рус.); «Без мужа голова не покрыта; без жены дом не крыт» (рус.); «Жена мужу пластырь, муж- жене пастырь» (рус.); « Femme querelleuse est pire que le diable » - « Злая баба в доме - хуже черта в лесу » (франц.); « Femme bonne vaut couronne » - « Хорошая жена - клад » (франц.).

Также во второй части статьи представляется интересным сравнить встречаемость термина «гендер» и пары слов «мужчина/женщина» в русском и французском языках в синхронных корпусах GoogleIngram.

Впервые термин «гендер» в русском и французском языках обнаруживаются в разное время. Так, во французском языке «concept de genre» - в 1834 году, а в русском языке только в 1984 году (GoogleIngram). Но и в русском и французском языках частотность была минимальной вплоть до

конца XX века. И, если сравнивать данные по термину “гендер” в двух языках, то можно сделать вывод, что резкое увеличение встречаемости приходится на 1 десятилетие 2000-х годов, и графики частотности показывают примерно одинаковый процент встречаемости в один и тот же период. Это объясняется тем, что все в большей степени место человека в обществе, его социальная роль детерминируется не полом человека, а его личностными характеристиками.

При сравнении данных по лексическим единицам «мужчина/женщина» в русском языке и «homme/femme» во французском в GoogleIngram выявилось следующее: в русском языке встречаемость слова «женщина» в 2 раза чаще, чем у «мужчины». Во французском языке обратная картина: частотность «мужчины» выше, чем «женщины» также в 2 раза. Чем это может объясняться?

Сначала рассмотрим причины в русском языке. К истории слов «мужчина и женщина» в своих работах обращались многие видные ученые, в том числе В. В. Виноградов: «... с XIV – XV веков начинает активизироваться в русском языке на базе основного словарного фонда образование имен существительных с суф. -щин, а с XIII – XIV веков с суф. -щина. Именно к этому периоду относится образование слов «женщина и мужчина».

Итак, В.В. Виноградов в своей работе «История слов» связывает появление этих слов со словообразовательными процессами в языке: суффикс –”ина” был добавлен к прилагательному «женскъ». И это было сделано позже, чем добавление того же форманта к прилагательному «мужскъ». По мнению ученого, в русский литературный язык слово «мужчина» вошло только в XV-XVI веке, так как в труде И.И. Срезневского «Материалы для словаря древнерусского языка» это слово не указано.

Известно, что первоначально слово «женщина» использовалось только в разговорном языке и эта ситуация наблюдалась вплоть до конца XVII века, так как социальная роль женщины была строго очерчена и ограничивалась домом и воспитанием детей. В начале XVIII века в связи с разрушением старого уклада жизни, насаждением западной культуры, появлением светского этикета, возрастающей роли женщины это слово вошло в литературный язык и стало широко использоваться.

Что касается французского языка, то в этом языке есть слово «homme», которое включает понятия и «мужчина», и «женщина». Однако понятие «женщина» лишь формально включено в данную дефиницию. Общечеловеческое понятие l’homme больше является категорией маскулинной, чем фемининной, поэтому во французском языке наблюдается отождествление понятий «человек» и «мужчина», интегрированных в понятие l’homme. По данным GoogleIngram встречаемость пары «homme-femme» выше, чем «femme-homme» [9].

Иерархия «мужчина» важнее «женщины» во французском языке, что вызывает удивление, потому что в русском языке наблюдается другая картина: для русской культуры «женщина» имеет более высокую значимость, чем «мужчина». По данным того же корпуса встречаемость пары «женщина-мужчина» выше, чем «мужчина-женщина».

В заключение необходимо отметить, что концепт «гендер» в русской и французской языковой картинах мира представлен в образах «мужчины» и «женщины». Этот феномен хорошо просматривается в фразеологическом фонде каждого из языков, так как чаще всего лингвокультурологическое сознание выражается в фольклоре. Концепт «мужчина» ярко противопоставлен лицу женского пола, не только по таким признакам как: характер, внешность, социальные роли и т.д., но и в количественном отношении при анализе количества самих слов «гендер», «мужчина/женщина» в русском языке и «homme-femme» во французском в синхронных корпусах GoogleIngram.

Литература

1. Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 1. Волгоград: Парадигма, 2005. – 352 С.
2. Виноградов. Избр. тр.: Исслед. по русск. грам., с. 186).
3. Кирилина, А.В. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-р. фил. наук: 10.02.19. - М., 2007. - 371 с.

4. Красных, В. В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста [Текст] / В. В. Красных // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9: Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–70.
5. Касьян, Л.А. Термин «концепт в современной лингвистике»: различные его толкования. Вестник Югорского государственного университета, 2010г. Выпуск 2 (17). С. 50-53.
6. Мистрюкова, Е.В. Средства репрезентации концептов "мужественность" и "женственность" в современном английском языке: дис. ... кандидата фил. наук : 10.02.04. - Самара, 2005. - 229 с.
7. Островая, Ю.С. К вопросу о способах выражения категории гендерности в русском языке. Статья в сборнике трудов конференции «Профессиональное лингвообразование», Нижний Новгород, 2019.с.378-383.
8. Чехоева, Т.С. Репрезентация концептов «мужчина» и «женщина» в русской лингвокультуре на материале афористики: диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19
9. Черкесова, З.В. Проблема гендера во французском языке: лексический и грамматический уровни. Современные исследования социальных проблем. Том 10. Номер 4-1. 2018г. С.224-235

УДК 378.147

Панчук Т.А.

АГППУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Музейная образовательная среда как средство воспитания у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям народов России

Аннотация. В статье определены педагогические условия воспитания у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям народов России через интеграцию учебной и вне учебной деятельности с активным использованием современных образовательных технологий и музейной образовательной среды.

Ключевые слова: воспитание, культурное наследие, музейная образовательная среда, современные образовательные технологии.

Создание условий для воспитания личности обучающихся всегда находилось в поле зрения педагогической общественности. Более того, в деятельности образовательных организаций уже фактически используются многие направления воспитательной работы. Так, при разработке Федерального государственного образовательного стандарта общего образования, его методологической основой определена Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. Кроме того, воспитание как особый вид педагогической деятельности и как направление работы образовательных организаций уже урегулировано в Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации».

Однако, в настоящее время по вопросам воспитания обучающихся приняты изменения в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации», которые расширяют направления воспитательной работы в образовательных организациях, в таких как: «формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде».

Образовательные учреждения (общего, начального и высшего профессионального образования) должны будут привести свои образовательные программы в соответствие с внесёнными изменениями. Что же необходимо сделать в первую очередь? Прежде всего, составить качественный план воспитательных мероприятий, который невозможно разработать без участия и учета интересов и потребностей самих обучающихся. Все, что направлено на формирование личности ученика, должно быть не только ему интересно, но и побуждать его к действию, в том числе и за рамками проведённого мероприятия. При проектировании плана необходимо

учитывать специфику региона проживания, традиции учебного заведения, большую палитру образовательных программ, материальную базу, возможности межведомственного и общественного взаимодействия, и многое другое.

Рассмотрим одно из направлений воспитательной работы образовательного учреждения - воспитание у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации.

Алтайский край, как и большинство других субъектов Российской Федерации, представляет собой поликультурный регион, на территории которого проживает более ста национальностей. В связи с чем одной из главных воспитательных задач образовательной организации становится формирование у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Малой Родины, а также всей Российской Федерации. Как можно бережно относиться к культурному наследию народов, которые проживают рядом, если не знать их духовную и материальную культуру, традиции? Решение данной проблемы видится нам в использовании в учебном процессе музейной образовательной среды и современных образовательных технологий.

Образовательная деятельность музеев в России продолжает развиваться с XIX века на основе идей отечественных ученых и общественных деятелей, а также немецких теоретиков и практиков музейного дела. Музейная педагогика оперирует теми же понятиями и категориями и подчиняется тем же законам, что и общая педагогика. Так, М.Ю. Юхневич относит к числу базовых форм культурно-образовательной деятельности музея десять следующих: экскурсия, лекция, консультация, научные чтения (конференции, сессии, заседания), клуб (кружок, студия), конкурс (олимпиада, викторина), встреча с интересным человеком, концерт (литературный вечер, театрализованное представление, киносеанс), праздник, историческая игра [4].

В тоже время, использование в учебном процессе образовательных учреждений возможностей музея, как хранилища культурного наследия и исторического опыта человечества уже не первый год привлекает внимание учёных и педагогов-практиков для реализации целей по развитию и формированию личности обучаемых. Так например, в работе С.Л. Троянской [3], с целью развития общекультурной компетентности студентов вуза предлагается использовать активные методы обучения с включением в педагогический процесс музейных предметов. Занятия по дисциплинам педагогического направления проводить в таких формах как музейная экскурсия, ситуационные и музейные игры, проектная деятельность.

Сегодня, в период сложной эпидемиологической ситуации, как в России, так и во всём мире, перед педагогической общественностью поставлена ещё одна задача - более активное использование дистанционных образовательных технологий, которые обеспечат высокое качество обучения и воспитания на всех уровнях системы образования. Решение задачи воспитания у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям народов России мы видим в определении оптимального сочетания офлайн и онлайн обучения с использованием музейной образовательной среды и современных образовательных технологий (музейные технологии, обучение в сотрудничестве, образовательные квесты, мастер-классы, проектные технологии, дистанционное обучение).

Остановимся на примерах использования музейной образовательной среды и современных образовательных технологий при подготовке бакалавров педагогического образования профиля Технология в Алтайском государственном гуманитарно-педагогическом университете им. В.М. Шукшина. В учебно-воспитательном процессе вуза, при подготовке учителей предметной области «Технология», для которых занятия художественным творчеством открывают новые пути познания народного творчества и знакомят студентов не только с русской культурой, но и многообразием культур народов Алтая используется **музейная образовательная среда**:

- музея Этнической культуры народов Алтая, созданного на базе учебной лаборатории «Творческо-конструкторской деятельности и декоративно-прикладного творчества»;
- Бийского краеведческого музея им. В.В. Бианки;
- сайты российских и зарубежных музеев этнографической направленности.

В экспозиции музея этнической культуры народов Алтая представлены оригинальные предметы материальной культуры, но основную часть коллекции составляют реконструкции предметов быта, костюмов, станков и инструментов различных этнических групп, выполненные студентами – будущими учителями предмета «Технология». На Алтае, где сошлись три мировые религии (буддизм, христианство и ислам), складываются традиции межэтнического и межкультурного диалога и творческого этнокультурного взаимовлияния. Поэтому, в экспозиции музея отражены три направления: скифская культура Алтая, культура алтайских племён, русская культура, казахская культура.

В Бийском краеведческом музее им. В.В. Бианки собраны и экспонируются коллекции разнообразных материалов из памятников, обнаруженных на территории Алтая, широкого временного диапазона от верхнего палеолита до средневековья. Этнографическая часть фондов сформирована из материалов, представляющих материальную и духовную культуру коренных народов Алтая, традиционную культуру русских переселенцев из европейской части Российской империи XVIII-XIX в.в.

Богатый арсенал современных педагогических технологий, отвечающий выше указанным требованиям обширен и среди них **образовательные квесты**. Сущность квеста связана с целенаправленным поиском и игрой по определённой сюжету. Образовательный квест объединяет в себе потенциал таких современных педагогических технологий как проектные, исследовательские, обучения в сотрудничестве, информационные компьютерные технологии. Большинство зарубежных и отечественных исследователей определяют цель образовательного квеста в исследовании обучающимися какой-либо проблемы и развитием у них умения работать как индивидуально, так и в группе в ходе поиска информации используя ресурсы Интернет. В учебном процессе Российских образовательных учреждений различного уровня стали применяться не только веб-квесты, но и реал-квесты (в классе, музее, на природе и др.). Однако, продуктом деятельности реал-квеста остается поиск и обработка информации как в сети Интернет, так и в реальном предметном мире. Ещё одной отличительной особенностью образовательного квеста является игровая форма его проведения по определённому сюжету, с заранее определёнными этапами и заданиями [1].

Отличительной особенностью технологического квеста, предлагаемого нами, является не только и не столько поиск, анализ и обработка информации, но главное – это решение поставленной задачи в процессе осуществления технологических операций по изготовлению предмета материальной культуры народов Алтая по заданным условиям (эскизам, чертежам, технологическим картам). При проектировании веб-квеста задание может состоять из разработки проектной документации и описания технологических процессов изготовления изделия по результатам собранной и проанализированной информации.

Существует множество определений понятия «веб-квест», среди которых:

- 1) поисковая деятельность, в которой часть или вся информация, с которой взаимодействуют обучающиеся, поступает из ресурсов в Интернете и которые могут быть дополнены видеоконференцией (Берни Додж);
- 2) сайт в Интернете, с которым работают обучающиеся, выполняя ту или иную учебную задачу (Я.С. Быховский);
- 3) веб-страницы по определенной теме на образовательных сайтах, которые соединены гиперссылками со страницами из других сайтов во Всемирной паутине WWW (А.В. Хуторской)
- 4) мини-проект, в процессе работы над которым обучающиеся осваивают учебную информацию, полученную из Сети на основе рекомендаций и заданий преподавателя (Е.В. Нечитайлова).

Для проведения технологического веб-квеста определена его структура:

- 1) введение - преподаватель предлагает сценарий, историю или задачу по определенной теме;
- 2) задание - преподаватель предлагает заранее разработанное реалистичное задание для работы по теме, включающее вопросы и подвопросы;
- 3) процесс - обучающиеся выполняют задания по предложенным стадиям инструкции;

- 4) ресурсы - обучающиеся получают адреса сайтов в сети Интернет рекомендованные преподавателем;
- 5) оценка результативности – оценка и комментарии преподавателя;
- 6) вывод - обучающиеся сравнивают полученный результат с заданной целью и осознание возможности использования полученных знаний и навыков в других областях деятельности.

Мастер-классы по народным ремеслам. Значительной силой воспитательного воздействия на протяжении многих веков обладали народные ремесла, которые передавались из поколения в поколение. Ни в одной стране мира нет такого разнообразия народных ремесел, как в России, не является исключением и Алтайский край. Народные ремесла – это часть культурного кода этноса, поэтому большой потенциал в воспитании бережного отношения к культурному наследию и традициям народов России имеет приобщение и практическое обучение народным ремеслам. Научиться уважать людей труда, бережно относиться к рукотворному, к старинным традициям мастеров можно только через свой собственный труд. Мастер-классы по обучению студентов ремеслам проводятся на базе лаборатории, как в рамках учебной, так и внеаудиторной деятельности. Далее эта работа осуществляется студентами на различных городских и краевых площадках (музеи, образовательные учреждения, учреждения культуры, зоны отдыха). Участники мастер-классов знакомятся с историей народов, проживающих на Алтае, с их самобытной культурой, а также овладевают приемами ремесла. Для мастер-класса, проводимого в онлайн форме, необходимо тщательное проектирование электронных образовательных ресурсов, так как обучающиеся будут самостоятельно познавать культуру и изготавливать изделие одного из народных ремесел. Кроме презентации с видеофрагментами о культуре этноса и историей развития ремесла необходима проектная документация и подробное описание технологических процессов изготовления изделия [2].

Проектная деятельность обучающихся в ходе освоения предметной области «Технология» является ведущей формой учебной деятельности. Поэтому и учитель предмета «Технология» должен на высоком уровне владеть проектными методами обучения. Как в проектной деятельности, так и в процессе освоения технологических процессов по изготовлению изделий учениками разрабатывается конструкторская и технологическая документация. Поэтому обучающиеся должны овладеть опытом конструирования, планирования технологических процессов изготовления изделий, а также навыками применения информационных технологий в ходе учебной деятельности. Одним из направлений проектирования, реализуемом при подготовке бакалавров профиля Технология - технологическая реконструкция предметов материальной культуры народов Алтая. Проектирование предметов быта, костюмов, макетов жилищ осуществляется студентами по результатам опубликованных археологических исследований и изучения артефактов, хранящихся в государственных исторических музеях. Разработанные и реализованные проекты изделий внедряются в образовательно-воспитательный процесс, выставляются в экспозиции музея Этнической культуры народов Алтая, принимают участие в выставках.

Таким образом, воспитание у обучающихся бережного отношения к культурному наследию и традициям народов России будет осуществляться более успешно, если в образовательном учреждении будут созданы педагогические условия интеграции учебной и вне учебной деятельности обучающихся с активным использованием современных образовательных технологий и музейной образовательной среды.

Литература

1. Панчук, Т.А. Технологические квесты в формировании этнокультурной образованности обучающихся /Т.А. Панчук, И.Б. Соловьева// Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.М. Шукшина, Бийск – Сростки, 28-29 июня 2019 г. / отв. ред. М.С. Власов. – Бийск: АГТПУ им. В.М. Шукшина, 2019. – С. 135-138.
2. Панчук, Т.А. Культурно-просветительская деятельность как условие адаптации молодежи к своей истории, культуре, традициям /Т.А. Панчук, И.Б. Соловьева// Общество и личность: гуманистические

тенденции в развитии современного общества: сборник научных статей / отв. ред. С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский. - Ставрополь: АНО ВО СКСИ, 2017. – С.392-397.

3. Троянская, С.Л. Музейный предмет как средство активного обучения и развития общекультурной компетентности студентов в вузовском образовательном процессе /С.Л. Троянская// Вестник ТГУ, выпуск 10 (66), 2008. – С. 238-242.

4. Юхневич, М.Ю. Я поведу тебя в музей: учебное пособие / М.Ю. Юхневич. – Москва: Рос. ин-т культурологии, 2001.

5. Шувалова О. Н. Модели, которые мы выбираем: вымышленные языки в системе современной виртуальной культуры //Сборник Слово. Грамматика. Речь. – №. 14. – С. 27-43.

6. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2012. №2.

УДК: 82

Семенова А.В.

Казахстанский филиал МГУ имени М.В. Ломоносова, г. Нур-Султан, Казахстан

Столкновение русского и азиатского менталитетов в повести Г.Д. Гребенщикова «Любава»

Аннотация. В статье рассматривается повесть Г.Д. Гребенщикова «Любава» как один из алтайских текстов писателя. В произведении затрагивается проблема сосуществования русских людей и калмыков в Сибири, столкновения их менталитетов. Русский и азиатский миры в повести соприкасаются, но последний сохраняет значительную обособленность, в силу чего воспринимается представителями русского сообщества как чуждый и дикий. На примере персонажей – Любавы и Тырлыкана – прослеживаются особенности восприятия русскими и азиатами быта и мировоззрения друг друга, способы взаимодействия и следствия проникновения элементов русской реальности в азиатскую.

Ключевые слова: Г.Д. Гребенщиков, Любава, менталитет, алтайский текст, Сибирь, калмыки, русский мир, азиатский мир, мировоззренческий конфликт.

Повесть «Любава» (Одесса, 1919) Г.Д. Гребенщикова относится к произведениям писателя с выраженной азиатской тематикой. Уроженец Томской губернии, Г.Д. Гребенщиков вырос на Алтае, в окрестностях Шемонаихи, позже жил в Усть-Каменогорске и Семипалатинске, в 1910–1911 гг. совершил путешествие по Алтаю, что объясняет глубокое знание быта и этнографии края, особенностей менталитета его жителей – русских и азиатов, носителей различных культур, соприкасающихся в силу соседства и необходимости сосуществования. Алтайский текст составляет значительную часть произведений писателя⁸, в том числе нескольких повестей и рассказов («На Иртыше» (1912), «Ханство Батырбека» (1913), «Лесные короли» (1913), «Волчья жизнь» (1913), «В тиши степей» (1913) и др.), в которых, помимо русского населения Сибири, уделяется большое внимание азиатам. Проблема взаимоотношения представителей двух этносов затрагивается, в частности, в «Любаве», на сегодняшний день остающейся малоизученным произведением.

⁸ См. об этом Бубнова Л. Г. Алтай в рассказах Г. Д. Гребенщикова 1911–1916 гг. // Литературный процесс Алтая: поэтика, стилистика и творчество. – Барнаул, 1994. – С. 13–19; Черняева Т. Г. Г. Д. Гребенщиков в дореволюционной литературе Алтая. // Культура и текст. – СПб.; Барнаул, 1997. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 93–96; Черняева Т. Г. Г. Д. Гребенщиков о старообрядцах Алтая // Язык и культура Алтая. – Барнаул, 2001. – С. 8–26; Романова Е.Г. Любава без любви: русский и алтайский миры в повести Г.Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: сборник статей / под ред. Т. В. Чернышовой, М. П. Гребневой, Е. Ю. Сафроновой, Ю. В. Трубниковой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Вып. 7. – С. 23–32 и др.

Действие повести «Любава» разворачивается в сибирской тайге: на отдаленной заимке, в русской деревне и ауле Тырлыкана. Калмыцкий аул представляет собой обособленный мир в стороне от цивилизации в западном понимании этого слова, сохраняющий исконный азиатский уклад жизни. Главная ценность здесь не деньги, а скот и шкуры, которые, впрочем, всегда можно продать или обменять на необходимые блага, люди живут в юртах, неприхотливы в быту, избегают внешнего влияния и нововведений. Однако ввиду относительной близости к русским селениям происходит соприкосновение двух миров: Тырлыкан водит знакомство с крестьянами, ссужает им деньги в долг, продает товары на Ирбитской ярмарке через посредничество русского купца, у которого в любой момент может взять что-либо без оплаты в счет будущей прибыли. Стремясь к более комфортному сосуществованию с русскими, таныш Тырлыкан принимает крещение от заезжего миссионера, получает соответствующую бумагу, зовется Степаном Васильевичем и сватается к дочери своего знакомого Захара Любаве, надеясь на то, что русская жена окажется покрепче калмычек. Таким образом, Тырлыкан осуществляет связь между русским и азиатским мирами, которые «со скрипом», но все же поверхностно взаимодействуют, некоторое время не проникая друг в друга.

Взаимодействие русского и азиатского миров носит неравноправный характер. В повести прослеживается доминирование русских при попустительстве калмыков, терпеливо, словно не замечая снисхождения, сносящих притеснение, обусловленное российской колонизаторской политикой в Сибири. Тырлыкан, представляющий калмыков, проявляет максимальную гибкость по отношению к соседям: не требует возврата долгов, радуется, когда его тепло принимают, кормят и поят в русских домах, воспринимая это как одолжение, терпит любые капризы Любавы и ее нежелание исполнять обязанности супруги, не вникает в финансовые вопросы, позволяя русским обманывать и обсчитывать себя. Тырлыкан щедр на дорогие подарки и решает проблемы посредством взяток – так он убеждает священника обвенчать их с Любавой, откупается от братьев новоиспеченной жены, не находя в этом несправедливости. В Тырлыкани проявляются не столько индивидуальные черты характера, сколько типичные особенности восприятия существующей действительности азиатов, соседствующих с русскими на протяжении длительного времени и принявшие свое стесненное положение. Подтверждением тому служит поведение Сапыргая, племянника и наследника Тырлыкана, молчаливо, неодобрительно, но смиренно терпящего поношения пришлою Любавы, и безропотное подчинение ей жителей аула.

Подобная ситуация имеет место ввиду чуждости русского и азиатского менталитетов, носителями которых являются персонажи повести Г.Д. Гребенщикова. Существовая в границах различных культурных парадигм, русские и азиаты на территории Сибири достаточно хорошо знают этнические особенности друг друга, но сохраняют заметную дистанцию, так что два мира пересекаются, но не проникают глубоко друг в друга на бытовом и мировоззренческом уровнях. Уступчивые в деловом общении с соседями, калмыки, однако, не перестраивают свой мир по образцу хотя бы русской деревни и не отказываются от верований предков. Принявший крещение и читающий православные молитвы перед венчанием, Тырлыкани поклоняется деревянному божку с медными солдатскими пуговицами вместо глаз, а на требование батюшки срезать калмыцкую косу отвечает категорическим отказом: «Мой Бог – Яик-хан – скотину пасти не хочет тогда... Нет, косу резать не дам!.. Твой Бог мне не мешает, мой Бог пусть тебе не мешает» [4]. Русские, в общем, отвечают тем же: охотно сотрудничают с калмыками, когда это выгодно, но того же Тырлыкани воспринимают как несмышленища и не видят в нем ровню, несмотря весьма зрелый возраст – пятьдесят лет – и солидное имущественное положение калмыка. Захар, отец Любавы, привечает Тырлыкани в своем доме, но на полусерьезное сватовство к Любаве отвечает категоричным отказом, поскольку отдать дочь за старика иноверца не мыслит возможным; покурить трубку Захар выставляет Тырлыкани на улицу и в целом говорит с ним с позиций старшего; Захар должен калмыку, но всегда выходит так, будто все наоборот. Любава подтрунивает над непонятливостью и смешным произношением православных молитв будущего супруга, писарь не воспринимает Тырлыкани всерьез, позволяя себе открытые заигрывания с Любавой на его глазах. При этом сам Тырлыкан редко выражает недовольство: с Захаром не спорит вовсе, на Любаву иногда жалуется, и только на писаря всерьез бросается, когда тот

беззащитно переходит границы дозволенного, а затем, не желая оставлять жену наедине с писарем, настаивает на сопровождении Любавы в деревню и бросается за ней и соперником в бурную реку. Последнее говорит о том, что покладистость калмыка по отношению к русским является не столько долготерпением, сколько своего рода дипломатией, стратегией, позволяющей выдерживать баланс между добрыми отношениями с соседями, которым нет необходимости подстраиваться под калмыков ввиду их политически зависимого положения в Сибири, и возможностью жить по своим законам без вмешательства извне, для чего имеет смысл быть удобным, несколько забавным, не внушающим опасений своей чуждостью.

Размеренное существование калмыцкого мира нарушается появлением Любавы⁹: на правах супруги главы аула она настойчиво пытается изменить аул под себя, а именно привнести элементы привычного ей русского быта: заставляет построить для себя избу с печью, командует супругом и жителями аула, берет хозяйство в свои руки, вмешивается в дела, что причиняет калмыкам множество неудобств и мало соответствует модели поведения азиатской женщины. Любаве сложно принять реалии нового для нее мира, его ценности ей непонятны, быт представляется крайне неустроенным, отсутствие элементарных удобств в грязном, прокопченном в дыму диком жилище не вяжется с ее идеей дома. Тем не менее отчаянный побег от семьи к Тырлыккану отрезает Любаву от привычного ей русского мира, хотя в полной мере это осознается ею не сразу. В раздражении девушка заявляет, что намерена жить по-татарски и молиться идолу, но союз с Тырлыкканом устраивается, как принято у православных, и, пребывая в деревне, Любава пока не чувствует отчуждения. Болезненное выламывание девушки из привычной среды меняет характер героини: постоянные раздражение и неудовлетворенность вкупе со свободой действий в ауле и положением хозяйки перерождаются в жесткость и властность. Любава не щадит чувств Тырлыккана (собственно, она о них вообще не задумывается, не воспринимает супруга всерьез), хищно приглядывается к Сапыргая как возможному конкуренту и в то же время физически привлекательному молодому человеку, понукая им как слугой. Любава не вписывается в калмыцкий мир, различие менталитетов мешает ей принять новую среду, смириться с ней, как следствие, Любава пытается изменить ее, по сути разрушить, но сравнительно безуспешно.

Этот конфликт героини повести – внутренний, с самой собой, и внешней – с окружающим миром – осложняется гибелью Тырлыккана по вине необдуманных поступков Любавы и окончательным отторжением ее «своими» людьми. В попытке решить финансово-бюрократические проблемы Тырлыккана, игнорируемые им, но ныне затрагивающие интересы Любавы, девушка отправляется в деревню в сопровождении писаря, старосты и супруга. Ввиду предшествовавших этому событий – стычки Тылкыкана с писарем и гнева самой Любавы – ситуация оборачивается бедой – пожилой калмык гибнет в реке. До деревни – ранее «своего» мира – Любава добиралась уже вдовой с не совсем чистой совестью и любовницей женатого мужчины – писаря. Здесь Любава ищет поддержки: плачет, молится на иконы, падает в ноги батюшке, просит научить ее, как сохранить имущество, не лишиться наследства, то есть придерживается естественной линии поведения в данной среде. Вопреки ожиданиям, Любава не встречает участия и поддержки, к ней относятся настороженно, а вскоре по деревне ползут недобрые слухи о ней и девушка становится «оплетена косыми, подозрительными взглядами, ехидными усмешками и недомолвками» [4]. «Все от нее отшатнулись, всем стала она чужая, басурманка незнакомая, разбойница» [4], даже родные отворачиваются от девушки, она остается одинокой и беспомощной. Если ранее у героини оставалась иллюзорная связь с русским миром, в который можно вернуться, окунуться, пусть на время, то теперь эта нить рвется окончательно. Переместившись в азиатскую среду, Любава, не меняя вероисповедания и этнического самосознания, приобретает ее отпечаток, достаточный для отчуждения от русского сообщества. В свою очередь Любава, носительница русского менталитета, твердо намерена взять власть в ауле в свои руки после смерти Тырлыккана, подчинить Сапыргая, что, вполне вероятно, грозит локальному кусочку азиатского мира разрушительными для него переменами.

⁹ О героине повести см. Романова Е.Г. Любава без любви: русский и алтайский миры в повести Г.Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: сборник статей / под ред. Т. В. Чернышовой, М. П. Гребневой, Е. Ю. Сафроновой, Ю. В. Трубниковой. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Вып. 7. – С. 23–32.

Мотив деструкции азиатского уклада жизни под напором вторгающихся в него российских реалий в силу естественного течения истории неочевиден, но прочитывается в повести, особенно если рассматривать ее в контексте более раннего «Ханства Батырбека», где данная тема выходит на первый план. Г. Д. Гребенщиков в повести «Любава» показывает сложные моменты и следствия столкновения русского и азиатского менталитетов на примере персонажей и в узком локусе, избегая широкого исторического фона, что делает произведение более «жизненным», смещая акцент с политики и глобальных культурных проблем на простых людей.

Литература

1. Бубнова Л. Г. Алтай в рассказах Г. Д. Гребенщикова 1911-1916 гг. // Литературный процесс Алтая: поэтика, стилистика и творчество. – Барнаул, 1994. – С. 13–19.
2. Ватман-Орлова, Е. Гребенщиков Г. Д. // Сибирские вопросы. – СПб, 1912. – № 26. – С. 51–63.
3. Гребенщиков Г. Д. Любава // Собрание сочинений в шести томах / Г. Д. Гребенщиков; сост., подгот. текста, вступит. ст. Т. Г. Черняевой; примеч. Л. И. Ермаковой, Т. Г. Черняевой. – Барнаул: Барнаул, 2013. – Т. 2: Сибирь – Петроград – Юго-западный фронт. – 528 с.
4. Гребенщиков Г. Д. Любава: повесть // Простор. – Алма-Ата, 1993. – № 9. – С. 245–279.
5. Гребенщиков Г. Д. Ханство Батырбека // Простор. – Алма-Ата, 1993. – № 10. – С. 247–285.
6. Казаркин, А. П. Жанровый контекст романа «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре: материалы науч. семинара. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 7–18.
7. Леонов В. Н. «Сибирь, как страна великого будущего...»: к исследованию историко-культурологической концепции Г. Д. Гребенщикова // Жизненные силы славянства на рубеже веков и мировоззрений: материалы междунар. конгр. – Барнаул, 2001. – Ч. 2. – С. 98–101.
8. Леонов В. Н. Культурологическая концепция Г. Д. Гребенщикова: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук. – Барнаул: Изд-во АГУ, 2003. – 23 с.
9. Нукаева И. Д. Стилистическая роль тюркизмов в повести Г. Д. Гребенщикова «Ханство Батырбека» // Алтайский текст в русской культуре: материалы науч. семинара. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – Вып. 1. – С. 52–56.
10. Рожнова С. П. Идеино-художественные принципы воплощения инонациональной темы в творчестве Г. Д. Гребенщикова // Взаимодействие литературы народов Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1983. – С. 217–225.
11. Рожнова С. П. Крестьянский рассказ в дореволюционном творчестве Г. Д. Гребенщикова // Развитие повествовательных жанров в литературе Сибири. – Новосибирск, 1980. – С. 64–88.
12. Романова Е. Г. Любава без любви: русский и алтайский миры в повести Г. Д. Гребенщикова // Алтайский текст в русской культуре: сборник статей / под ред. Т. В. Чернышовой, М. П. Гребневой, Е. Ю. Сафроновой, Ю. В. Трубниковой. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Вып. 7. – С. 23–32.
13. Селиверстов С. В. Воздействие Г. Н. Потанина на формирование мировоззренческих позиций Г. Д. Гребенщикова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2007. – Т. 6. – Вып. 1: История. – С. 179–182.
14. Царегородцева С. С. Южный период в жизни и творчестве сибирского писателя Г. Д. Гребенщикова // Сборник научных статей международной школы-семинара «Ломоносовские чтения на Алтае», Барнаул, 8-11 ноября 2011. – Барнаул, 2011. – Ч. 3. – С. 209–220.
15. Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков: письма в Петербург (1912-1916 гг.) / подгот. текста, публ., предисл. и примеч. Т. Г. Черняевой. – С. 172–234.
16. Черняева Т. Г. Г. Д. Гребенщиков в дореволюционной литературе Алтая. // Культура и текст. – СПб.; Барнаул, 1997. – Вып. 1. – Ч. 2. – С. 93–96.
17. Черняева Т. Г. Георгий Гребенщиков и его роман «Чураевы» // Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания. – Томск, 2003. – С. 76–97.
18. Черняева Т. Г. Творчество Г. Д. Гребенщикова // История Алтая. – Барнаул, 1995. – Ч. 1. – С. 418–440.
19. Черняева Т. Г. Г. Д. Гребенщиков о старообрядцах Алтая // Язык и культура Алтая. – Барнаул, 2001. – С. 8–26.
20. Якимова Л. П. Творчество Г. Гребенщикова в новом социально-историческом контексте: к 110-летию со дня рождения // Известия Сибирского отделения Российской Академии Наук. История, филология и философия. – 1993. – Вып. 3. – С. 56–61.
21. Яновский Н. Н. Георгий Гребенщиков в Сибири // Яновский, Н. Н. Верность: портреты, статьи, воспоминания. – Новосибирск, 1984. – С. 131–181.

Сироткина Т.А.

Сургутский государственный педагогический университет, г. Сургут, Россия

Региональная идентичность жителей Югры в зеркале югорского текста

Аннотация. В статье на основе анализа разных видов югорского текста рассматриваются такие компоненты региональной идентичности жителей Югры, как когнитивный, ценностный, эмоциональный, регулятивный. Делается вывод о том, что все они отражают представления о данной территории как уникальной и в географическом, и в историко-культурном отношении.

Ключевые слова: региональная идентичность, Югра, региональный текст, югорский текст.

В последнее время, в связи с усилением процессов глобализации и интеграции, актуальным является исследование проблем региональной идентичности – «системной совокупности культурных отношений, связанных с понятием «малая родина» [Крылов, 2005: 5]. Материалом для анализа феномена региональной идентичности могут являться самые различные региональные тексты: диалектные, художественные, публицистические.

Идея исследования и описания феномена регионального текста не является новой. Как отмечает известный современный литературовед В.В. Абашев, «сегодня изучение локальных текстов русской культуры превращается в быстро развивающееся направление в филологии» [Абашев 2012: 143]. Однако, хотя разработанная тартуско-московской школой (Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров) методология текстологического подхода к культурным феноменам сегодня активно транслируется на локальные «провинциальные» тексты – пермский (В.В. Абашев), вятский (Н.В. Осипова), архангельский (А.Н. Давыдова, Л.Д. Попова), петрозаводский (И.А. Разумова), челябинский (Е.В. Милукова), крымский (А.П. Люсый), шадринский (Н.Ю. Деткова), орловский (В.И. Юдина), югорский текст как культурный феномен не был предметом специального исследования.

Важным моментом является определение места югорского текста в литературном пространстве России, и это представляется логичным, если включить понятие «югорский текст» в более широкое по объему понятие «северный текст». Как пишет один из ведущих югорских этнографов Е.И. Гололобов, наиболее общими признаками для Севера являются «неосвоенность, крайне малая населенность, суровые природно-климатические условия (вечная мерзлота, суровая зима, непродолжительное лето и т.д.), исключающие ведение зернового хозяйства. Такие характеристики на протяжении столетий формировали определенный географический, точнее историко-географический образ Севера вообще и Обь-Иртышского Севера в частности» [Гололобов 2017: 137]. Однако при отмеченной общности северных территорий они отличаются особенностями заселения, исторического развития, установления государственности. Так, интересующие нас земли Обь-Иртышья во многом отставали в этом отношении от регионов Русского Севера. Все это нашло отражение и в локальном тексте.

Таким образом, югорский текст – это неотъемлемая составляющая северного текста, включающая, в узком понимании, различные тексты локальной культуры (памятники деловой письменности, художественные произведения региональных авторов, устные речевые произведения жителей города и деревни – воспоминания, дневники и т.д.), в широком понимании – все семиотическое пространство Ханты-Мансийского автономного округа-Югры (обряды коренных жителей региона, фольклор пришлого русского населения, вербальные проявления региональной языковой личности, региональное ономастическое пространство и многое другое).

Какие **компоненты региональной идентичности** реализуются в югорском тексте?

Прежде всего – **когнитивный**. По наблюдениям Е.В. Головневой, «когнитивный компонент присутствует во многих дефинициях региональной идентичности, нередко составляя ее основное содержание» [Головнева 2013: 43].

На наш взгляд, топоним «Югра» представляет собой особый региональный концепт, сформировавшийся под влиянием исторических и культурных процессов и отражающий

ментальность жителей региона. Данный концепт – неотъемлемая часть региональной концептосферы и языкового сознания жителей региона.

Как известно, в концепте выделяются следующие составляющие: понятийная сторона и «все, что делает его фактом культуры», – этимология, современные ассоциации, оценки, а также «ценностная и образная стороны». Понятийный компонент отражает признаковую и дифференционную структуру концепта, образный компонент фиксирует когнитивные метафоры, поддерживающие его в языковом сознании а значимостный компонент определяет место, которое занимает имя концепта в языковой системе.

Используя методику построения концептуальной модели топонимической семантики А.М. Литовской, можно выделить следующие уровни концептуальной модели топонимической семантики топонима «Югра».

Общая категориальная семантика имени: Югра – обширная территория, являющаяся частью территории Тюменской области, но при этом – отдельным субъектом Российской Федерации.

Частная категориальная семантика имени: происходит предположительно от прапермского *jōgra ‘население нижнего Приобья, народ к (северо-)востоку от коми’, далее либо из обско-угорского, либо из неизвестного языка, распространённого в регионе в I тысячелетии н. э. Ср. коми йōгра ‘ханты и манси’. Фиксируется в древнерусских источниках в XI веке, но у арабских географов появляется в формах типа jūga ‘народ к северу от Волжской Булгарии, живущий у побережья ледовитого моря’ уже в X веке.

Частная характеризующая и индивидуальная семантика:

Югра – 1) тайга: «Югория... Тайги органый шум / И рек твоих неспешное течение / Рождают в сердце свет высоких дум / О жизни, о земном предназначенье (М. Антохин);

2) нефть и газ: «В города, на село реки газа текут. / Всей России тепло – это округа труд. / В первозданной красе, полной жизни, добра, Сбережем мы тебя, дорогая Югра! (Н. Бакалов);

3) северное сияние: «Югра, Югра! Тебе не удивляться ли, / Когда играет небом Дед Мороз, – / Глаз не отвести от той иллюминации, / Что полыхает между крупных звёзд» (А. Верин) и т.д.

Результаты ассоциативного эксперимента, проведенного в группе студентов Сургутского государственного педагогического университета, свидетельствуют о том, что концепт «Югра» в языковом сознании жителей региона состоит из множества концептуальных областей. На стимул «Югра» были даны реакции, репрезентирующие следующие концептуальные области:

- «природа» (природа, леса, болота, тайга, Обь);
- «природные ресурсы» (газ, нефть, черное золото);
- «флора» (мох, брусника, ягоды, грибы);
- «фауна» (белки, олени, медведь, рысь, заяц, лиса);
- «руководство» (губернатор, Комарова, Шувалов);
- «промышленность» (промышленность, «Сургутнефтегаз», «Роснефть»);
- «коренные жители» (коренные жители, ханты, манси);
- «территория» (округ, регион, Сибирь, Урал);
- «промыслы» (рыболовство, охота);
- «условия жизни» (зима, холод, снег, короткое лето, холод собачий, нехватка кислорода, мало света);
- «символика» (герб);
- «качество жизни» (заработки, высокая зарплата, хорошая зарплата, льготы);
- личное отношение (мой край, красивые зимние вечера).

Наиболее частотными реакциями на предложенный стимул оказались лексемы нефть (6 раз), олени (6), болото (5), газ (4), ханты (4), рыба (4), Комарова (4).

Еще один важный компонент региональной идентичности – **ценностный**, который мы рассмотрим через призму региональной фразеологии, поскольку мотивационной базой фразеологической семантики выступают как раз ценности традиционной культуры.

Одной из сфер фразеологической образности является сфера природы. Человек, живущий на севере, знает, что живая и мертвая вода бывает не только в сказках. В местных реках зимой она тоже зимой бывает мертвой, реже – живой, когда со дна реки бьют источники, снабжающие ее

кислородом: «*Живая вода* там, где много ключей, на быстрине» (здесь и далее – примеры из словаря «Русское слово на земле Югорской»).

Картина весеннего ледохода отражена во фразеологизме «пойти иглой»: «Он (лёд) уже иструх, *пошел иглой*». Окружающая человека природная среда описывается во всех деталях. Такие описания включают, например, характеристику рек и их берегов: «*Коренной берег* то же, что агора. Остров Скрипуновский *вон*».

Возможность не только человеку, но и животным выжить в суровых северных условиях оценивается с помощью таких фразеологизмов, как:

- кормовое место – место, где достаточно корма для птиц и животных: «При перелете птицы набираются, скопление птиц, кричат, едят, отдыхают, где-то там нашли *кормовое место*»;
- под щётку отщипывать – под корень съедать траву на пастбище: «А сейчас заросло всё, а раньше коровы *под щётку отщипывали* всё».

Сфера «хозяйственная деятельность человека» включает в себя семантические пласты, связанные с:

- ловлей и хранением рыбы: «*Донный провяз*, его не ставят, его выкидывают из лодки, и он сам плывет по дну. Всё ловит, что на пути»; «Рыба *проходит сквозь пальцы*, проплывает между сетей, не ловится»; «Запрет, это когда не должен рыбачить, но добываешь. Садят рыбу в водоеме, живую, вот это садок назывался, а *рыба садковая*»; «*Зимовальную яму* я делал в картофельной яме для засолки рыбы, как ледник: снегу весной закидываешь до половины ямы, а потом спускаешь ящики»;
- заготовкой сена: «*Пароконные волокуши* расположены между двумя лошадьми»;
- наблюдениями за погодой: «Вот и смотришь, *кака зима была, тако лето будет*. И так говорили: *зима по лету, лето по зиме*».

Образная сфера «характеристика человека» включает в себя такие компоненты, как:

- внешний вид: «*Из под пятницы суббота* – это когда надеваешь одежду, а из-под нее другая одежда видна»;
- физическое и психическое здоровье: «Вишь, у меня уж *выпадение памяти*, я ничего не знаю, я же стара»; «Когда тебе говорят, а ты ничего не понимаешь: *глухой, как пестерь*»; «На них хулиганы напали, избили, напугали сильно. А потом он *гусей погнал* [сошел с ума] – и жену убил. И меня чуть не убил»;
- социальный статус (богатый, бедный): «Ничего не было. Из приданого была *рубаха с перемывахой*»; «*Кокоть, лапоть да сандаля* – это всё в общем значит «бедный человек, человек, которому нечего одеть»;
- речевое поведение: «Ты чё *на всю голову* орёшь? Чё там?»; «*Иди ты в пим дырявый!* Говорят, когда злятся на кого-нибудь».

Сфера «представления о мире» отражает такие мировоззренческие установки, как:

- отношение к смерти: «Мне уж самой-то осталось, *полгроба из жопы торчит*»; «Могилевская губерния – умирать, от слова, могила, ушёл в ту сторону, на кладбище»;
- желание уберечь ребенка или растения от сглаза: «Говорить надо про себя, чтобы не сглазили ребеночка или растение: «Соль тебе на язык, головешка в зубы».

Интересна для исследования обрядовая сфера региональной фразеологии, отражающая отдельные элементы, например, свадебного обряда: «Пойдем новобрачным *перекрывать дорогу*».

Эмоциональный компонент идентичности ярче всего, на наш взгляд, отражается в региональных поэтических текстах, авторы которых выражают свое отношение к Югре как региону, которому нет равных в их сердце, который они создавали и преображали, который они не променяют ни на какой другой:

Судите нас, как нас... судила жизнь,
Когда мы с ней на равных говорили,
Когда как... боги новый мир творили,
Когда мы наших девушек любили,
И города над Обью возводили,
И Родиной умели дорожить (В. Матвеев);

В Сургуте ли – пролета нету шире,
В Ханты-Мансийске – четкий на просвет –
Мосты, каких не так уж много в мире,
А может быть, каких и вовсе нет (С. Сметанин);
Каждого в какой-то город тянет,
Назовут – и сердце застучит.
Ну, а я вот, просто сургутянин.
«Сургутянин»! Разве не звучит? (Н. Сочихин).

Наконец, еще один, **регулятивный**, компонент региональной идентичности, «включает в себя способы поведения, конкретные практики ориентирования в региональном пространстве» [Головнева 2013: 48]. Умение ориентироваться в пространстве связано не только с природным чутьем, но и со знанием особенностей отдельных географических объектов. Поэтому чаще всего местные топонимы получают свои названия по каким-либо индивидуальным особенностям: «по конфигурации объекта (Наисуган – «парная речка»), по характеру почвы (кыш-Юган – «песок-река»), по физическому состоянию (Потым – «холодная речка»), по его местоположению в пространстве относительно другого объекта или его части (Вершинские юрты, Березовский уезд)» [Исламова 2014: 54]. Ту же функцию, ориентирования, выполняют некоторые коллективные прозвища: «А за рекой залетние (река Летняя – Т.С.) живут, дорогу размыло грязью там, как пройдете через мост, не знаю».

Таким образом, анализ разных видов югорского текста позволяет говорить о том, что региональная идентичность жителей Югры складывается из таких компонентов, как когнитивный, ценностный, эмоциональный, регулятивный. Все они отражают представления о данной территории как уникальной и в географическом, и в историко-культурном отношении.

Литература

1. Абашев В.В., Абашева М.П. Литература и география. Урал в геопозитике России // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2012. – Вып. 2 (19). – С. 143 – 151.
2. Головнева, Е.В. Региональная идентичность как форма коллективной идентичности и ее структура // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2013. - № 5. – С. 42 – 48.
3. Гололобов, Е.И. Сибирский север: динамика образа – от barren grounds к northern plain / Е.И. Гололобов // Gyaestia Rossica. – 2017. – Т.5. – № 1. – С. 137 – 152.
4. Исламова, Ю.В. Этнолингвистическая специфика топонимии Обь-Иртышского междуречья (на материале гидронимов хантыйского происхождения) // Вестник Кемеровского университета. – 2014. - № 2-2 (58).
5. Крылов, М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской России // Социологические исследования. – 2005. – № 3. – С. 13 – 23.

УДК: 373.2.01+37.018.1

Токарева М.А.

АлтГПУ, г. Барнаул, Россия

Приобщение детей дошкольного возраста к природе в условиях семейного воспитания

Аннотация. В статье рассматриваются основные позиции взаимодействия ДОО и семьи в процессе эффективного общения дошкольников с природой, представлен перспективный план приобщения детей к природе на основе эмоционально - положительного общения с родителями воспитанников, уточняется уровень готовности будущих специалистов ДОО к экологической деятельности.

Ключевые слова: взаимодействие, общение с природой, методические рекомендации, дошкольник, уровень готовности, экологическое воспитание.

Одним из актуальных и значимых вопросов экологического воспитания детей старшего дошкольного возраста выступает проблема приобщения детей к природе, ее красотам, явлениям, формирование эмоционально - окрашенного к ней отношения. Этой проблемой должны заниматься не только педагоги дошкольной образовательной организации (далее - ДОО), но прежде всего родители воспитанников.

Для реализации данной цели в ходе организации производственной педагогической практики студентов 3 курса института психологии и педагогики АлтГПУ в рамках дисциплины курса по выбору «Формирование основ экологической культуры у детей» в ДОО «МБДОУ № 262, 260» г. Барнаула мы обозначили задачи:

- уточнить содержание эколого-развивающей среды в ДОО и семье;
- разработать серию консультаций для родителей;
- подготовить методическое обеспечение в помощь педагогам и родителям (перспективный план, Памятку о содержании общения родителей с детьми, изготовить лэпбуки «Времена года», «Зимующие птицы Алтая», «Как растет горох», подобрать экологические игры.

Содержание Памятки для родителей по приобщению детей к природе включает конкретные и содержательные действия самих родителей, старших членов семьи:

- доступность, яркость и колоритность образов природы («Знакомство с лугом», «Цветущие кустарники», «Дождливый день», «Мир насекомых» - чем ярче выражены особенности природного образа, чем конкретнее они отражены в беседе или рассказе с детьми, тем сильнее они воздействуют на эмоции, чувственное сознание ребенка;

- объяснение сущности природных явлений и механизмов («Зачем пчелке цветок?», «Где живет скворец?», «Почувствуй запах роз») [2].

Вместе с тем элементы эколого-развивающей среды в домашних условиях включают наличие разнообразных комнатных растений или растений, выращенных ребенком самостоятельно («Зеленый лук», «Редис», «Горох»), наличие необходимых средств для самостоятельной исследовательски-природоведческой деятельности детей (инструменты для работы с землей, мелкие камешки, семена цветов и овощей или косточки от фруктов, гербарии);

- фотографии или иллюстрации на тему «Природа», «Природа нашего края», журналы, книги для рассматривания родной природы.

При подготовке консультаций для родителей студенты творческой группы постарались обозначить все аспекты проблемы приобщения старших дошкольников к природе посредством эмоционально-положительного общения с родителями, консультации сопровождались мультимедийными материалами и доказательными фактами по проблеме в форме дискуссии с родителями «Путешествие в мир природы», «Поездка в лес», «На берегу реки», «Отдых на полянке» [1].

Совместно с педагогами ДОО студенты-практиканты обозначили основные направления в работе с детьми по приобщению их к природе, как к сложному многофункциональному, многокомпонентному явлению:

- знакомство детей с отличительными признаками растительного и животного мира посредством познавательных бесед, прогулок, ситуационных упражнений, чтения детской художественной литературы;

- формирование созидательных основ у детей в разных видах продуктивной деятельности с опорой на природоохранную и природоведческую деятельность в условиях семьи;

- формирование эмоционально-положительного отношения к естественной красоте природы, выраженной в картинах художников, фотографиях и иллюстрациях.

Методическое обеспечение приобщения дошкольников к природе представлено в виде перспективного плана (таблица 1)

Перспективный план приобщения старших дошкольников к природе посредством эмоционально-положительного общения с родителями

Название блока	Занятия	Игры	Деятельность детей в природе
1. Восприятие природы	Экскурсия «Путешествие в мир природы» «Такая изменчивая природа» «Час экологического чтения»	Распознавание растений, животных, определение их характерных признаков	-Наблюдения за явлениями природы (животные, растения, сезонные изменения) -Прогулки и игры в разное время года и в разную погоду -Наблюдения за погодой «Календарь погоды» -Творческая деятельность (рисование, стихи о природе, лепка, поделки из природного материала, -«Беседы об увиденном»
2. Растительный мир	-Домашние растения, их признаки -Дикие растения их признаки -Лекарственные Растения «Зеленая аптека»	«Подбери лист» «На что похоже?» Определи домашние и дикорастущие растения»	-Посадка цветочной клумбы -Сбор лечебных трав -Плетение венков -Сбор гербариев и коллекций, их оформление
3. Животный мир	-Домашние животные, их значение для человека -Дикие животные их признаки Драматизация сказки «Театр на ладошке»- «Теремок»	-Сравни домашних и диких животных -Животные, участвующие в наших развлечениях	-Рассматривание фотоиллюстраций домашних и диких животных -Загадки: «Кто живет в лесу?», «Кто живет рядом с человеком?»

Таким образом, из всего активного арсенала средств приобщения детей к природе (изобразительное искусство, фотография, художественная литература, эколого-эстетические сказки, беседы, искусственно-созданная эколого-развивающая предметная среда в домашних условиях и в возрастных группах ДОО) эмоционально - положительное общение с родителями воспитанников, включающее содержательную информацию о самых разных явлениях природы, имеет большие возможности по формированию истинных представлений у старших дошкольников о природе.

Следовательно, процесс формирования готовности бакалавров по направлению подготовки «Педагогическое образование: Дошкольное образование» к профессиональной деятельности системе вузовского образования необходимо определять по четырем основным направлениям:

1) адаптационное;

- 2) мотивационно-диагностическое;
- 3) теоретико-практическое;
- 4) инновационно-творческое [3].

В ходе педагогической практики будущие специалисты дошкольного образования закрепили знания и умения планировать, организовывать детские виды деятельности в процессе экологического воспитания, научились работать с методической литературой, получили навыки позитивного общения с родителями детей.

Таким образом, обозначенные компоненты готовности к педагогической деятельности в области экологического образования были реализованы в ходе содержательной и интересной производственно-педагогической практики студентов 3 курса ИПиП на базе конкретных ДОО г. Барнаула. Будущие специалисты нашли позитивный контакт с родителями дошкольников в организации экологического образования детей в условиях домашнего воспитания.

Литература

1. Маханева, М. Д. Экологическое развитие детей дошкольного и младшего школьного возраста: Методическое пособие для воспитателей ДООУ и педагогов начальной школы / М. Д. Маханева. - М.: АРКТИ, 2004. — 316 с.
2. Николаева, С. Н. Теория и методика экологического образования детей: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / С. Н. Николаева. - М.: Издательский центр «Академия», 2002. — 336 с.
3. Токарева, М.А., Холодкова О.Г. Подготовка будущего педагога к инновационной деятельности в дошкольной образовательной организации. // Научно-педагогическое обозрение (Pedagogical Review). 2020. Вып. 3 (31). С. 75-82 DOI 10 .23951/2307-6127-2020-3-75-84

УДК: 372.8

Тропникова В.В.

ФГБОУ ВО НГПУ, г. Новосибирск, Россия

Agile методологии в образовании: возможности для обучения химии

Аннотация. В статье рассмотрена возможность использования Agile методологии для обучения химии. Отмечено, что информатизация образования дает разнообразные дидактические возможности формирования образовательного процесса по химии и позволяет эволюционировать методам и средствам предметного обучения. Выделены основные достоинства и недостатки использования Agile методологии на примере метода проектного обучения eduScrum. Сделан вывод о том, что использование eduScrum позволяет целенаправленно и комплексно организовать деятельность студентов с целью оптимального усвоения ими химических знаний и увеличить мотивацию.

Ключевые слова: Agile методология, eduScrum, мотивация студентов, дисциплина Химия.

Одной из проблем в системе среднего профессионального образования (СПО) является проблема мотивации и удерживания внимания студентов в целях достижения требуемых результатов обучения по предмету химия. Актуальность темы связана с активным поиском инновационных подходов в обучении, одним из которых может быть использование Agile методологии для обучения химии. Целью статьи является рассмотрение одной из составляющих Agile методологии – eduScrum. По определению Agile (Agile software development) является обобщающим термином для нескольких подходов «гибкой методологии разработки» проекта или продукта небольшими группами разработчиков в объединении с управлением с целью минимизации рисков. Разработка производится серией коротких циклов (итераций), длящихся 2-3 недели. Гибкие методологии разработки основаны на четырех ценностях Манифеста (Agile Manifesto) и, на его основе, 12 принципах [9]. Так, основные ценности включают: 1) Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов; 2) Работающий продукт важнее

исчерпывающей документации; 3) Сотрудничество с клиентом важнее согласования условий контракта; 4) Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану [6]. По мнению одного из основателей гибких методологий Д.Хайсмита, «чтобы добиться успеха в новой экономике, агрессивно продвинуться в эпоху электронного бизнеса, электронной коммерции и Интернета», необходимо менять методологии и избавляться от Дилбертовских проявлений [6; 3]. К гибким методологиям относят, например, Экстремальное программирование, суть которого состоит в применении традиционных методов и новых «экстремальных» уровней практики разработки программного обеспечения; - гибкий метод разработки DSDM (Dynamic Systems Development Method), суть которого заключается в концепции быстрой разработки приложений программного обеспечения, позволяющей сдать готовый проект в кратчайшие сроки и уложиться в бюджет; Scrum – гибкий метод управления и сопровождения проектами в различных производственных бизнес-отраслях, который позволяет в жестко фиксированные сроки предоставить конечный продукт с новыми бизнес возможностями и другие гибкие методы [1; 5; 2]. Из всего перечня Agile методологии, для процесса обучения, по мнению исследователей, наибольшую популярность приобрела методология гибкой разработки Scrum, названная Education Scrum или eduScrum [11]. В методологии eduScrum, перенесенной из бизнес-среды, используются следующие роли: - Скрам Мастер, которую выполняет преподаватель как менеджер проекта; - Владелец продукта, которым также может быть преподаватель-предметник и третья роль – команда участников (студентов). Особенностью метода является то, что команды являются самоорганизующимися и самоуправляемыми. Основная роль в проекте принадлежит Скрам Мастеру, который ставит проблемы, формирует открытые вопросы, устраняет возникающие препятствия в работе команд, ведет проект, критериально оценивает выполнение проекта. Достоинством метода eduScrum является возможность оптимально сочетать расход времени и усилий преподавателей и студентов. Каждая итерация может выглядеть как проект в миниатюре и включать все задачи, необходимые для достижения эффективного функционирования процесса обучения химии. Управление процессом обучения химии посредством включения метода eduScrum осуществляется при выполнении следующих требований: - указание цели, в результате достижения которой студенты приобретают определенную сумму знаний, умений и навыков, их развитие путем познавательной деятельности; - организация процесса обучения с учетом индивидуальных особенностей студентов; - постановка проблемы как основа познавательных и практических задач; - обеспечение системы обратной связи между членами команды и преподавателем для определения, как студенты перерабатывают, воспринимают, применяют учебную информацию. Edu Scrum – это процесс совместного активного обучения. Он позволяет студентам выполнять задания в установленном ритме. Внутри команды студенты сами планируют и определяют свою активность, расставляют приоритеты и следят за прогрессом. Преподаватель определяет задания (темы проектов), разделяет обучающихся на группы в соответствии с выбранными студентами компетенциями 21 века, и контролирует работу групп, а затем принимает конечный проект (продукт). Отметим, что команда координирует работу в отчете на стенде, где фиксируется, что сделано по освоению темы проекта, что находится «в работе», а что уже готово.

Достоинством данного метода является то, что студенты, организованные в группы, начинают сотрудничать друг с другом с одинаковыми усилиями [7]. Международный опыт свидетельствует о том, что использование гибких методологий Agile в образовании имеет положительные результаты в наставничестве при создании программных проектов в средней школе, в обучении инженерии в университете, в занятиях динамическими играми по обучению концепциям Scrum с использованием блоков Lego [10; 8; 4].

Студенты при освоении химии регулярно размышляют о том, как быстрее решить, например, познавательные задачи. Так, к одному из типов познавательных задач относят творческие задачи [3, С.35]. При использовании в обучении метода eduScrum, студенты самостоятельно переносят ранее усвоенные знания в новую ситуацию, приобретают способности видеть новые проблемы в известных ситуациях. Творческие задачи, встроенные в eduScrum позволяют осуществить формирование определенных приемов мышления, практических и интеллектуальных умений и

навыков и организуются на основе теории алгоритмизации и программированного обучения химии (А.Я.Лернер, В.П.Беспалько) [4; 2].

Опыт использования eduScrum в Новосибирском медицинском колледже был осуществлен для групп ЛТ-31 и ЛТ-32. Преподаватель был Скрам Мастером или владельцем продукта, отвечающим за требования к конечному продукту. Были сформированы в каждой группе по две команды со «специалистами», отвечающими за свои участки работы. Проект имел задачи выполнения, которые разбивались на функциональные части, ранжировались по степени важности и оценивались по объему. Подчеркнем, что владелец продукта выдвигал требования к конечному продукту, то есть к необходимым знаниям по окончанию проекта и расставлял приоритеты, но роль педагога как ответственного за процесс обучения, передавалась студентам групп, которые самостоятельно переносили ранее усвоенные знания в новую ситуацию и определяли решение новых проблем. Работа проводилась в течении 2 недель на практических занятиях по общей химии. Так, например, как часть проекта в коротком спринте рассматривалась тема по общей химии «Растворы. Дисперсные системы». В ходе подготовки к спринту студентами были сформированы определенные приемы мышления, практические и интеллектуальные умения и навыки в соответствии с теорией алгоритмизации. Учебная работа спринта по изучению технологического производства кислот проводили с использованием следующего алгоритма: 1) характеристики сырья; 2) рассмотрения химизма технологического процесса; 3) описания основных аппаратов производства; 4) описания схемы технологического процесса; 5) изучение основных технологических принципов химического производства кислот [3, С.36]. Обратная связь осуществлялась в сформированной группе ВК (ВКонтакте). Был проведен Скрам митинг, как небольшое совещание, на котором обсуждались проблемы поиска учебной литературы, современных научных источников.

При использовании в учебном процессе метода eduScrum были выявлены недостатки, связанные с тем, что студенты не полностью готовы брать ответственность за обучение и освоение темы или задач проекта на себя, осуществлять поиск и изучать дополнительную учебную и научную литературу, то есть в целом управлять обучением. Изучив структуру метода обучения, необходимо на основе соотнесения целей обучения и закономерностей усвоения студентами содержания образования, разъяснять Скрам Мастеру (преподавателю), что вопрос «Как?» достичь результата и в какие сроки по спринту студенты групп должны решать самостоятельно.

Вышеизложенное позволило сделать следующий вывод: использование eduScrum повысило эффективность учебного процесса. Студенты групп, сами формируя образовательный процесс, прилагали большие усилия, коммуницировали, были вовлечены в процесс решения творческой задачи, связанной с выполнением части проекта, устанавливали межпредметные связи за счет получения знаний из разных областей наук. Метод eduScrum позволил целенаправленно и комплексно организовать деятельность студентов с целью оптимального усвоения ими химических знаний.

Литература

1. Бек, К. Экстремальное программирование. Разработка через тестирование. 2003. Изд-во: Питер. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://avidreaders.ru/book/ekstremalnoe-programmirovanie-razrabotka-cherez-testirovanie.html> (Дата обращения 06.08.20).

2. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. - М.: Педагогика. - 1989. - 192 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.gpa.cfuv.ru/courses/os-ped-mast/Doc/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%20\(pdf\)/%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE%20%D0%92.%D0%9F.%20%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8.pdf](http://www.gpa.cfuv.ru/courses/os-ped-mast/Doc/%D0%9A%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8%20%D0%B2%20%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%B0%D1%82%D0%B5%20(pdf)/%D0%91%D0%B5%D1%81%D0%BF%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BA%D0%BE%20%D0%92.%D0%9F.%20%D0%A1%D0%BB%D0%B0%D0%B3%D0%B0%D0%B5%D0%BC%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D0%B5%D0%B4%D0%B0%D0%B3%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9%20%D1%82%D0%B5%D1%85%D0%BD%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D0%B8.pdf) (Дата обращения 09.08.20).

3. Кузнецова Н.Е., Гаркунов В.П., Ерыгин Д.П., Дрижун И.Л., Андросова В.Г., Андриенко А.Л. Методика преподавания химии: Учеб. пособие для студентов пед.ун-тов по хим. и биол. спец. .- М.: «Просвещение». – 1984. – 415 с.
4. Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. - М.; Педагогика. - 1981. – 186 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: file:///C:/Users/naf.samsung/Downloads/38006_63a01dba1c82ca27f1f9481498222c5d.pdf (Дата обращения 08.08.20).
2. Обзор методологии SCRUM. Загл. с экр. <http://citforum.ru/SE/project/scrum/> (Дата обращения 07.08.20).
3. Dave Logan, John King, Halee Fischer-Wright. TRIBAL LEADERSHIP. LEVERAGING NATURAL GROUPS TO BUILD A THRIVING ORGANIZATION. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kitobz.com/upload/%D0%9B%D0%BE%D0%B3%D0%B0%D0%BD%20%D0%94%D1%8D%D0%B9%D0%B2%20%D0%9B%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D1%80%20%D0%B8%20%D0%BF%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D1%8F.%20%D0%9F%D1%8F%D1%82%D1%8C%20%D1%83%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%B5%D0%B9%20%D0%BA%D0%BE%D1%80%D0%BF%D0%BE%D1%80%D0%B0%D1%82%D0%B8%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B9%20%D0%BA%D1%83%D0%BB%D1%8C%D1%82%D1%83%D1%80%D1%8B-%20www.kitobz.com.pdf> (Дата обращения 08.08.20).
4. Douglas Augusto Barcelos Bica, Carlos Alexandre Gouvea Da Silva. Learning Process of Agile Scrum Methodology With Lego Blocks in Interactive Academic Games: Viewpoint of Students. *Revista Iberoamericana de Tecnologias del Aprendizaje* PP(99):1-1 · April 2020. DOI: [10.1109/RITA.2020.2987721](https://doi.org/10.1109/RITA.2020.2987721) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/340615651_Learning_Process_of_Agile_Scrum_Methodology_With_Lego_Blocks_in_Interactive_Academic_Games_Viewpoint_of_Students (Дата обращения 07.08.20).
5. Dynamic Systems Development Method (DSDM). [Электронный ресурс] <https://www.productplan.com/glossary/dynamic-systems-development-method/> (Дата обращения 07.08.20).
6. Jim Highsmith. History: The Agile Manifesto. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://agilemanifesto.org/history.html> (Дата обращения 07.08.20).
7. Kessler R., Dykman N. Integrating traditional and agile processes in the classroom. Proceedings of the 38th SIGCSE technical symposium on Computer science education. March. 2007. Pages 312–316. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://doi.org/10.1145/1227310.1227420> (Дата обращения 06.08.20).
8. Mahnic, V. (2012). A Capstone Course on Agile Software Development Using Scrum. *IEEE Transactions on Education*, 55(1), 99–106. 2012. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/224236694_A_Capstone_Course_on_Agile_Software_Development_Using_Scrum (Дата обращения 07.08.20).
9. Manifesto for Agile Software Development [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://agilemanifesto.org/> (Дата обращения 07.08.20).
10. Meerbaum-Salant, O., Hazzan, O. (2010). An Agile Constructionist Mentoring Methodology for Software Projects in the High School. *ACM Transactions on Computing Education (TOCE)*, 9(4), 21. 2010. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://dl.acm.org/doi/10.1145/1656255.1656259> (Дата обращения 06.08.20).
11. Salza, Pasquale, Musmarra, Paolo, Ferrucci, Filomena. (2019). Agile Methodologies in Education: A Review: Bringing Methodologies from Industry to the Classroom. 10.1007/978-981-13-2751-3_2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/328516721_Agile_Methodologies_in_Education_A_Review_Bringing_Methodologies_from_Industry_to_the_Classroom (Дата обращения 05.08.20).

Трофимова У.М.^{1,2}, Олшиякова К.³

¹РПУ святого Иоанна Богослова, г. Москва, Россия

²ГИРЯ им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

³Высшая школа экономики, г. Москва, Россия

К вопросу о пространственной и временной вариативности жаргонных единиц (на материале наименования денег)

Аннотация. В статье на материале наименований денег рассматривается проблема сопоставимости жаргонных единиц в разных языках. Используются методы лексикографического анализа, социолингвистического анкетирования, корпусного анализа. Выделяется спектр жаргонных единиц и их лексических и семантических характеристик.

Ключевые слова: жаргон, сленг, номинации денег, русский язык, словацкий язык.

В ряду других лингвистических феноменов жаргон занимает особое место. В советское время он рассматривался как маргинальное явление и входил в круг запретных лингвистических тем; в годы перестройки и постперестроечный период, напротив, вызвал живой интерес лингвистов и подвергся масштабной кодификации (например, [1, 2, 3]). Первоначальной задачей был сбор лексического и фразеологического материала, однако по мере лексикографического описания был вскрыт целый ряд проблем, демонстрирующий специфичность жаргона как феномена.

Тезисно обозначим основные положения. Обычно жаргон определяется как «разновидность речи, используемой преимущественно в устном общении отдельной, относительно устойчивой социальной группой» [4: 151]. Спектр принципов формирования социальных групп достаточно широк: от профессии, различных видов деятельности и интересов (например, язык программистов, медиков, ролевиков, спортсменов) до объединений по возрасту (молодежный жаргон). Жаргон представляет собой словарь (лексические и фразеологические единицы) и стратегии словопроизводства, при совпадающей с общелитературным языком грамматике и фонетике (хотя, нужно отметить, что просодические характеристики жаргона специальному изучению не подвергались). В качестве его ресурсов выступают заимствования и словообразование на их основе, переосмысление, различного рода компрессии. Полнота словаря зависит от потребностей социальных групп. В качестве базовых функций для жаргона выступают конспиративная, позволяющая разграничивать «своих» и «чужих», и экспрессивно-игровая. Жаргонизм выполняет номинативную функцию, называя явления, не имеющие однословной номинации в литературном языке (*лох* – «жертва преступления», *прикольный* – «интересный, забавный, смешной», *сушняк* – «чувство жажды с похмелья»). Номинация незначимых с точки зрения среднелитературного стандарта явлений и высокая синонимическая плотность тех или иных семантических полей (например, в [1] различаются наименования воров: *ширмач* «вор-карманник», *домушник* «вор, специализирующийся на квартирных кражах», *мокрушник* «вор-убийца», *мойщик* – «вор, специализирующийся на кражах в магазинах») формирует отличную от общенациональной картину мира и позволяет говорить о мировоззренческой функции жаргона. В силу этого многие единицы жаргонной лексики описывают не столько отдельный фрагмент действительности, сколько целые ситуации, обладая предикативной функцией и требуя соответствующего описания: *запало* «грешно, стыдно с точки зрения воровских законов» [там же].

Таким образом, в отличие от других идиомов жаргон характеризуется асимметричностью: многие социальные группы не имеют специфического жаргона; жаргон проявляется только на лексико-семантическом уровне языка (что подвергает сомнению его характеристику как «разновидности речи»), в зависимости от типа группы, ее открытости или закрытости варьируется объем и тематические области словаря. Асимметричный характер жаргона предопределяет трудности его системного описания.

Другая проблема в определении сущности жаргона обусловлена его высокой социальной зависимостью, обусловленностью социальными процессами. В частности, с течением времени жаргон выходит за рамки устной формы речи в область естественной письменной речи (электронной коммуникации). Публичность и контролируемость электронной коммуникации приводит к снижению значимости конспиративной функции и повышению значимости игровой; другим следствием становится широкое использование сокращений (типа *норм, инфа, ауге, лох*), в том числе на базе визуальных образов (*хдд*). Современный билингвизм молодежи предполагает свободное включение в жаргон производных от английских корней (*изящный, лол, имхо*). Эти особенности в совокупности с расширением неформального общения представителей различных возрастных групп обуславливают диффузность жаргона и затрудняют его характеристику.

В лингвистике остро стоят проблемы определения сущности жаргона, разграничения его со смежными явлениями, такими как *арго, сленг, просторечие* (например, работы В.Д. Бондалетова, А.С. Герда, В.В. Химика, В.М. Мокиенко и мн. др. - детальное описание этого вопроса могло бы занять десятки страниц), пределы временной и пространственной вариативности жаргонных единиц. Проблемы кодификации жаргонизмов связаны с высокой динамичностью жаргона на фоне консервативности традиционной лексикографии. В относительно небольшой промежуток времени жаргонные единицы либо узусализируются (например, *тусовка*), либо выходят из обихода (*катя* - сторублевая купюра). При кодификации жаргона лексикографам приходится брать ответственность в классификации номинации: *что это - жаргонизм или просторечие? жаргонизм или окказионализм? жаргонизм или архаизм?* Вероятно, отнесение единицы к жаргону должно базироваться на комплексе факторов (особенности семантики, прагматики, словообразовании, просодии), хотя до сих пор класс жаргонных единиц (как и фразеологизмов) формируется по принципу фамильного сходства. Описание семантики и прагматики жаргонизмов в словарях значительно отстает от соответствующих современных описаний общелитературных единиц и базируется на интуитивном критерии. Так, отмечая достоинства словаря М.А. Грачева [1], автор рецензии указывает на «огромное количество содержащихся фактологических ошибок, неточностей, некорректных объяснений значений» [5: 358]. Например, *слэм* - это не «вечеринка панков» [1: 502], а «своеобразный танец-драка, практикующийся на некоторых концертах» [5: 358], *рулёз* в словаре «счастье», на самом деле это обозначение положительной оценки, одобрения [там же]. Автор рецензии, между тем, не поясняет, на основании чего он делает столь категоричные выводы о значении слов. Между тем, семантика жаргонизма является сложным феноменом и требует комплексного подхода: использования анкетирования, корпусного анализа, психолингвистических методов (в качестве примера использования ассоциативного эксперимента [6]).

Еще хуже описана пространственная вариативность, которая может быть рассмотрена в двух аспектах: региональном и этническом. Региональная вариативность изучена слабо, однако, вероятнее всего, она и представлена единичными фактами (например, *кулями* - ирон. «много в смысле мало» (ирк., 80-е). Более остро стоит проблема национальной маркированности и межъязыковой соотносительности жаргонных единиц. Здесь возникает целый ряд вопросов, учет которых обеспечит системную адекватность устанавливаемых корреляций: *одинаков ли статус жаргона в сравниваемых языках? выделяется ли данная социальная группировка в пространстве этноса (скажем, наркоманы или ролевики)? имеет ли она специфический жаргон и маркирован ли он национально (или - другой вариант – используются интернациональные единицы)? соотносима ли степень разработанности жаргона в данных семантических областях исследуемых языков?* и т.д.

В данной статье в обозначенном проблемном поле рассматриваются результаты социолингвистического исследования жаргонных наименований денег в русском и словацком языках. Русский и словацкий языки являются контрастными как в лингвистическом, так и в социальном плане. Жаргон как лингвистический феномен в течение последних тридцати лет изучается интенсивно в российской лингвистике: есть объемные словари русского жаргона и разговорные корпуса, позволяющие оценить степень употребительности единицы. Современный этап русского языка характеризуется жаргонизацией, экспансией жаргона в разговорную речь и

естественную письменную речь. В словацком языке понятие *жаргон* описано слабо, есть только единичные научные источники [7, 8], оценивающие популярность данного явления; отсутствуют достаточно полные словари (ср. в [7] 4076 слов, что в два и более раз меньше, чем в словарях [2, 3]), не соотносим объем русского и словацкого корпусов. Такое положение дел может иметь как сугубо лингвистические причины (состояние словацкой лингвистики), так и собственно языковые (неактуальность жаргона для современной словацкой речи). Поэтому для сбора и верификации материала в нашем исследовании использовались различные методы: в русском языке это были словари и корпуса, а также экспресс-опрос, в словацком - словари, социолингвистическое анкетирование и корпуса.

В качестве объекта исследования выступают жаргонные номинации денег. Обращение к этой группе обусловлено ее значимостью для сознания современного человека, которое оценивается как «деньгоцентричное». Функции денег расширяются: кроме утилитарной задачи «купли-продажи», деньги также становятся мерилем ценности человека, его жизни, удачи и т.д. Эти процессы порождают большую дробность концептуального пространства денег: расширяется номинативная сфера, в результате чего дифференцируется семантика и эмотивность денег в различных стилях и регистрах языка, осуществляется метафоризация денежных номинаций и т.д. [9]. Денежный код проявляет вариативность как с позиции диахронии, так и в аспекте национально-культурной специфики. При этом отмечается, что в нелитературных формах языка концепт денег проявляет бо'льшую степень разработанности [10: 383].

Наиболее полно жаргонные наименования денег представлены в тематическом словаре [3]. Это обусловлено тем, что Т.Г. Никитина обобщила существующие на 2013 год словари жаргонизмов и городского просторечия. Всего нами было отобрано 156 единиц в лексических подгруппах: деньги (65 ед.), монеты (6), валюта (3), доллар (14), рубль (12), один рубль (3), десятьрублей (8), пятьдесят рублей (6), сто рублей (7), пятьсот рублей (7), миллиард денежных единиц (долларов, рублей, евро) (3), миллион ДЕ (8), тысяча ДЕ (14). В системе денежных номинаций наблюдается высокая вариативность: например, деньги - *бабки, бабульки, бабули, бабушки; бабл, бабло, бабос, бабсы, балабосы; бачи, башельки, башки; лабэ, лаванда, лавандос, лавы, лавэ, лавешки; мани, манка, маны, маньки, манюха* и т.д. Большинство номинаций маркировано шутливо или иронически, то есть уменьшительные и другие формы являются, по сути, разговорными дублетами. С учетом фонетической и словообразовательной вариативности мы получим следующее распределение: деньги (41 разных ед.), монеты (5), валюта (3), доллар (10), рубль (12), один рубль (2), десять рублей (6), пятьдесят рублей (3), сто рублей (5), пятьсот рублей (4), миллиард денежных единиц (долларов, рублей, евро) (3), миллион ДЕ (4), тысяча ДЕ (6) – всего 104 лексемы.

В качестве источников номинаций выступают заимствования (*таньга, тугрики, ахча* - из тюркских языков, *мани, баксы, ван, грин* - из англ., *бабл* - из амер. сленга, *лавэ* - из цыганского, *юань* - из китайского), метафорические и метонимические номинации (*капуста, дрожжи, воздух, ветер, солома, слёзы* - '*деньги*', *зеленые, огурцы, президент* - '*доллары*'), словопроизводство (*купилки, покупалки, шелестелки, шуршалки* - '*деньги*'). Значительная часть единиц – «выходцы» из уголовного жаргона: *филки, ахча, воздух, лавэ, сара*. Один из популярных игровых приемов в жаргоне - контаминация звука и семантики: *мани* → *манка, маньки, лавэ* → *лаванда, баксы* → *баку, бакинский*.

Для внутренней формы фразеологизмов наиболее популярными оказываются категориальные признаки: цвета (*капуста, зеленые, огурцы*), функции (*купилки, покупалки*), свойств (*шелестелки, шуршалки* - о купюрах; *дрожжи, воздух* - расти и исчезать). Если сопоставить фиксированные в жаргонизмах семантические признаки с ассоциативными реакциями (<https://sociation.org/word/ДЕНЬГИ/>), то основные признаки ассоциативного поля денег - «власть», «зарплата», «работа» - не находят эксплицитного отражения в жаргонных номинациях. Это говорит об особом ментальном статусе жаргонных единиц. При этом в сам ассоциативный ряд входят жаргонизмы (расположены по убывающей частотности): *зелень, бабки, баксы, капуста, бабло, лавэ, котлета, лимон, бабули, тугрики*.

Описание частотности единиц осуществлялось на основе Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ: <https://int.webcorpora.ru/drake/>). Это мегаполис, включающий более 20

млрд. слов, созданный при помощи автоматической обработки текстов Рунета: Новостей, ВКонтакте, Живого Журнала, блогов, Журнального Зала. Для жаргонных единиц ГИКРЯ является более показательным, чем Национальный корпус русского языка. В силу того что современные корпуса - это пока корпуса с неснятой омонимией, анализу подвергались только единицы, не имеющие омонимов, то есть исключались метафорические и омонимические номинации. Корпус позволяет подтвердить регулярность некоторых единиц и проследить частотность единиц в вариативных рядах.

Таблица 1. Частотность жаргонных номинаций денег в ГИКРЯ (показатель **ipm** — частота на миллион словоформ)

слово	IPM	слово	IPM	слово	IPM	слово	IPM
бабло	~0.666281	лабэ	-	покупалк и	~0.00126 0	косарик	~0.009323
баблы	~0.009277	лавандос	~0.042200	рупий	~0.40930 5	штукарь	~0.044921
бабос	~0.066007	лавешки	~0.006394	мани	~0.66813 1	сотыга	~0.002229
балабосы	~0.002977	филки	~0.029412	чирик	~0.21348 8	стоха	~0.003338
бачи	~0.042157	финаги	~0.000367	мулик	~0.00036 7	стольник	~0.106140
башли	~0.017108	таньга	~0.017743	полтан	~0.00262 1	Лям	~0.109146
лавэ	~0.132606	грины	~0.023766	пятихат	~0.00787 8	лимонард	~0.002100
		долларь	~0.001793	пятихатк а	~0.02247 7		

По результатам анализа в корпусе можно отметить: 1) корпус позволяет установить окказиональность - узуальность номинации; многие отмеченные словарями жаргонные значения не проявляются в тех или иных, казалось бы, однозначных номинациях: *шелестелки, маньки, купилки, ишары* (брюки), *твердыш, джорджик, ру, дэшка, тэн, таузенд, лямзики* т.д.; 2) некоторые слова имеют определенный процент других значений, в частности имен собственных (*полтан, мулик*), что искажает полученные количественные данные; 3) если выстроить последовательность в порядке частотности, получим такой результат: *мани, бабло, рупий, чирик, лавэ, лям, стольник, бабос, лавандос, бачи, штукарь, филки, грины, пятихатка, таньга, башли* и т.д. 4) контексты позволяют предполагать некоторые различия в сочетаемости слов (слова с более широкой сочетаемостью, как *бабло*, и с менее широкой сочетаемостью, как, например, *грины*), однако этот вопрос требует тщательного изучения; 5) нередко в контекстах предлагаются ряды жаргонизмов, в том числе с толкованиями:

- *Более привычно было бы услышать бабки, капуста или лавэ. А интеллигентное деньги в наше время почти резало слух.*

- *«капуста», крупняк (большие деньги), слезы (малое их количество), лаванда, лавэ, ленинки (канувшие в лету купюры с изображением «Лукича»), фартинги, филки...*

- *И отвыкайте от употребления слов «зеленые», «грины» и «капуста».*

- *Она меня спросила: что такое чирик? 5 рублей? или 3? Я ответил: чирик - это червонец. Купюра достоинством в 10 рублей. Она помнит, что чирик как-то связан с деньгами. Но слово ушло.*

- *гектар, косарь, алтын, двугривенник, целковый, гривенник, косой, кусок, лимон, лимонард, рублевич, рябчик...*

Результаты пробного социолингвистического анкетирования русских информантов (10 человек) показали не востребованность большей части лексем - жаргонных номинаций денег, их маркированность возрастом участников. К актуальным единицам относятся: *бабло, бабки, чирик* (деньги), *кэш, нал, налик* (наличные), *бакс, зелень, зеленые, зелененькие, капуста* (доллары), *лимоны, лямы* (миллионы), *косарь* (часто), *кусок, штука* (тысяча), *соточка, сотка* (100 рублей). В качестве значимых семантических «дрейфов» можно отметить: расширение значения (*чирик* – 10 рублей → деньги), диффузность количественной семантики (*пятихатка, пятихаточка* – 50 – 500 → 5000).

Проведенный анализ показывает успешность комплексного подхода при характеристике актуальности жаргонной единицы. Большинство номинаций представляют собой дублиеты, находящиеся в отношениях свободной замены. Преимущественно жаргонные наименования денег в речи приобретают шутливую и ироническую окраску и не связаны с семантическими полями «власть» и «работа».

В словацком языке, кроме основной номинации *peniaze* «деньги» выделяются согласно словарю синонимов:

- в экспрессивно-разговорной речи: *fuku, groše* (копейка, грош),
- в жаргоне или в сленге: *prachy* (бабки), *manu* (от англ. *money*), *šupi* (большая сумма денег), *dengi* (от русск. *деньги*), *lóve* (из цыганского), *keš* (от англ. *cash*), *drobné* (мелочь, только в центах), *chechtáky* (из чешск. языка), *dukáty* (дукаты, старые золотые монеты), *halier* (геллер, небольшая сумма денег, только в центах) [11].

В настоящее время Словакия не имеет своей национальной валюты, на ее территории используются только евро (в отличие от соседней Чехии, которая сохранила кроны); крона в Словакии использовалась до 2008 года. При переходе на евро однословные разговорные номинации заменились расчлененными нейтральными (например, *dvojka* → *dve eurá*). Также не используются, в отличие от Чехии, жарг. *kačky* (качки) - кроны, *púl kila* (пул кила) - 50 крон и т.д., таким образом, при отсутствии национальной валюты поле жаргонных наименований обедняется. Для наименования евро используются следующие номинации:

- *evro, euráče, eurká, eurčeky, euráky, euroše*,
- *ojro* (по произношению слова *euro* на немецком языке),
- *d'uro, juroše, jurko, jurošky, juráky, juro* (этот термин для евро, как полагают, связан с Юраем Яношиком - легендарным словацким разбойником, который «у богатых брал, бедным давал»).

Таким образом, лексикографический анализ позволил выявить небольшое количество жаргонных наименований денег, большинство из которых заимствованы из других языков.

Далее были опрошены 15 носителей словацкого языка, с целью установить разговорные варианты различных денежных номинаций. В анкетировании участвовали информанты обоих полов в возрасте от 21 до 61 года. В результате опроса были получены следующие данные:

1. монеты: *cent* «1 цент» (используется всеми информантами), *centík* (47%), *cent'ák* (1 чел., 21-летний студент); *dvoj centík* «2 цента» (1 чел., 23-летняя студентка, редко). Различные номиналы используются 60% респондентов, в возрасте от 21 до 45 лет: 2 *centovka*, 5 *centovka*, 10 *centovka*, 20 *centovka* и 50 *centovka*.

ěčko, euríčko «1 евро» (53% испытуемых в возрасте 21-28 лет); более редкие номинации *eurino, euráč* (13% 21-22 лет);

dvojka «2 евро» (80% испытуемых в возрасте 21-50 лет), *dvoječka* (53% в возрасте 21-28 лет).

Мы видим, что большинство номинаций не используются старшей возрастной группой. Это связано с тем, что ими использовались разговорные номинации: «2, 5, 10, 20 и 50 *koruna/-čka*», но не «2, 5, 10, 20 и 50 *centov/-ka*». Молодые люди, напротив, адаптировали новые единицы в разговорной речи.

2. банкноты: *päťka* «5 евро», *desina* «10 евро», *dvacka* и *dvacina* «20 евро», *kilo* и *stovka* «100 евро», *dvestovka* «200 евро», *tisicka* «1000 евро», *melón* «миллион евро» - используются всеми информантами;

«10 евро» - *desík* (47% - 21-34 года), *desiatka* (47% - 21-45 лет), «20 евро» - *dvacík* (53% 21-28 лет); «50 евро» - *pade* (80% от 21 до 61 года), *pajdik* (47% в возрасте 21-47 лет); «100 евро» *stovečka*

(80% 21-50 лет), *kilečko* (66% 21-45 лет), *stovina* (53% 21-34 лет), *kilčo* (47% 21-28 лет); «200 евро» *dvestovečka* (87% 21-45 лет); «1000 евро» *liter* (87% 21-45 лет), *1k* (33% 21-28 лет), *fialka* (33% 45-61 лет).

Наименования банкнот более широко используются всеми возрастными категориями. Наибольшие различия показали *1k* и *fialka*. В интернете 1К используется для обозначения 1 тысячи, и это отразилось в анкетах молодых участников опроса, наоборот *fialka* используется только старшими, поскольку данный термин был заимствован из номинаций крон (так раньше назывались банкноты в 1000 словацких крон фиолетового цвета. В настоящее время фиолетовая банкнота - это 500 евро. Однако молодая группа респондентов незнакома с этим термином и не использует его).

Проведенный анализ показал сложность сопоставления материала различных языков: в русском языке многие денежные номинации пришли из уголовного жаргона, в словацком это в основном разговорные формы, непонятно, в какой степени здесь можно говорить о жаргоне. Необходимо использовать более широкий спектр методов, позволяющий сопоставлять жаргонные слова разных языков. Возможно, больше данных можно получить путем анализа сетей.

Очевидно, что в русском языке более разветвленная система жаргонных номинаций денег, чем в словацком, причем в русском значительно больше наименований денег как таковых, в словацком больше денежных номинаций определенного номинала. В словацком практически не используется в номинациях метафорический потенциал лексем. Вероятно, за различиями в полях жаргонных наименований стоят различия в мировоззрения русской и словацкой молодежи. Деньги как прагматическое явление играют большую роль в сознании современных носителей русского языка, однако в то же время вызывают иронично-шутливое отношение, формирующее встречную тенденцию депрагматизации; русское ассоциативное поле денег семантически более богато, чем в словацком языке. Словацкая молодежь относится к деньгам более утилитарно. Согласно опросу, проведенному Insight Diver и G82 для словацкого банка *Slovenská sporiteľňa*, очевидно, что молодые люди любят деньги, однако больше ценят свободу принятия решений. Респонденты отмечали: «Деньги не гарантируют свободу или удовлетворение жизнью, но могут существенно помочь и тому и другому», «Они являются предпосылкой для счастливой жизни, но сами по себе они недостаточны».

Типологическая вариативность жаргона позволяет предположить, что популярность жаргона для русскоязычного современного дискурса обусловлена социолингвистической стратификацией русского языка, актуальности антиномии *норма-ненорма* для русского менталитета, игровым началом русской языковой личности. Для жаргонных номинаций денег игровая функция существенна, соответственно, жаргонные аналоги следует искать с опорой на эту функцию. Проведенное исследование показало недостаточную разработанность в словацкой лингвистике понятия жаргона и необходимость использования в дальнейшей работе корпусов и данных естественной письменной речи.

Литература

1. Грачев М.А. Словарь современного молодежного жаргона. - М.: Изд-во Эксмо, 2007.
2. Елистратов В.С. Словарь русского арго: материалы 1980-1990 гг. около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений. - М.: Русские словари, 2000.
3. Никитина Т.Г. Ключевые концепты молодежной культуры: тематический словарь сленга. - СПб, 2013.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. - М.: Советская энциклопедия, 1990.
5. Громов Д.В. Молодежный жаргон в «зеркале» словаря // Антропологический форум. 2011. № 15. С. 357-362.
6. Тохтобина Н.В. Базовые семантические зоны ассоциативных полей стимула «деньги» в русском, китайском и хакасском языковом сознании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 10-2 (40). С. 178-180.
7. Hochel B. *Slovník slovenskéhoho slovníka*. - Bratislava: HEVI. 1993.
8. Аврамовова М., Балажова Л., Черна М.. Словарь современного словацкого языка. Братислава: Наука, издательство Словацкой Академии Наук, 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://slovník.juls.savba.sk/?w=peniaze&s=exact&c=p9a7&cs=&d=kssj4&d=psp&d=sssj&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hssjV&d=bernolak&d=obce&d=priezviska&d=un#>

9. Артемова Т.В., Катышев П.А., Оленев С.В., Шакурьянова Р.Ф. Производные наименования денег в литературном языке и в субстандарте (на материале социолингвистического опроса) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4. С. 149-159.

10. Кошарная С. Концепт «деньги» в русском языковом сознании // Slowo. Tekst. CzasX: Jednostka frazeologiczna w tradycji i nowych paradygmatach naukowych, Szczecin, Greifswald, 6–10 listopada 2009 r. / Podred. M. Aleksiejnki, H. Waltera. Szczecin; Greifswald, 2010. S. 380–387.

11. Анеттова А., Грубаничова И., Михалус Ш.. Синоним словарь словацкий. - Братислава: Издательство САН, 2004. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovník.juls.savba.sk/?w=peniaze&s=exact&c=p9a7&cs=&d=kssj4&d=psp&d=sssj&d=scs&d=sss&d=peciar&d=hssjV&d=bernolak&d=obce&d=priezviska&d=un#>

УДК: 81

Трофимова У.М.^{1,2}, Трофимова Е.Б.³

¹РПУ святого Иоанна Богослова, г. Москва, Россия

²ГИРЯ им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

³АГГПУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

К проблеме осмысления феномена «несвязных» текстов

Аннотация. В статье изложены некоторые положения, касающиеся изучения категорий связности и целостности «несвязных» текстов в психолингвистике. Рассматриваются различные подходы к описанию специфики интерпретации «несвязных» текстов.

Ключевые слова: текст, «несвязные» тексты, категория связности, категория целостности, эмотивность.

Проблема «несвязных» текстов разработана в лингвистике чрезвычайно слабо. За исключением статьи, посвященной психолингвистическим особенностям организации и интерпретации несвязных текстов (Боженкова, Осьминина, 2011), и эпизодического упоминания «связных» текстов В.П. Беляниным в учебнике по психолингвистике (2003) других источников найти не удалось. Собственно говоря, это не удивительно, поскольку все усилия традиционной лингвистики были направлены как раз на изучение феноменов «текстовости» и «связности» текста в бинарных категориях: «текст»-«не-текст», «осмысленность» - «бессмысленность», «связность» - «несвязность», с тех же рациональных и позитивистских позиций, с каких обычно рассматривались «норма» и «отступления от нормы» в обществах, исповедующих идеалы просвещенного абсолютизма. Иначе говоря, все ненормативное, бессмысленное и бессвязное представлялось атавизмами неграмотности, которые с развитием общества должны быть искоренены. В новой парадигме переосмысляются понятия логики, текста и нормы, и понятие «несвязные» тексты требует своего осмысления. Особую роль играет изменение семиотического пространства - здесь необходимо отметить не столько создание «глобальной деревни», по МакКлюэну, сколько подчеркнуть организацию информации через систему гипертекстовых ссылок как отказ от тотальной линейности текста. В этих условиях обращение к феномену связности представляется нам актуальным. В данной статье будет рассмотрено понятие «несвязности» с психолингвистических позиций.

Сочетание *несвязные тексты* оксюморон. Как известно, базовыми категориями текста считаются связность и целостность, или локальная (когезия) и глобальная (интеграция) связанность. В.А. Лукин отмечает, что «само по себе бессвязное сообщение не содержит никаких предпосылок для понимания» (Лукин, 2017, с. 187). По своему определению, текст должен иметь смысл, выражаемый линейным рядом языковых знаков, находящихся в отношениях формальной и смысловой связи. Категория целостности, или глобальной связанности, демонстрирует невыводимость смысла текста из суммы его отдельных составляющих.

Возможность словосочетания *несвязные тексты* обусловлена двумя причинами. Во-первых, расширяется понятие *текст*: текстом начинают считать «отдельный знак препинания (А.А. Залевская), одну букву (К.Ф. Седов, И.Н. Горелов), морфему (Л.В. Сахарный), инкогерентную лексическую последовательность (В.Е. Чернявская), бессмысленную, но морфологически и синтаксически правильную знаковую последовательность (В.А. Успенский), вообще всё сказанное (Н.И. Жинкин, Э. Косериу, Н. Хартман), шире – сновидение, звёздное небо, родной город, Кельнский собор... (В.М. Аллахвердов, Т.Б. Радбиль), ещё шире – «реальность как текст» (Л.А. Микешина), в конце концов, «текст – это всё» (А. Пятигорский) и «нет ничего вне текста» (Ж. Деррида) (Лукин, 2017, с. 183). Во-вторых, закавычивание первого слова в словосочетании показывает условность термина «несвязность», которую также можно интерпретировать как «видимую несвязность».

М.К. Мамардашвили выделял два типа текстов: прямые и косвенные, первые из которых являются аналитическими, а вторые «выразительными»; первые требуют понимания, а вторые интерпретации и расшифровки (Мамардашвили, 2018, с. 6). В отношении второго типа Мамардашвили отмечает, что при несовпадении запаса символов у автора и читателя «текст непонятен, он как бы является разновидностью марсианского текста» (там же, с. 7).

Здесь мы подходим к важнейшей категории текста – читателю. Понимание текста и его категорий может быть описано исключительно в психолингвистических понятиях и категориях, не случайно в определении феномена *текста* психолингвисты играли важную роль (Ю.А. Сорокин, В.А. Пищальникова, А.А. Залевская, К.Ф. Седов, В.П. Белянин и др.).

С позиций психолингвистики текст – это сложное семантическое образование, обладающее не только цельностью и связностью, но и ЭМОТИВНОСТЬЮ (важнейшая психолингвистическая категория!), креолизованностью, прецедентностью (Белянин, 2003). Смысл текста возникает в результате наложения концептуальных систем автора (продюцента) текста и читателя (реципиента).

И продюцент, и реципиент имеют пре-текстовый период, который при порождении текста представляет собой смутно осознаваемый замысел, а при восприятии – горизонт ожиданий, антиципацию. Поэтому продюцент осуществляет коррекцию формы в зависимости от замысла, а реципиент – коррекцию ожиданий в зависимости от формы. Однако если концептуальная система индивидов обусловлена всем их предыдущим опытом (к совпадению которого можно хотя бы стремиться), то на стратегии обработки текста влияет в том числе психотип участника текстового процесса (автора или читателя). Здесь уместно упомянуть созданную В.П. Беляниным (2000) типологию текстов, основанную на эмотивно-смысловой доминанте, в зависимости от акцентуации автора (депрессивная, шизоидная, маниакальная, истероидная и т. д.). А вот как воспринимает другой тип (сходный, контрастный) разные тексты, исследованию не подвергалось.

Именно психолингвистические (точнее, нейролингвистические) эксперименты позволили доказать двойную закодированность текста, что принципиально отличает текст от других речевых сообщений (Лукин, 2017, с. 179). А.Р. Лурия на основе исследований людей с сохранными речевыми зонами Брока и Вернике, но с пораженными другими зонами мозга, показал, что создание языковых конструкций и текстов – разные процессы: больные теряют способность понимать и порождать сложные тексты при полной сохранности речевых способностей (Лурия, 2002, 263). Двойная кодировка объясняет, существование двух измерений в тексте: отдельных единиц и текста как целого. Целостность с позиции психолингвистики – это способность к компрессии без потери смысла, что должно подтверждаться психолингвистическими экспериментами (Белянин, 2003).

Вероятно, текст не ограничивается двумя измерениями, однако психолингвистических свидетельств этому предположению пока нет.

В нашем понимании (см. Трофимова, 2012), текст может интерпретироваться с точки зрения скоординированности когнитивных и дискурсивных навыков индивида. Здесь мы говорим о двух областях: области готового знания, дескрипция которого является результатом научения и об области нового знания, где осуществляется коррекция дискурса в соответствии с единицей знания. Обычно это происходит в научной или художественной областях. Автор как бы преодолевает

«сопротивление стандартного языкового материала» в стремлении выразить новый образ или знание.

Таким образом, можно отметить множественность источников несвязности текста, как с позиции порождающего текст продуцента, так и с точки зрения воспринимающего его реципиента.

Если говорить о несвязных текстах как о маргинальном явлении, то психолингвистика, конечно, испытывает к ним жгучий интерес. Дело в том, что проблема исследования психолингвистических феноменов обусловлена спаянностью языка, сознания, культуры и т. д., при попытке вычленения того или иного параметра, мы разрушаем базовую категорию целостности. Психолингвистические феномены – уравнивания со многими неизвестными (Трофимова, 2006). Маргинальные явления позволяют нам варьировать отдельную составляющую, не нарушая целостности объекта.

Принято находить несвязные тексты в двух сферах: художественной («абсурдизм») и психиатрической: «нарушения связности в тексте могут свидетельствовать о дезорганизации психических и когнитивных процессов личности (в частности, о шизофрении)» (Белянин, 2003).

Любопытно, что хотя в обыденной жизни мы нередко оцениваем текст как несвязный или бессмысленный, исследователям приходится изрядно потрудиться, чтобы сгенерировать единичные бессмысленные тексты-предложения. Известны примеры лексических бессмыслиц Н. Хомского (*Зеленые бесцветные идеи яростно спят; Оба родителя Джона женаты на моих тетках*; И.И. Ревзина (*Кентавр выпил круглый квадрат*), Ю.Д. Апресяна (*Пустынное солнце садится в рассол*). Широко известны игровые фразы типа:

В огороде бузина, а в Киеве дядька; Летели два крокодила – один на север, другой зеленый. А зачем мне холодильник, если я не курю. Или пример Д. Хармса: *Старик, не зная зачем, пошёл в лес. Потом вернулся и говорит: – Старуха, а старуха! – Старуха так и повалилась. С тех пор все зайцы зимой белые.*

Однако хуже не только то, что не удастся создать прототипические несвязные тексты, которые бы всех удовлетворяли, но и даже созданные тут же приобретают смысл: см. манипуляции с текстом В.А. Лукина: *В огороде бузина, а в Киеве дядька* помещается в рамку и возникает фраза [*Когда*] *в огороде [цветёт] бузина, [то] дядька в Киеве, [потому что у него аллергия]*.

На наш взгляд, данные манипуляции автора выглядят недостоверно, а главное избыточно: эта фраза для нас совершенно осмысленно возглавляет список бессмысленных предложений, то есть она осмысленна прагматически.

Не удивительно, что психолингвистика здесь оперирует коллективным сознанием: «реконструкция связности, основанной на личностных ассоциациях автора текста, не может быть предпринята лишь на основе гипотезы исследователя о смысле текста, психолингвисту требуется обращение к реципиентам, в сознании которых текст только и обретает своё существование, превращаясь в проекцию текста» (Белянин, 2003).

Казалось бы, очевидный для нас диагностический аспект также может быть оспорен: при ускоренном ассоциативном мышлении, естественно нарушается корреляция когнитивных и дискурсивных процессов (скорость мышления выше, чем скорость речи, что создает ее видимую несвязность) и социальные расстройства (отсутствие ориентации на собеседника) принимаются за психические.

Итак, на мой взгляд, с психолингвистической точки зрения текстовая категория связности не является бинарной (связные – несвязные), а имеет градуальный характер. Текст порождается на основе концептуальной системы индивида и может вступать с ней в дополнительные отношения (вербальная внешняя форма – наружная часть айсберга), что создает видимую несвязность для читателя, но не для автора. Текст является сложной категорией, отсюда чем сложнее тема, идея, тем больших дискурсивных усилий она требует, в том числе и усилий по отказу от точности мысли: *Как сердцу высказать себя, Другому как понять тебя* (Ф.И. Тютчев). Восприятие текста осуществляется на основе концептуальной системы реципиента. Пред-знание включает эмоциональное отношение читателя к автору, в том числе готовность наделить смыслом внешне бессмысленный текст. Иначе говоря – *а судьи кто?*

Возможно два способа решения проблемы «судей» – обращение к реципиентам, здесь можно «поиграть» с психотипами. Работа с текстами – трудоемкий эксперимент, требующий определенной компетенции читателя. Другой способ – окулографическая методика (еще более трудоемкая), позволяющая на основе движения глаз (саккад) определять степень сложности разного типа «несвязных» текста для восприятия, ключевые точки интерпретации (зоны фиксации) (Соколова и др., 2015).

Таким образом, как нам представляется, исследование феномена восприятия несвязных тестов, в том числе с использованием инструментальных методик, позволит нам приблизиться к особенностям восприятия сложноорганизованной информации.

Литература

1. Белянин В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000.
2. Белянин В.П. Психолингвистика: учебник. М.: Московский психолого-социальный институт, 2003.
3. Боженкова Н.А. Осьминина О.С. Психолингвистические особенности организации и интерпретации несвязных текстов // Новый взгляд на проблемы современного языкознания: Материалы II Международ. научн. конф. школьн, студ. и аспирантов. Курск, ЮЗГУ, 2011. С.36-43.
4. Лукин В.А. Текст и не-текст в аспекте «осмысленность vs. Бессмысленность» // Языковая личность: аспекты изучения: сборник научных статей памяти члена-корреспондента РАН Юрия Николаевича Караулова. М.: ООО «МАКС Пресс», 2017. С. 179-196.
5. Лурия А.Р. Письмо и речь. Нейролингвистические исследования. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
6. Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. С.-П., 2018.
7. Соколова Л.В., Иваева О.Н., Роева М.В. Параметры окуломоторной активности студентов при восприятии текстовой информации // Вестник Арктического федерального университета. 2015. № 3. С. 37-45.
8. Трофимова У.М. Ненормативная вариативность в процессах семантизации как когнитивно-дескриптивное явление // Вестник КемГУ. 2012. №4-4 (52). С. 186-189.

УДК: 82

Федорова В.Г.

АГППУ им. В.М. Шукина, г. Бийск, Россия

Тема Великой Отечественной войны в стихотворениях поэтов-фронтовиков Алтайского края

Аннотация. В статье рассматривается тема Великой Отечественной войны в творчестве писателей-фронтовиков Алтайского края, которая раскрывается в связи с темами памяти, долга, Родины, дружбы и пр.; особо выделяется тема малой Родины и связанные с ней мотивы ценности хлеба и душевной щедрости хлебороба.

Ключевые слова: тема Великой Отечественной войны; поэты-фронтовики; Алтайский край; темы памяти, долга, Родины.

Обращение к теме Великой Отечественной войны не теряет своей актуальности, сколько бы десятилетий не прошло со Дня Победы, и становится со временем еще более необходимым, чтобы сохранить память о героическом подвиге и великой жертве наших соотечественников. 75-я годовщина Великой Победы – еще один значимый повод обратиться к этой теме.

Более 500 тысяч наших земляков проводила на фронт алтайская земля, 16 тысяч человек ушли защищать Родину добровольцами, 240815 воинов не вернулись с войны. Более 250 наших

земляков удостоились на фронте звания Героя Советского Союза, около ста из них пали смертью храбрых [1].

В своей статье мы дадим небольшой обзор произведений поэтов-фронтовиков Алтайского края, представленных в сборнике стихов «Это память листает страницы...», который был издан по инициативе и при поддержке Администрации Алтайского края в 2014 году, в нем собрано 260 стихотворений о Великой Отечественной войне 74 авторов.

Жизнь и творчество поэтов-фронтовиков Алтайского края неразрывно связаны с Великой Отечественной войной. Их произведения, в основном, непрофессиональные, в них нет поэтических экспериментов, совершенства формы, но они пронзительно искренние, лиричные, передающие непосредственные чувства и переживания людей, на долю которых выпали немыслимые испытания, и которые преодолели их с честью и достоинством – в этом их основная ценность. Некоторые из них написаны во время войны, другие уже после нее. Во время войны поэзия не только поднимала боевой дух, но была также отдушиной, отдохновением между боями, о чем сказано в стихотворении Михаила Федоровича Длуговского, командира-зенитчика, участника боев под Смоленском, Москвой, Сталинградом, Варшавой [4, с. 128]:

*На войне не до сонетов,
Но случилось на войне –
И солдат слагал куплеты
О любви и о весне,
И солдат стихом порою
Сам с собою говорил
Перед боем, после боя,
Потому что жизнь любил.
Он стихам своим не прочил
Громкой славы. Был он рад,
Если стих его средь ночи
Согревал сердца солдат.*

В послевоенных стихотворениях поэтов-фронтовиков центральной становится тема памяти. Памяти о войне, ее лишениях и ужасах, страданиях и боли, памяти о героизме и мужестве участников войны, памяти о самих героях войны. Для настоящих и будущих поколений значим не только героический подвиг фронтовиков, но и память о войне, хранителями которой они являются, которая не отпускает их всю послевоенную жизнь.

*Нас все меньше и меньше,
но людям все больше нужны
мы, которым в окопах
на зрелость даны аттестаты,-*

пишет поэт-фронтовик Марк Иосифович Юдалевич, военный корреспондент и участник битвы за Москву.

Общий пафос послевоенных стихотворений – дань памяти и уважения всем участникам войны, преклонение перед их мужеством и душевной силой. «Вечная память им! Вечная слава!» – это строки из одноименного стихотворения Всеволода Владимировича Митинского, сражавшегося в годы войны на Северо-Западном фронте. Эти строки – лейтмотив всего сборника [4, с. 221]:

*Стела взметнулась в лазурную высь.
Бронзовы воин стоит величаво.
Сколько их здесь – посмотри, поклонись,
Вечная память им! Вечная слава!*

Теме памяти обо всех сражавшихся и погибших на войне посвящено стихотворение Ивана Петровича Ракитянского, участника боевых операций под Ржевом, в Великих Луках, штурма г. Витебска, «Мы по годам давно все деды» [4, с. 293]:

*Мы знаем горечь поражений,
И помним цену всех побед!
Мы помним всех, кто пал в сраженьях,*

*Всех тех, кого уж с нам нет.
Мы по годам давно все деды...
О чем нам сердце знать дает,
Но каждый раз к нам в День Победы
Приходит сорок первый год.*

Егор Васильевич Егоров, прошедший всю войну, от Москвы до Австрии, пишет о том, что будущие поколения должны знать и помнить, что довелось испытать, через какие страдания пришлось пройти защитникам Родины в Великую Отечественную войну, пусть эта память тяжела и мучительна [4, с. 133]:

*Все, то было в войну пережито,
Здесь в тылу, там в свинцовом огне.
Сколько нашего брата зарыто
В землю-матушку, в реках на дне.
И разорвано бомбой и миной,
И безвестно пропавших в плену,
Поглощенных морскою пучиной,
Покалеченных в эту войну.
Люди пишут об этом и пишут,
И об этом нельзя не писать.
Наши дети пусть знают и слышат,
Как пришлось нам в те годы страдать.*

Мотив мучительности памяти о войне и невозможности ее забыть звучит в стихотворении «Память» Ивана Сергеевича Береговых [4, с. 38]:

*Сжался, память, будь сердечной,
Дай всё позабыть,
Разве можно бесконечно
Столь жестокой быть?
«Не могу того исполнить, -
Память мне в ответ, -
До конца ты будешь помнить
Горечь этих лет!».*

Прошедшие войну – непримиримые противники войны, предупреждающие сегодняшние поколения о недопустимости повторения войны, непозволительности забвения ее ужасов и того героического подвига, который совершили ее участники. Эта мысль выражена в стихотворении «Солдат» бийчанина Юнпиона Апполоновича Пушкарева, который в 1942 году восемнадцатилетним ушел на фронт и прошел пехотинцем через все восточно-европейские страны [4, с. 289]:

*На фронте стало ясно мне:
Поняв цену невзгод,
Солдат навеки враг войне,
А не наоборот!*

В произведениях поэтов-фронтовиков звучит предупреждение врагам и недругам, которые не извлекают уроков из истории:

*И недруги пусть память не теряют,
Что было, то быльем не порастет,
И пусть они почаще вспоминают
Уроки, что история дает! -*

читаем в стихотворении «Пусть будет!» Михаила Лазаревича Когана, принимавшего участие в боях под Москвой, Смоленском, Ельней, на Дону и Северном Кавказе в частях истребительно-противотанковой артиллерии [4, с. 175].

Есть в них и наказ потомкам не терять бдительность. Об этом пишет в стихотворении «Нельзя забывать!» бийчанин Александр Степанович Соколов, боевой летчик, защищавший небо Ленинграда, Будапешта, Праги, воевавший на 3-м Украинском фронте [4, с. 333]:

*Да сколько бы лет ни промчалось,
Нельзя нам тот день забывать.
Победа нам трудно досталась.
Нельзя нам сегодня зевать!*

«Тот день» – это день начала войны. О нем вспоминают в своих стихах многие поэты-фронтовики. «За двадцать минут до войны» – так называется стихотворение Николая Михайловича Михеева [4, с. 226]:

*Прекрасен последний наш танец...
Мы, парни, пойдем воевать...
В живых я один лишь останусь,
Как будто бы в чем виноват.*

Мотив вины очень часто возникает в стихотворениях о войне в связи с памятью о тех, кто с нее не вернулся, он связан также с мыслями о том, что нужно прожить свою жизнь не только за себя, но и за них:

*Живу я жадно, словно бы за всех,
Кто там остался у смертельных вех, –*
пишет Иван Петрович Ракитянский в стихотворении «Память» [4, с. 295].

Еще один постоянный мотив – мотив неизбежной боли, боли душевной и физической, которую чувствуют выжившие солдаты и спустя многие годы.

*Я познал все ужасы войны,
И хотя я их забыть стараюсь,
Часто вспоминаются они,
В памяти уставшей повторяясь.
Боже, позабыть их помощи...
Сколько лет прошло, а каждый палец
Все еще болит у той ноги,
Что в болотах волховских осталась, –*

читаем в стихотворении Николая Михайловича Михеева, командира стрелковой роты, 462 дня провоевавшего на Волховском фронте [4, с. 231].

Воспоминания о войне не отпускают ее участников и в беспокойных снах, об этом также пишут многие поэты-фронтовики. Павел Егорович Вяльцев, прошедший с боями Украину, форсировавший Днепр, принимавший участие в освобождении Румынии, Венгрии, Польши, посвятил этой теме стихотворение «Сон», в котором лирический герой в мучительном сне вновь лежит «уткнувшись вниз лицом» в траншею под градом пуль и снарядов и будто бы вырастает в землю.

О тревожных снах ветеранов пишет и Павел Иванович Ищенко, призванный на фронт в первый месяц войны и дошедший до Берлина [4, с. 158]:

*В памяти нашей не громы гремят –
В схватке сошлись батальоны!
Дробь пулеметов, разрывы гранат
И умирающих стоны...*

Характерной особенностью поэзии военных лет была ее почти документальная точность, репортажность, «дневниковость» [2]. Авторы-фронтовики в своих произведениях опираются на свой собственный фронтовой опыт, пишут не только о горестях солдатской жизни, но и о солдатской дружбе, фронтовом товариществе, помогавшем переживать тяжести походной жизни. Этой теме посвящено стихотворение «О друге» Владимира Григорьевича Энделина, участника сражений с милитаристской Японией [4, с. 413-414]:

*Не все с войны домой
пришли солдаты,*

*А кто пришел,
тот помнить будет их,
Друзей своих,
Которые когда-то
Делили чашку супа на двоих.
Делили
ночь в дозоре и махорку,
Приятней и дорожке всех сигар,
Глоток воды делили,
хлеба корку
И принимали на себя удар.*

Поэты-фронтовики отмечают, что на войне, в окопе, бою не было никакой национальной розни, все были братьями:

*Обелиски безмолвно стоят у дороги,
Рядом с русским лежат и грузин, и казах... -*

это строчки из стихотворения «Эхо войны» Юнпиона Апполоновича Пушкарева [4, с. 288].

Пишут поэты-фронтовики и о той борьбе, усилиях, которые стоят за солдатским мужеством и храбростью на войне, тем более, когда солдаты - вчерашние мальчишки:

*Как трудно над землей подняться
Под шквалом стали и огня,
Когда тебе лишь девятнадцать
И то через четыре дня! -*

читаем в стихотворении «Подвиг» Михаила Лазаревича Когана [4, с. 183].

Пишут они и об изматывающих фронтовых буднях. Эта тема затронута в стихотворении «Что такое война?» Михаила Яковлевича Палатова, за бои подо Ржевом награждённого боевым орденом Красного Знамени [4, с. 272]:

*Что такое война?
Это – воющий голос металла,
доносящийся с неба
сквозь серую рвань облаков.
Это – липкая слякоть
и привычная злая усталость,
Надоедливый дождь,
зарядивший на веки веков.*

Много трогательных и теплых строк в стихотворениях о войне посвящено женщинам: милосердию медсестер, выносящих солдат с поля боя, мужеству и нелёгкой судьбе женщин, ждущих своих родных с фронта, мукам любящих матерей, глубокому горю вдов.

О спасительной роли женщин на войне говорится в стихотворении Михаила Длуговского «Ангел» [4, с. 127]:

*Лежу живой и не живой,
Снаряды воют как сирены...
Склонился ангел надо мной –
Из нашего санбата Лена.*

О поддержке, которую солдат обретает в письмах, приходящих от любимых на фронт, пишет Яков Никифорович Скрипков в стихотворении «Письмо с фронта» [4, с. 318]:

*Ах ты, счастье мое и отрада!
Мне пора. Ухожу снова в бой.
Не печалься. Душа у солдата
Лишь в любви обретает покой.*

Георгий Суворов, сибирский писатель-фронтовик, погибший незадолго до победы, очень точно сказал о своем поколении: «Свой добрый век мы прожили как люди, и для людей». В

произведениях поэтов-фронтовиков есть осознание честно выполненного долга, жизни, прожитой не напрасно.

Сергей Васильевич Андреев, воевавший с начала и до конца войны наводчиком в полковой артиллерии и в разведке, говорит об этом с гордостью в стихотворении «День Победы!» [4, с. 15]:

*Пуškai не вышєю наградой
Отмечен был мой ратный труд,
Я был все время там, где надо,
Я шел туда, куда пошлут.
Я был с тобой, страна родная,
Твоя беда моей была,
И в День Победы согревают
Нас волны общего тепла.*

О том, что его поколению пришлось тяжело не только на войне, но и после нее, когда довелось восстанавливать страну, поднимать ее из руин, пишет в стихотворении «Мы, ветераны» Александр Петрович Иус, служивший во время войны сигнальщиком на Тихоокеанском флоте. Эта мысль высказана и в стихотворении Василия Трофимовича Волоха, для которого война началась еще в 1939 г. в Финляндии, а продолжилась боями в Латвии, под Москвой и Ржевом [4, с. 59-60]:

*Мы вынесли все!
Города возродили из пепла,
Взрастили сады
И взрастили своих сыновей.*

Есть в стихотворениях поэтов Алтайского края и своя тема, связанная с родным хлеборобным краем, воспоминания о котором поддерживают солдата на войне.

*Небо смрадное над рожью.
Полыхает степь огнем.
Мы идем по бездорожью,
По родной земле идем.
По израненной фугасом,
Густо кровью политой...
Я во сне еще ни разу
Не видал земли такой.
Мне земля другая снится,
Снится мой родной Алтай,
Золотая ширь пшеницы,
Голубой таежный край, -*

читаем в стихотворении Михаила Длуговского [4, с. 127].

Это не просто воспоминания, а осознание своей связи с родной землей, которую он пахал, это мировосприятие пахаря, хлебороба, которое не вытравить никакой войне. Эта мысль выражена в другом стихотворении Михаила Длуговского «Сухари» [4, с. 125]:

*-Хлеб горит,
Солдат вздыхает с болью.
Паренек
Впервые на войне.
На Алтае
Был он трактористом,
Зябь пахал
И поднимал пары.*

Героем стихотворения является алтайский паренек, который раздает выданные старшиной «в запас на черный день» сухари «как гостинцы, детворе сожженных деревень»:

*Человек,
Рожденный хлеборобом,*

Остается щедрым на войне.

О ценности хлеба, благоговейном отношении к нему и душевной щедрости человека, который привык выращивать хлеб, пишет Иван Филимонович Лопатин, с детства работавший на земле [4, с. 204-205]:

Я к хлебу отношусь с благоговеньем.

Хлеб уважать учил меня отец.

Отрежет ломтик он, бывало, с наслаждением,

Посыплет солью, скажет: «Ешь, малец».

.....

В тяжелый год войны с душой,

Всегда открытой,

Делил я ломтик хлеба на троих.

В стихотворении разведчика и военного корреспондента Якова Никифоровича Скрипкова «Возвращение» мечты солдата о послевоенной жизни связаны, прежде всего, с крестьянским трудом на родной земле, который должен уничтожить следы войны [4, с. 320]:

И вторя песенному такту,

В его душе жила мечта –

Скорее снова сесть на трактор,

Вернувшись в тихие места.

Вспахать поля, что истоптали

Враги, ворвавшись в край родной,

Чтоб люди больше не видали

Следов, оставленных войной.

Таким образом, тема войны в стихотворениях поэтов-фронтовиков Алтайского края, прежде всего, связана с темами памяти, долга, Родины, в том числе малой Родины, дружбы, материнской и женской доли, ценности хлеба, счастливой послевоенной жизни и пр.

Представленный обзор творчества поэтов-фронтовиков Алтайского края не претендует ни на полноту, ни на глубину. Перспективой данного исследования является более подробный анализ произведений из сборника «Это память листает страницы...», а также рассмотрение стихотворений, вошедших во второй том сборника стихов поэтов-фронтовиков Алтайского края «Мы снова вернули планете весну...», написанных на фронте, но не о войне. Они посвящены «воспоминаниям о весне в любимой деревеньке, о необъятных степях и лесных чащах, о походах за грибами и посиделках с гармонью, об отчем доме и материнской заботе... О той счастливой жизни под мирным небом, которой они лишились в июне 1941-го» [3, с. 3-4]

Литература

1. Алтайский край. Великая Отечественная война. 1941-1945 гг. // Постигаю Алтай. Электронная библиотека Алтая [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://elib.altlib.ru/tematicheskie/altajskij-kraj-velikaya-otechestvennaya-vojna-1941-1945-gg> (Дата обращения 25.07.2020 г.).
2. Горшенин А. «Никто из нас забыть не может...» (Великая Отечественная война в творчестве поэтов-сибиряков) [Электронный ресурс] // Сибирские огни. – 2020. – №2. – Режим доступа: <http://сибирскиеогни.рф/content/nikto-iz-nas-zabyt-ne-mozhet> (Дата обращения 05.08.2020 г.).
3. Мы снова вернули планете весну...: сборник стихов поэтов-фронтовиков Алтайского края / Администрация Алтайского края; [сост. А.Н. Коган, А.Е. Россинская]. Барнаул: АЗБУКА, 2015. – 436 с.
4. Это память листает страницы...: сборник стихов поэтов-фронтовиков Алтайского края / Администрация Алтайского края; [сост. А.Н. Коган, А.Е. Россинская]. Барнаул: АЗБУКА, 2014. – 436 с.

Холунова Д.С., Кривошеева Е.И.

Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск, Россия

Особенности перевода топонимических единиц Хабаровского края с русского на китайский язык

Аннотация. В связи с растущим интересом к г. Хабаровску, именно как к историческому месту со стороны туристов из КНР, проблема перевода названий районов, улиц, а также различных мест отдыха на китайский язык остается нерешенной. За наименованиями городских пространств, нарицательными и собственными, стоит информация об общественно–политических и культурных преобразованиях в стране, уникальные сведения об истории, культуре, языке людей, живущих в местах, обозначенных этими именами, ценностях современного общества. Это является значимым элементом в процессе представления региона иностранным туристам. На сегодняшний день не существует карты с корректным и полным указанием на китайском языке топонимов (йоконимов, годонимов, гидронимов, астионимов) г Хабаровска и Хабаровского края, а имеющиеся варианты представляют собой автоматизированный и непрофессионально выполненный перевод с помощью транскрипции и транслитерации, что исключает овладение смыслом географического названия.

В работе представлена часть исследования, посвященное созданию специально построенных и переведенных на китайский язык политематических топонимических карт г Хабаровска и Хабаровского края, с использованием иероглифифа в качестве основного компонента значения.

Ключевые слова: топонимы, годонимы, эргонимы, астионимы, Хабаровск, Хабаровский край, китайский язык, туризм.

Современный этап развития мировой науки характеризуется наиболее интенсивным развитием тех ее областей и разделов, которые занимают пограничное положение, другими словами, сочетают в себе элементы и методологию нескольких научных направлений. Такой междисциплинарной областью является топонимика, которая сформировалась на стыке географии, лингвистики и истории. С одной стороны, в русле историкофилологического подхода, топонимы (все виды) несут большой объём информации о традициях, устоях, своеобразии менталитета и особенностях миропонимания, характеризующих то или иное языковое сообщество. С другой стороны, к элементам топонимики применяется коммуникативный подход, при котором устанавливается, что они выполняют роль сообщений в городе как коммуникативном пространстве, обращенных к публичному адресату и несущих определенную смысловую нагрузку [2].

Перевод топонимов (всех видов) г Хабаровска на китайский языка не был объектом углубленного комплексного анализа, который бы затрагивал не только его фонетическое воспроизведение - перевод, но и закладывал информацию о происхождение самих названий. Проведя структурно-семантический анализ языковых единиц, присутствующих в переведенных на китайский язык картах районов Хабаровского края и выявив их недостатки и достоинства, удалось прийти к выводу о том, что имеющиеся варианты туристических карт на китайском языке представляют собой в большинстве своем непрофессионально выполненный перевод с использованием транскрипции, что не всегда является уместным и подходящим. Безусловно, выбор адекватного способа передачи топонимов на китайский язык отличается достаточной сложностью в силу структурной комбинаторности китайского языка, для которого подходят не все из четырех способов (процессов) перевода географических имен собственных (транслитерации, транскрипции, перевода или экзонимизации). Топонимические названия, распространенные в Хабаровске и Хабаровском крае, содержат локально ориентированный компонент в значении и могут дать возможность носителям другого языка и иной культуры (китайской, в частности) представить константы русской истории, богатство русской культуры и

полифонию русского духа. Это способствует тому, что топонимический материал в туристическом дискурсе становится более репрезентативным.

Топоним представляет собой свернутый текст, как бы текст в тексте, обладающий потенциалом культурно-исторических знаний. Это обусловлено тем, что топонимы напрямую связаны с историей, являются носителями информации о прошлом, знаками определенных культурно-исторических событий. Все отмеченные особенности, как и ряд других функционально-стилистических свойств топонимов, должны быть адекватно переданы при переводе с одного языка на другой. Носители китайского языка, психологически предрасположены на восприятие визуальной информации, заложенной в идеографическом письме. Иероглифы выступают не сколько в роли слоговых букв, сколько в качестве носителей информации, дополняющей / поясняющее звучание слова и дающее представление о его этимологии. С учетом этих особенностей, предложим варианты перевода на китайский язык топонимов г Хабаровска и Хабаровского края с использованием иероглифа в качестве основного смыслового компонента значения.

Группа 1. *Наименования улиц по роду занятий, национальности жителей, общественным ролям, а также названия, связанные с производственной жизнью города.* В данной категории для передачи смыслового аспекта наименований использовался метод калькирования: ул. Пионерская – 先锋街 (Xiānfēng jiē), где 先锋 дословно переводится как “первооткрыватель” или “передовик”, что является максимально близким по значению к слову “пионер”, от которого, собственно, и произошло название данной улицы; ул. Кавказская – 高加索街 (Gāojiāsuǒ jiē), где “高加索” – кавказец. ул. Кирпичная – 砖街 (Zhuān jiē), где 砖 – означает “кирпич”/“кирпичный”; ул. Заводская – 工厂街 (Gōngchǎng jiē), где 工厂 – это “завод”, а 街, соответственно, “улица”.

Группа 2. *Наименования, называющие конкретные городские объекты:* ул. Дачная перевели как “乡村街” (Xiāngcūn jiē), где 乡村 означает “село”/“дачное поселение”. Здесь в качестве эквивалента было подобрано именно слово “село”, потому что понятие “дача” в общепринятом смысле этого слова в китайском языке отсутствует; ул. Поселковая – 定居街 (Dìngjū jiē), где 定居 означает “обосноваться” или “поселиться”. В данной группе топонимов перевод также выполнялся с помощью калькирования.

Группа 3. «По признаковой характеристике улиц»: ул. Бархатная – 天鹅绒街 (Tiān'éróng jiē), 天鹅绒 где означает “бархат” или “плюш”; ул. Провинциальная – 省街 (Shěng jiē), где 省 – “провинция” или “губерния”; ул. Рельефная – 浮雕街 (Fúdiāo jiē), 浮雕 в данном случае означает “рельеф”. Перевод выполнен методом калькирования.

Группа 4. *Имена собственные.* В данном случае практически все топонимы переводятся методом транскрипции для качественной передачи звуковой формы слова. При использовании этого переводческого метода важно учитывать семантические особенности подбираемых иероглифов. Например, ул. Лермонтова – 列尔蒙托夫街 (Liè ěr méng tuō fū jiē). В данном случае были подобраны следующие нейтральные по смысловому значению графические элементы: 列 – порядок, 尔 – твой/ваш, 蒙 – обволакивать, 托 – подносить, 夫 – муж/мужчина. Ул. Пушкина – 普什金街 (Pǔ shí jīn jiē), где 普 – распространенный, 什 – десять/десяток, 金 – золото. Ул. Карла-Маркса 卡爾拉馬克薩街 (Kǎ'ěr lā mǎkè sà jiē), где 卡爾 – Карл, 拉 – чертить/рисовать, 馬克 – Марк.

Особое внимание следует уделить переводу эргонимов – названий городских объектов, таких как гостиницы, отели, рестораны, картинные галереи, музеи, торговые центры. Они так же, как и топонимы очень ярко отражают специфику города и его исторические особенности. При переводе наименований данных лексических единиц с русского на китайский язык следует стремиться, в первую очередь, к сохранению узнаваемости того или иного заведения, а также необходимо учитывать этические и психологические особенности жителей Китая [1]. Проблема перевода заключается в том, что зачастую названия торгово-развлекательных заведений практически не имеют лексических эквивалентов в китайском языке. Для адекватного перевода названий принято использовать метод калькирования, но на наш взгляд, метод транскрипции также будет

продуктивен. Рассмотрим варианты перевода и их особенности на примерах, предварительно распределив все заведения по группам.

1. *Места общественного питания.* Среди заведений этой группы в городе Хабаровск выделим следующие: Ресторан “ЭХО”. Перевод данного названия методом транскрипции выглядит следующим образом: 爱活饭馆 (Ài huò fànguǎn), в качестве позитивно окрашенных по значению иероглифов были выбраны 爱 – любовь, любить и 活 – жизнь, живой. Данный эргоним можно перевести и с помощью калькирования: 反响饭馆 (Fǎnxiǎng fànguǎn), где 反响 с китайского дословно переводится как “эхо”. Ресторан “МукА” – 穆卡饭馆 (Mù kǎ fànguǎn), где 穆 переводится как “торжественный”, а 卡 – “калория”. При использовании калькирования перевод будет выглядеть так: 面粉饭馆 (Miànfěn fànguǎn), дословно – “мучной ресторан”. Очень интересный случай можно заметить при передаче на китайский язык названия “Келди” – популярной среди туристов из КНР кофейни. Сложность и одновременно уникальность данного названия заключается в том, что в китайском языке отсутствуют схожие звуки и подобрать подходящие иероглифы при переводе практически невозможно. По этой причине целесообразно обратиться к этимологии слова “Келди” и подобрать иероглифы, схожие не по звучанию, а по смыслу. С тувинского языка “келди” переводится как “голова”. В китайском языке есть словосочетание, которое звучит как 顶部 (dǐngbù), а переводится “голова” или “верхушка”. В речи жителей КНР данное выражение употребляется относительно часто и имеет нейтральное значение и именно поэтому для перевода названия подойдет идеально.

2. *Места торговли* (торговые центры, рынки, магазины): торговый центр “НК–Сити”. В этом названии к методу калькирования лучше не прибегать, потому, как эквиваленты в китайском языке подобрать невозможно: 恩克西季贸易中心 (Ēn kè xī jì mào yì zhōng xīn), где 恩 – доброта/милость, 克 – побеждать, 西 – Запад, а 季 – сезон; Торговый центр “Броско Молл”. Как и в предыдущем примере, при переводе названия уместным будет использование исключительно метода транскрипции, для лучшей узнаваемости заведения: 布罗斯科莫尔贸易中心 (Bù luó sī kē mò ěr mào yì zhōng xīn), где 布 – ткань, 罗斯 – Русь, 科 – семейство, 莫 – частица отрицания, 尔 – ты/вы. Особое внимание хочется уделить переводу названия торгового центра “Радость”. В данном случае для более корректной передачи смысла названия следует применить метод калькирования. Самый подходящий эквивалент в китайском языке 喜悦 (xǐyuè), что означает “чувство радости”. Важно не забыть добавить в конце словосочетание “торговый центр” – 喜悦贸易中心 (xǐyuè mào yì zhōng xīn).

3. *Места временного проживания (отели, хостелы):* ОТЕЛЬ “Хабаровск–сити” – 哈巴罗夫斯克西季贸易中心 (Hābā luō fū sī kè xī jì mào yì zhōng xīn) в данном случае 哈巴罗夫斯克 – Хабаровск, а 西季 переводится как “западный квартал”; Хостел “Би энд би” – 比恩德比青年旅舍 (Bǐ ēn dé bǐ qīng nián lǚ shě), в данном случае 比 – выбирать/управлять, а 恩德 – доброта; В обоих вариантах использовался метод транскрипции. ОТЕЛЬ “Верба” – здесь же следует применить метод калькирования для лучшего восприятия туристами названия: 黄柳旅舍 (huángliǔ lǚshě).

4. *Места культурного просвещения (музеи, галереи):* Галерея им. Федотова – 费多托夫画廊 (Fèi duō tuō fū huà láng), где 费 – стоимость, 多 – много, 托 – поддерживать, 夫 – мужчина. Названия, содержащие в себе имена собственные, без исключения переводятся путем транскрипции; Галерея “Artservatory”. Перевод транскрипцией: 阿采瓦拓利亚画廊 (Ā cǎi wǎ tuō lì yǎ huà láng), в данном случае 阿 – склон, 采 – собирать, 瓦 – керамика, 拓 – расширять, 利 – польза, 亚 – уступать. Перевод калькированием: слово artservatory произошло от сочетания английских слов art и observatory, которые по отдельности переводятся как «искусство» и «смотрительный пункт», соответственно. При переводе на китайский язык словосочетание «смотрительный пункт» можно заменить на «музей» для более точной передачи типа заведения – 美术馆 (Měishù guǎn).

Обратимся к переводу астионимов Хабаровского края. Среди туристов из КНР популярны масштабные экскурсии не только по Хабаровску, но и по ближайшим районам нашего края. В

качестве примера, рассмотрим наиболее популярные населенные пункты в туристических маршрутах.

1. *Портовый город Ванино*. Перевести это название возможно только с помощью транскрипции, так как в китайском языке оно не имеет аналогов. Крайне важным при этом является подбор нейтральных по смысловой окраске иероглифов: 瓦尼诺 港口城市 (Wǎ ní nuò gǎngkǒu chéngshì), где 瓦 – глина, 尼 – близкий, 诺 – разрешение, а 港口城市 – портовый город.

2. *Советская Гавань*. Данное наименование следует перевести как “苏维埃港” (sūwéiāigǎng), где 苏维 переводится как “совет” / “советский”, а 埃港 соответственно “порт”, “гавань” или “бухта”. Перевод выполнен методом калькирования.

3. *Поселок Заветы Ильича*. В случае с этим названием следует совместить оба переводческих метода – и транскрипцию, и калькирование: заветы – 遗教 (yíjiào), Ильич – 伊利希 (yǐlǐ xī). Полный перевод будет звучать так: 伊利希的遗教.

4. *Село Сикачи-Алян*. Для адекватной передачи смысла названия необходимо обратиться к его происхождению: по одной из версий, название связано с эвенкийскими словами сики – «мутная вода»; чи – суффикс; алан — перевал. Другой вариант перевода – «прожить годы», «провести время». Иными словами, «Прожить годы около мутной воды», или «Перевал с мутной водой». Подберем эквиваленты в китайском языке: 浑水 (hún shuǐ) – мутная вода, 通过 (tōngguò) – перевал. Полное название будет звучать “浑水的通过”.

Значимость результатов проводимого исследования видится в двух категориях: 1) лингвистическая – решается проблема корректного перевода топонимов города Хабаровска с русского на китайский язык с точки зрения структурно-семантического анализа языковых единиц и особенностей их образования; 2) прагматическая - от качества понимания туристами языковых единиц зависит не только успех маркетинговых стратегий, но и формирование образа “чужой” страны в сознании иностранцев, стереотипизация инокультурных реалий. Присутствует возможность использования результатов исследования для оптимизации процессов переводческой деятельности в России. Материалы проводимой работы могут быть использованы в составлении и распространении карт на китайском языке, в целях улучшения туристических взаимоотношений с Китаем. Успешное решение языковых проблем в данном направлении имеет большое значение для укрепления экономического и политического статуса региона и государства.

Литература

1. Балашова, В. П. Годонимы китайского языка как объект изучения в современной топонимике [Электронный ресурс] / В. П. Балашова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 37. – С. 191–194. – Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/771269.htm> (дата обращения 19.04.2020).
2. Карпенко, Ю. А. Топонимика и её место в лексической системе языка / Ю. А. Карпенко. – Черновцы, 1962. – 314 с.
3. Онлайн-карта города Хабаровска с указанием наименований торгово-развлекательных заведений [Электронный ресурс]: [<https://bestmaps.ru/goroda/habarovsk>] (дата обращения 12.04.2020).
4. Хамаева Е.А., Шишмарёва Т.Е., Кремнев Е.В. Транслингвографический перевод как способ экспертного перевода (на материале переводов «Шань Хай Цзин» и «Эръя») / Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. – 2016. – № 4. – С. 69-79.
5. 百度文库 [Электронный ресурс]: сайт библиотеки. – Режим доступа: <https://wenku.baidu.com/view/f74a8079172ded630a1cb61a.html> (дата обращения 6.05.2020)

Чернышов С.А.

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Россия

**Формирование территориальной идентичности в процессе присоединения
Западной Сибири к Русскому государству: реальность и отражение в
коммуникативных практиках**

Аннотация. В настоящей статье анализируется проблема территориальной субъектности Западной Сибири. Делается вывод, что объективно Западная Сибирь, находясь в длительном историческом контакте с Русским государством, не может быть представлена «инородным» образованием. Однако основные субъекты присоединения этой территории в своих коммуникационных практиках представляли Сибирь совершенно иначе: как часть «нецивилизованного» мира с лучшими условиями для самореализации («народная вольница»), и, в конечном счете, «колонией» России с территориально обособленной идентичностью.

Ключевые слова: Сибирь, колонизация, фронт, присоединение Сибири.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-39-60002\19

Присоединение Западной Сибири к Русскому государству в конце XVI – XVII вв. практически совпало по времени с европейской колонизацией североамериканского континента. Традиционно это стимулирует исследователей к проведению параллелей между этими процессами, или даже их унификации в рамках так называемых «Великих географических открытий». Однако если рассмотрение освоения Северной Америки в рамках парадигмы «колония против метрополии» является фактически исследовательским консенсусом, то вопрос аналогичного позиционирования присоединения Сибири является дискуссионным. Этот вопрос можно переформулировать и иначе: была ли Западная Сибирь для Русского государства неким «инородным телом», имеющей собственную территориальную идентичность, противопоставляемую остальной стране? Причем как де-факто, по объективным признакам, так и в коммуникационных конструктах правительств, исследователей и прочих современников - субъектов внутренних и внешних коммуникаций?

Важность той или иной интерпретации решения поставленной проблемы очевидно принципиальна. Если Западная Сибирь действительно накануне и особенно в процессе присоединения к Русскому государству приобрела собственную территориальную идентичность, основанную прежде всего на противопоставлении себя метрополии, то это означает отсутствие значимых различий между процессами на этой территории и в Северной Америки, а также одинаковые основания между русской и европейской колонизациями. Если некоторую территориальную субъектность Западной Сибири установить не удастся, и территория выступает как объект исторического действия или не имеет четко выраженных идентификационных отличий от остальной страны, то русскую колонизацию следует признать особым типом экспансии со своими специфическими чертами.

Историография традиционно дает три основных ответа на поставленные вопросы, причем все они отличаются известной степенью идеологизации. Так, «западники» традиционно рассматривают присоединение Сибири в рамках сформулированного в 1996 году А. Мэддисоном понятия «western offshoot» [10] - как «выплеск из себя» европейской цивилизации, совершенно идентичный в Сибири, Америке или Африке. Согласно второй, наиболее распространенной в России версии, присоединение Сибири к Русскому государству радикально отличается от европейской экспансии на американском континенте характеров взаимодействия колонистов и местного населения: если Америка оставалась для Европы колонией, территорией «второго сорта», то Сибирь интегрировалась в общегосударственную систему отношений на общих основаниях [21]. Это классическое, берущее начало еще в советской классической историографии

представление: присоединение Сибири было мирным и дружественным, а Америки – враждебным и воинственным. Наконец, представители третьей версии полагают, что присоединение Сибири отличается от европейской территориальной экспансии не характером отдельных элементов, а представляет вообще отдельный цивилизационный процесс, истоки которого следует искать не на Западе, а на востоке – в империях тюрков и Чингисхана. Начиная, по меньшей мере, с Владимира Вернадского эта концепция звучит так: Россия, продвигаясь в Сибирь, исполняла не «общеевропейскую миссию», а фактически восстанавливала степные империи Евразии, мысля себя преемницей Золотой орды [16].

Истоки указанных концептуальных противоречий следует искать, прежде всего, в российской историографии, идеологизация которой особенно была заметна в XX веке. Систематическое академическое изучение вопросов присоединения Сибири к Русскому государству началось сравнительно поздно, только в середине XVIII, и первое время протекало в русле общеевропейских концепций. Это и не удивительно, поскольку первыми учеными, системно занявшимися сибирскими исследованиями, стали немцы Г.Ф. Миллер и И.Э. Фишер, которые разделяли концепцию завоевания Сибири в русле общеевропейской колонизации [26,27]. Советские историки традиционно воздерживались от комплексного анализа характера присоединения Сибири, ограничиваясь идеологическими построениями о «мирном и крестьянском присоединении края». Вот характерная цитата классика советского сибиреведения С.В. Бахрушина: «впереди из года в год ходившие на промыслы купцы протаривали дорогу. За ними шел крупный предприниматель. Государство выступило с намерениями подчинить новые земли значительно позже» [18]. Наконец, с 1990-х годов в российской историографии наблюдается обратная идеологическая крайность: присоединение Сибири толковалось в негативном свете как процесс, критическим образом повлиявший на гармоничное развитие присоединенных к России территорий.

С вопросом о характере присоединения Сибири к Русскому государству традиционно связана и другая дискуссия: уместно ли называть Сибирь «колонией России» – также, как колониями европейских стран назывались отдельные территории Северной Америки? Если для западных исследователей этот вопрос не вызывает дискуссий (Сибирь в западных исследованиях – это, за редким исключением, колония России [8,6,14]), то в России вопрос именования Сибири «колонией» даже в известное историческое время имеет идеологическую окраску. Признание такой возможности означает либо определенный «западноориентированный» подход: «в понятии «колония» я не вижу ровным счетом ничего уничижительного» [24], либо даже в признании необходимости некоторого подражания Америке, противопоставлении того, что добились «колония» европейских стран в противовес тому, чего не удалось достичь «не-колонии» России в Сибири [28]. Особый подход представляет собой идея «внутренней колонизации»: если европейцы осваивали «внешние» территории, то русские – свою собственную страну, не разделенную морями или океанами. Этот подход был сформулирован Ричардом Пайпсом в 1990-е годы [12] и нашел сторонников среди российских историков – впрочем, его также можно отнести к вариациям «колониального» подхода к присоединению Сибири, рассмотрению этого процесса как части общеевропейских процессов.

Любопытная деталь: в России только во второй половине XIX в. в отношении Сибири стал применяться термин «колония» – например, в фундаментальном труде известного русского историка, профессора Московского университета С.М. Соловьева, опубликованном в 1851 году [34]. И только в конце XIX в. Н.М. Ядринцев публикует исследование «Сибирь как колония», в котором ключевой концептуальной предпосылкой является колониальный характер зависимости Сибири от метрополии [37]. Когда Россия только начинает формулировать характер взаимоотношений русских и аборигенов Сибири и закреплять их как неравные, в странах Запада уже набирает обороты неприятие поведения предков по отношению к американским аборигенам, осуждение колониального характера освоения Америки. Это наиболее ярко проявляется в английской и американской литературе – например, в творчестве Вашингтона Ирвинга [17] и Джеймса Фенимора Купера [2]. В этом смысле дискуссия о характере присоединения Сибири в

России отстает от западной, по меньшей мере, на одно-два столетия, и этот разрыв не преодолен до сих пор.

Важным этапом в осмыслении территориальной экспансии европейских стран стала теория фронта. Термин «фронт» Ф. Тернер впервые употребил в 1893 году, а саму теорию сформулировал в 1920-е [15]. Идея фронта как границы между освоенными и неосвоенными землями, «своими» и «чужими», «цивилизацией» и «дикостью», колонистами и аборигенами оказала существенное влияние на характер дискуссий о колонизации Америки и Сибири. Фактически такое разделение «мы/они» стало доминирующим подходом в описании колонизации Америки, а в 1990-е годы теория фронта стала набирать популярность и среди российских исследователей Сибири. Так, еще в 1996 году в Томске была проведена первая в России международная конференция «Американский и сибирский фронт (фактор границы в американской и сибирской истории)», положившая начало широкому распространению этого подхода по отношению к Сибири.

Однако следует признать, что по отношению к Сибири теория фронта не получила содержательного развития. Как правило, российские историки не занимались углубленным изучением или дополнением идей этого подхода, а ограничивались компаративным сравнением американского и сибирского фронтов, либо выделением специфики Сибири в общеевропейских фронтальных парадигмах. В частности, высказывались идеи о «точечном фронте» в Сибири (противопоставлении отдельных поселений русских и окружающего аборигенного мира) [19], проведения линии фронта не между аборигенами и колонизаторами, а между местными жителями (как аборигенами, так и русскими) и административными элитами, несущими индустриальное общество [22], и другие. Наконец, к 2010-м годам идея фронта по отношению к Сибири потеряла свою привлекательность, и общепризнанной стала точка зрения о том, что сибирские аборигены и русские, находясь еще до присоединения в процессе длительного исторического диалога, не могли быть кардинально разными в особенностях мировоззрения и социального устройства, что не дает каких-либо оснований для их разделения по аналогии с европейской колонизацией [36].

Таким образом, двигаясь в русле традиционных представлений о присоединении Сибири к Русскому государству, следовало бы признать вопрос о формировании территориальной идентичности территорий «за Камнем» ничтожным, поскольку Сибирь, как правило, не принято представлять «колонией» России, проводить линию «фронта», и в целом рассматривать как часть процесса «Эпохи Великих открытий».

Однако представляется возможным декомпозировать поставленную нами проблему определения противопоставленной остальной стране территориальной идентичности Сибири на несколько исследовательских задач:

- коммуникационный контекст присоединения новых территорий в Русском государстве и Европе: кто и как об этом сообщал, какие смыслы вкладывал в свои сообщения;
- особенности легитимизации присоединения новых территорий в коммуникационных практиках субъектов колонизации (правительство, поселенцы, путешественники, предприниматели), в том числе, в рамках проблематики Чужого (Другого);
- восприятие «дикости» и «цивилизованности» у поселенцев и иных субъектов колонизационных процессов в Сибири и Америке, анализ возможностей применения идентичных концепций «western offshoot» и фронта для унификации территориальной экспансии России и Европы;
- формирование особых систем управления присоединенными территориями в контексте выделения и проблематизации отношений «колония-метрополия».

Основные дискурсы колонизации Сибири и Северной Америки

Начнем с важного вопроса: чем была Сибирь для русских и Америка для Европейцев в XVI-XVII вв, и какие ключевые дискурсы о присоединяемых территориях нам известны из свидетельств современников? На первый взгляд, мы видим в этом вопросе кардинальное отличие Сибири от Америки.

В текстах современников, которые описывают особенности колонизируемого Американского континента и преимущества переселения на новые земли, прослеживаются несколько четких идеологических построений, которые сложились как устойчивые паттерны уже ко второй половине XVI в. в работах Р. Наклуит «Мотивы колонизации» [4] и Т. Хэрриота. Это, прежде всего, акценты на привлекательности новых территорий для предпринимательской деятельности и реализации новых бизнес-проектов. Еще один современник колонизации Северной Америки середины XVII в. Роберт Лохинвар в качестве цели своего сочинения о европейских колониях в Америке прямо называет «Необходимость преодолеть неверие людей в перспективы колонизации, то недоверие, которое прочно закрепилось в общественном мнении и дискредитирует перспективные усилия по организации колоний» [9]. Таким образом, европейские летописцы колонизационного движения, во-первых, напрямую обращаются к «общественности», во-вторых, работают со стереотипами с целью стимулирования предпринимательской активности в колонизации американских территорий.

Принято считать, что в Русском государстве XVI-XVII вв. ничего такого не происходит, и доминирующую роль в колонизационных процессах в Сибири играло государство с его военными силами и административным аппаратом [35]. Однако в отношении Сибири заметным является схожая тема так называемой «народной вольницы», которая распространяется в народных сказаниях, легендах и фольклоре. Характерные поговорки и пословицы о Сибири рисуют этот край как богатую и свободную от государственного гнета территорию: «В Сибири и на берегах калачи растут», «Там хоть и холодно, да не голодно!», «В Сибири бабы коромыслами соболей бьют», «Страшна Сибирь слухом, а люди в ней лучше нашего живут», «В Сибири 100 рублей – не деньги, 100 верст – не расстояние» [20].

Более того, на фоне официальной государственной позиции, согласно которой колонизация Сибири – это возвращение исконно принадлежащих московскому царю земель, уже с конца XVI в. появляются народные образы Ермака и его дружины, покоривших новые территории. Эти образы романтичны, преисполнены любви к простому народу и желания бороться за его свободу и благополучие. Ермак, согласно этим преданиям, основывает (или находит) в Сибири удивительную «казачью вольницу», где каждый может жить, работать и добиваться благополучия исключительно благодаря своему труду, получая за него справедливое вознаграждение. Эти образы, начав формироваться в фольклоре практически сразу после окончания похода Ермака, остались удивительно стойкими вплоть до начала XX века (то есть, более 300 лет!), а сам Ермак к концу XIX века стал главным героем сибиряков: современники отмечают, скажем, что не было практически ни одной избы в Сибири, где бы ни висел его портрет [25].

Любопытно также, что московским правительством для внутренней и внешней аудитории используются совершенно разные идеи коммуникаций. Основной тезис, который транслируется внешней аудитории (прежде всего, по дипломатическим каналам) – обоснование легитимности включения новых территорий в состав Московии и обоснование равного с европейскими монархами (либо даже превосходящего их) статуса московского царя.

Так, уже в 1555 году, сразу после формального принятия подданства московского царя со стороны сибирского князя Едигера и почти за 30 лет до похода Ермака, Иван Грозный пишет письмо королю Англии Эдуарду, где именует себя «повелителем Сибири». Уже в 1584 году, когда дружина Ермака занимает столицу Сибирского ханства город Искер, аналогичные инструкции появляются в наказах посольству к германскому императору, затем – правителям Швеции, Персии, Османской империи и других стран. Характерно, что московское правительство представляет внешне ситуацию так, словно Сибирь – исконно русская земля, и присоединяя эти территории, царь Иван и его преемники Федор Иванович и Борис Годунов всего лишь восстанавливают историческую справедливость. Вот характерная цитата из инструкции постам в Англию 1600 года: «Сибирское царство искони вечная отчина государей наших, царей Российскихх; а взял Сибирь в гдрь наш князь Иван Васильевич всея Руси, в гдря нашего, блаженные памяти ц. и в. князя Федора Ивановича всеа Руси самодержца, прадедь – тому ныне болши ста летъ» [32]. В дальнейшем концепт «искони вечная вотчина государей наших» встречается в дипломатической переписке повсеместно.

Но для внутренней аудитории Русского государства при этом использовалась традиционная и для европейской колонизации идея освобождения новых территорий от «неверных» - то есть, врагов христианства. Обращаясь к внутреннему потребителю, официальные русские летописи становятся совершенно похожими на хроники европейских монархов. Так, например, описывает ситуацию одна из «Сибирских летописей» - Есиповская летопись (Титовский свод): «посла бог очистити место святыни и победити бусорманского царя Кучюма и разорити боги мерския и их нечестивая капища, но и еще быша вогнеждение зверем и водворение сирином. Избра бог не от славных муж, царска повеления воевод и вооружи славою и работорством атамана Ермака Тимофеева сына и с ним 540 человек» [31]. Зафиксируем эту разницу: если анализировать дискурсы, которые московское правительство предлагает для внутренней аудитории, то колонизация Сибири ничем не отличается от колонизации Северной Америки – это освобождение для христиан земель, захваченных узурпаторами и врагами веры.

Итак, если анализировать официальные внутренние сообщения Русского государства и народную устную традицию, то коммуникационная территориальная идентичность Сибири очевидно идентична с североамериканской: это колония, а также место для реализации амбиций активных людей (промышленников, казаков, крестьян – словом, «народная вольница».

Восприятие новых территорий и их населения колонизаторами

Следующая важная проблема – это фронтирное разграничение «дикости» и «цивилизации», «нас» и «их», «своих» и «чужих». В отношении Америки такой подход является общепризнанным. Уже в первых сочинениях современников о колонизации Северной Америки индейцам уделяется повышенное внимание (сродни некоему удивительному явлению природы), при этом они описываются доброжелательно и во-многом снисходительно, как, например, античные варвары, которым вскоре предстоит быть покоренными римлянами[5]. «Что касается населения, то его немного, люди это бедные и нецивилизованные. Одеты в свободные одежды из кожи оленей, подпоясанные. Остальные части тела обнажены. У них нет железного оружия, которое они могли бы использовать против нас» [9], - пишет Лохинвар о жителях североамериканского континента.

С тех же позиций описывают европейские путешественники, побывавшие в Московии в конце XVI-первой половине XVII в. и присоединение Сибири. Например, Джильс Флетчер, приехавший в Москву в ноябре 1588 года в качестве посланника королевы Англии Елизаветы к русскому царю Федору Ивановичу, в своей работе «О государстве Русском...» (впервые вышла в 1591 году в Лондоне) так описывает характер присоединения и удержания Сибири под властью Русского государства: «во-первых, царь поселил в этих странах столько же русских, сколько там туземцев (...). Во-вторых, здешние начальники и судьи все русские и сменяются царем очень часто. В-третьих, он разделяет их на многие мелкие управления. В-четвертых, царь заботится, чтобы тамошние жители не имели ни оружия, ни денег» [3]. Мы видим, что это типичная колониальная картина в рамках подхода, который затем будет описан в теории фронта и концепции анализа Другого (Чужого) Берихарда Вальденфельса.

Но означает ли это, что именно так понимали колонизацию Сибири современники в Русском государстве?

Опять-таки, если мы возьмем документы, относящиеся к внешним сношениям Русского государства с теми же европейскими странами, то на этот вопрос необходимо будет ответить утвердительно. В одной из самых первых русских дипломатических инструкциях о том, как нужно объяснять иностранным правительствам проблему присоединения Сибири, написанной для послов в Швецию в августе-сентябре 1585 года, излагается та же «силовая версия» присоединения и удержания Сибири: «А нечто спросят про Сибирь, а хотя и не спросят, и имъ в розговорахъ про Сибирь гоорити, что (...) государь нашъ (...) позволилъ на Сибирь иди казакомъ, и казаки государевы, исх Перми шодъ, Сибирское царство взяли, и Сибирский царь Кучюмъ убежал в поле, и ныне государь на него послалъ рать свою; а племянник Кучюмовъ Маметкуль царевичъ собрався съ людбми приходилъ въ Сибирь (...) и государевы люди (...) больше десяти тысячъ побили. (...)

А царство Сибирское великое по Оби реке верст на две тысячи и болши, а городовъ в ней до семидесяти; и ныне Сибирское царство в государевой воле» [33].

Сегодня мы знаем достаточно, чтобы утверждать: русские, прибыв в Сибирь в конце XVI в., не испытали тех же чувств, что и европейцы в Северной Америке. К этому времени русские (прежде всего, представители Новгородской республики) уже, по меньшей мере, четыре века взаимодействовали с сибирскими аборигенами. Так, первое упоминание о военном походе новгородцев в Югру (область на севере Западной Сибири) относится к 1193 году, а «ответный визит» югорцев – к 1195 году. Летопись за этот год фиксирует: «придоша из Югры избыток живых» [30]. История взаимодействия Югры и Новгорода – это не только история военных походов, но и значительный опыт взаимодействия купцов и промышленников (предпринимателей): купцы выменивали в Сибири меха на железные ножи, топоры и прочие ремесленные изделия. В 1472 году Новгородская республика попадает под власть Московского великого княжества, и уже в 1499 году великий князь Иван III предпринимает военный поход на Югру с тем, чтобы зафиксировать власть Москвы и над этой территорией. В результате этих походов 42 югорских селения остяков и вогулов (нынешних ханты и манси) признали московского великого князя своим верховным государем. Наконец, как уже упоминалось выше, формально московский царь именуется «повелителем Сибири» с 1555 года, когда в Москву прибыло посольство сибирского князя Едигера. Устойчивый и системный характер многовекового взаимодействия русского и сибирских народов фиксирует в середине XVIII в. новообразования императорская Академия наук. Когда Г.Ф. Миллер отправляется в свою сибирскую экспедицию (это, как известно, первый опыт академического изучения Сибири в истории России) в инструкции ученому академики упоминают «... а особливо рассматривать надобно начала, нравы и обычаи тех народов, кои живут на северной стороне реки Амура, потому что слух носится, что и Российский народ имел там древние свои жилища» [26].

Поэтому неудивительно, что в русских документах конца XVI-XVII вв. нет даже намека на жесткое противопоставление «мы»/ «они», которое встречается в североамериканских хрониках европейских современников. Знакомство русских с Сибирью произошло задолго до эпохи «Великих открытий», за несколько веков до похода Ермака эти территории связывали как торговые, так и политические отношения.

В этой связи характерно влияние присоединения Сибири на конструирование самих основ государственности России. По Я. Кусберу, если присоединение Северной Америки мало влияет на самовосприятие европейскими монархами и элитами своих собственных стран, то присоединение Сибири фактически делает Московское княжество Россией, конструируя вновь возникающую страну как империю [7]. Сибирь для московских политических мыслителей – знакомое пространство, которое традиционно являлось соперником для Московии, и покорение которого позволяет претендовать на имперский статус русских царей [13].

Характер управления присоединенными территориями в Сибири

Наконец, учитывая описанные контексты и особенности присоединения новых территорий, необходимо ответить на вопрос: в парадигме современных представлений о характере социально-политических взаимодействий и коммуникационных особенностей оформления колониальных процессов, была ли Сибирь колонией Русского государства в рассматриваемый период (с учетом того, что колониальный характер зависимости территорий Северной Америки от европейских стран является неоспоримым)?

Наиболее лаконичное определение колонии, на наш взгляд, дает Cambridge Essential Dictionary, который определяет колонию как «a country or area controlled by a more powerful country» [1]. Фактически в этом определении присутствуют все вышеназванные современные представления о колониальном характере зависимости территорий: неравенство силы, разделение «мы\они» и некий особый режим управления, который не позволяет включить территории колонии в «тело» метрополии. Дополнительной характеристикой колониальной зависимости может стать и ресурсная зависимость колонии от метрополии.

В этой части работы мы остановимся на особом режиме управления. Теория фронта подразумевает, что в начальный период присоединения территории на стыке «дикости» и

«цивилизации» существует некая буферная зона управления, где власть верховного правителя (императора, короля, царя) действует опосредованно и весьма условно в угоду местным локальным правителям (как правило, формально подчиняющимся верховному правителю – маркизам, князьям, баронам и так далее). Затем граница стабилизируется и формируется некая линия, разделяющая «своих» и «чужих», колонию и метрополию.

В Сибири такая буферная зона управления действительно функционировала на протяжении нескольких десятилетий – это были вотчины промышленников Строгановых, которые еще в 1558 году получили «во владения свои и наследников» Приуралье, а в 1568 году – земли «по Тоболу и Сибири» (притом, что де-факто эта территория еще не входила в состав Русского государства). В 1574 году царь Иван Грозный выпускает еще одну жалованную грамоту, по которой Строгановым «разрешено заселять землю по Тоболу людьми разного чина, строить города и крепости, держать в них пушки, пушкарей, и «вообще использовать землю и богатства» [26]. Строго говоря, им дается полная свобода в реализации внутренней и внешней политики на оговоренной территории, что дает основания говорить о владениях Строгановых как о буферном квазигосударстве при формальном признании верховенства власти московского царя. И именно в этом квазигосударстве в течение нескольких лет формируется инфраструктура для присоединения Сибири: строятся опорные крепости, собирается и оснащается войско Ермака, разрабатываются планы наступательных походов за Урал.

Когда в борьбу включаются регулярные правительственные войска, а Сибирское ханство к концу XVI в. фактически прекращает свое существование, русские администраторы выстраивают в Сибири некую сложносоставную систему управления, которую действительно сложно считать включенной в общее «тело» общей страны. С одной стороны, в Сибири сохраняется существующая со времен Сибирского ханства административно-фискальная система – податные единицы (волости, княжества и прочие политические образования), с которых новая власть осуществляет сборы. Это, как уже говорилось выше, традиционно объясняется идентичностью основ существования Московского царства и Сибирского ханства, берущих начало в государственности Золотой Орды, частями которой было и то и другое государство. Отсюда же и традиционно делается вывод, что Сибирь, таким образом, управляется на тех же основаниях, что и остальная страна, а потому не может считаться колониальным владением России.

С другой стороны, отличия от «старых» земель Русского государства в Сибири все же имеются. Во-первых – это льготные фискальные режимы, при помощи которых новые правители пытаются склонить на свою сторону местные элиты. В первые годы управления Сибирью русской администрацией устанавливается требование по сборам – не больше, чем они платили прежним правителям, а с 1599 года царь Борис Годунов и вовсе полностью освобождает сибирских правителей от уплаты ясака на следующий, 1600 г.: «А их всея Сибирские змли князей и мурз, и татар и остяков и вогулич: наперед ясаку с них имать не велели» [26]. Но в долгосрочной перспективе это не помогает: аборигены Сибири регулярно поднимают восстания против новых правителей, потомки сибирского хана Кучума вплоть до середины XVII в. предъявляют права на престол де-факто давно не существующего Сибирского ханства, и еще в 1662 году в Москву посылают донесения «о готовящемся среди хантов возмущении» [18]. Почти через 100 лет после начала присоединения, Сибирь все еще бунтует против новой русской администрации.

Правовой основой для управления сибирскими народами, как и в Северной Америке, становились двусторонние договоры, заключаемые между представителями московской царской администрации и правителями местных сибирских социально-политических образований по принципу «порядок в обмен на обязательство уплаты податей и верной службы». Постепенно, по мере «замирения» Сибири меняется контекст, и договоры из двусторонних (хотя и неравноправных, с Русским государством на позициях сильного партнера) превращаются в подданнические (односторонний акт признания власти сильного), однако особый двусторонний характер взаимоотношения русских колонизаторов и сибирских народов – это исторический факт [23].

Все, что мы сегодня знаем о первых десятилетиях присоединения Сибири к Русскому государству, говорит об одном: на протяжении всего XVII в. московское правительство не имело

цели формирования здесь стабильно работающей системы государственных институций и включения Сибири в общерусскую административную систему, ограничившись созданием (восстановлением) эффективно функционирующей системы сбора податей и ресурсной эксплуатации территории. Чем дальше от центра, тем больше чувствовалось в Сибири отсутствие единой системы государственной власти и всевластия местных воевод, а также распри между ними – хотя они, казалось бы, действуют в общих интересах под знаменем Московского правительства. Так, строительство Томска в свое время вызвало недовольство Кетского воеводы, поскольку это уменьшало его доходы [26].

Систему взаимоотношений внутри русской администрации усложняли и многочисленные «особые» хозяйственно-политические режимы, существовавшие в разные годы рассматриваемого периода. Сюда следует отнести уже упоминавшиеся льготы для отдельных местных правителей, а также, например, образование бухарских торговых колоний с «особым» режимом управления, де-факто похожим на независимые государства: бухарцы были освобождены «от тягла и оброков», «по льготе владеют землями», «и в вере их бусураманской им свобода» [18].

То, что московское правительство в первое столетие владения Сибирью не пыталась встроить ее в общерусскую административную систему, говорит и сохранение власти местных аборигенных правителей, которые постепенно легитимизируют свое существование не по «праву рождения» (то есть, в результате передачи власти по наследству местного рода), а через дарования этой власти московским царем. Яркий пример – смена власти табаринскими татарами в Пелыме, где в результате формально «внутренних» интриг в 1598 г. к власти пришел Воча-мурза, поддержанный русскими. Он тут же отплатил своим покровителям, «ударив государю челом 40 соболями единожды», притом что годовая норма сбора ясака с этого образования составляла 68 соболей [8]. А в Пиковской волости селькупов в 1629 г. еще отмечается правление местного князя Сонгура, а уже через 10 лет – некоего Судзи Иванки, «выдвинувшегося за большие услуги перед новой властью» [29].

Постепенно местные правители начинают делиться царской администрацией на тех, кто поддерживает Москву, и тех, кого в грамотах царю называют «изменниками». Это проявляется как в риторике обращений, так и в поименовании самих аборигенных правителей – именно в этот период в их отношении впервые употребляется уничижительное слово «князец», но только в отношении тех, кто не поддерживает власть русских. «Бил нам челом Пегие орды князь Тайбохта Воня сказал: посылан он е был с нашими служивыми людьми на наших изменников на Менлея, да на Чулымских и Кетских князьков, и он де тех изменников князьков под нашу царскую руку привел» [26], – говорится, к примеру, в грамоте царя Василия Шуйского в Сургут в мае 1610 г. В результате власть местных князей выхолащивается, а местные княжеские роды уже к XVIII в. фактически прерываются – вся власть переходит к ставленникам московского двора.

Довершает эту картину и организационное оформление власти московских царей над присоединенными территориями в Сибири: до 1599 года новые владения Москвы управляются через Посольский приказ (аналог «Министерства иностранных дел» в России рассматриваемого периода), затем через Приказ, который управляет Казанью и Астраханью (еще одними осколками Золотой Орды), с 1637 года – Сибирским приказом, и только в начале XVIII в., уже во время реформ императора Петра Великого на Сибирь формально распространяется общероссийская логика управления через губернии.

Таким образом, если рассматривать определенный в настоящей работе подход, то Сибирь в XVI-XVII вв. для России является классической колонией, с особым режимом управления и своеобразной системой легитимизации локальной власти. В этом аспекте, как и в случае с ресурсной эксплуатацией, Сибирь и Северная Америка находятся в одинаковых контекстах колониальной политики европейских стран и России.

Выводы и заключение

Признание сложного характера присоединения Западной Сибири к Русскому государству, наличия множества субъектов действий, а также важности как самостоятельного объекта исследования анализа коммуникационных практик, сопровождающих указанные процессы, дает возможность сделать неоднозначные выводы о проблеме, поставленной в настоящей работе.

Западная Сибирь для Русского государства действительно не была «инородным телом» с собственной субъектностью. Пребывая в продолжительном историческом диалоге с русскими, аборигенные народы Зауралья не были для московских колонизаторов теми же, кем стали для европейцев индейцы Северной Америки. А находясь длительное время в идентичной исторической реальности постзолотоордынского пространства, Русское государство, Сибирское ханство и иные государственные образования рассматриваемой территории имели еще и схожие механизмы социально-политического взаимодействия, что обусловило легкость перехода западносибирских аборигенов под власть московского царя. В этом смысле, *объективно* Западная Сибирь не имела значимой территориальной идентичности и субъектности в составе Русского государства как «колония», «фронтир» и прочее.

Однако в отдельных коммуникативных практиках их субъекты предпринимают все усилия, чтобы представить Западную Сибирь обособленным образованием, внешним по отношению к Русскому государству – таким же, как для Европы стала Северная Америка. Примечательно, что все основные субъекты колонизации Сибири – от московского правительства и промышленников Строгановых до Русской православной церкви и народного устного творчества представляли в своих коммуникационных практиках присоединение Сибири как часть европейского покорения «нецивилизованного мира». В этом смысле, в России XVI-XVII вв. *очень хотели бы*, чтобы колонизация Сибири представлялась внешнему миру частью европейских колонизационных процессов, не будучи объективно таковой, для достижения текущих внешнеполитических целей, связанных с легитимизацией статуса московского царя и других. Поэтому следует сделать вывод, что *субъективно* Западная Сибирь являлась обособленным территориальным образованием, частью «нецивилизованного» («нехристианского») мира с более привлекательными, чем в остальной стране, условиями для реализации предпринимательских инициатив («народная вольница»), в конечном счете ставшей «колонией» России, «внешней» («иной») по отношению к ней территорией.

Помимо рассматриваемой темы, этот вывод еще раз доказывает сложность социально-политических процессов в XVI-XVII вв, и дает основания критиковать часто встречающиеся попытки их искусственного упрощения. Что, в свою очередь, способствует формированию объемных, неоднозначных оценок как исторических, так и современных процессов.

Литература

1. Cambridge Essential Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
2. Cooper James Fenimore The Deerslayer, or The First Warpath, (1841)
3. Fletcher G. Of the Russe common wealth or maner of government by the Russe Emperour, (commonly called the Emperour of Moskovia) with the manners and fashions of the people of that countrey ... [Ed. 1]. - London : printed by T. D[awson] for Thomas Charde, 1591
4. Hakluyt R. Reasons for colonization // The Elizabethan America / Ed. by L.B. Wright. Cambridge, 1965. P. 26–36
5. Hariot Th. A brief and true report of the new found land of Virginia, of the commodities there found and to be raised, as well merchantable as others // Hakluyt R. Principal navigations, voyages and discoveries of the English nation, made by sea and over land, to the most farthest and distant quarters of the Earth at any time within the compass of these 1500 years. London, 1589. P. 748–774
6. Kolarz W. Russia and Her Colonies. L., 1953.
7. Kusber J. Mastering the imperial space: the case of Siberia. Theoretical approaches and recent directions of research // Ab Imperio. – 4/2008. – P. 52–74. С. 57
8. Lantzeff G.V. Siberia in the 17th Century. A Study of the Colonial Administration. Berkeley; Los Angeles, 1943.
9. Lochinvar R.G. Encouragement, for such as shall have intention to bee under-takers in the new plantation of Cape Breton, now New Galloway in America, by mee, Lochinvar : reprint. Edinburg, 1625
10. Maddison A. The World Economy: A Millennial Perspective. Paris: OECD Publications Service, 2000, p. 6–8
11. Medieval Frontier Societies. Oxford, 1989
12. Pipes R. The Russian Revolution, New York, Alfred A. Knopf, 1990, p. 103–104.

13. Sunderland W. Peasant Pioneering: Russian Peasant Settlers Describe Colonization And The Eastern Frontier, 1880s–1910s // Journal of Social History Publisher: COPYRIGHT 2001. – Summer, 2001. – Source Volume: 34 Source Issue: 4
14. Treadgold D. Russian Expansion in the Light of Turner's Study of American Frontier // Agricultural History. 1952. Vol. 26, N 4.
15. Turner F.G. The Frontier in American History. – N.Y., 1920. с. 23–27
16. Vernadsky, A History of Russia, vol. 3: The Mongols and Russia. New Haven: Yale University Press, 1953. 462 p.
17. Washington Irving. Chronicle of the conquest of Granada»; 1829
18. Бахрушин С.В. Научные труды : в 4 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3, ч. 1. С. 139.
19. Буканова Р.Г., Тычинских З.А., Муратова С.Р. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2018. №4 (61). С. 90.
20. Головнева Е.В. Формирование образа Сибири в процессе ее колонизации // Журнал Красноярского ГАУ. 2016. №4. С. 215
21. Дамешек Л.М. Присоединение юго-восточной Сибири к России как политический процесс. Возникновение политики патернализма // Известия ИГУ. 2012. №2. С. 128.
22. Ершов М. Ф. Образы фронта при колонизации Северной Америки и Сибири // Вестник угрюдения. 2011. № 4 (7). С. 131
23. Зуев А.С., Слугина В. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. 2015. №3. С. 35.
24. Иноземцев В.Л. Сибирь: от зависимой территории к новым горизонтам // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. С. 12.
25. Лазарев А. Урало-сибирские предания и легенды о Ермаке // Вопросы истории и теории литературы. Вып. 4. Челябинск, 1968. С. 151.
26. Миллер Г.Ф. История Сибири : в 2 т. М.; Л., 1937. Т. 1. 617 с.
27. Миллер Г.Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л., 1941. Т. 2. 796 с.
28. Павлинская Л.Р. Особенности русской колонизации Сибири (XVII — начало XVIII в.) // Сибирь в контексте русской модели колонизации (XVII — начало XX в.): сборник научных статей. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 6.
29. Пелих Г.И. Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск: Наука, 1981. С. 170.
30. Полное собрание русских летописей : в 43 т. Т. 3 : Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 234.
31. Полное собрание русских летописей. В 41 т. Т. 36. Ч. 1. Сибирские летописи. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 381 с. С. 50
32. Сборник Императорского Русского Исторического Общества. В 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1581 по 1604 год. СПб., 1883. 493 с. С. 296-297
33. Сборник Императорского русского исторического общества. Том 129. СПб, 1910, С. 414
34. Соловьев С.М. Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. М.: Университетская тип. 1852.
35. Тимошенко А.И. Роль Сибири в российских цивилизационных процессах // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 2. С. 4
36. Шерстова Л.И. Характер вхождения Сибири в состав России: обзор концептуальных подходов // Алтай – Западная Сибирь в XIX – начале XX в.: население, хозяйство, культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Горно-Алтайск. 2018. С. 100
37. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония: к юбилею трехсотлетия : современное положение Сибири, ее нужды и потребности, ее прошлое и будущее. Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1882. 471 с.

Об издателе

Сибирская ментальность как объект гуманитарных исследований

Материалы II Всероссийской с международным участием научной онлайн-конференции,
посвященной памяти кинорежиссёра, актёра, сценариста и писателя Василия Макаровича Шукшина
(Бийск – Сростки, 24-25 августа 2020 г.)

электронное издание

Ответственный редактор: Власов Михаил Сергеевич

ISBN 978-5-85127-956-0

Дата подписания к использованию: 15.10.2020

Объем издания: 1,4 Мб

1 электрон. опт. диск (CD-R)

Издатель: Алтайский государственный
гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина
659333, Алтайский край, г. Бийск, ул. Владимира Короленко, 53.
Тел.: (3854) 41-64-38